
ОГОНЁК
№ 41 ОКТЯБРЬ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
О ПОДВИГЕ, БЕССТРАШИИ И СЛАВЕ
Максим Штраух– ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ
Рассказ Юрия Яковлева–ЖИЗНЬ КОММУНАРА

Идет чугун!

Замечательная профессия — газовщик. С помощью этих точных приборов контролирует он весь ход доменного процесса. От его наблюдательности и опыта зависит качество плавки.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 41 (1790)

8 ОКТЯБРЯ 1961

39-й год издания

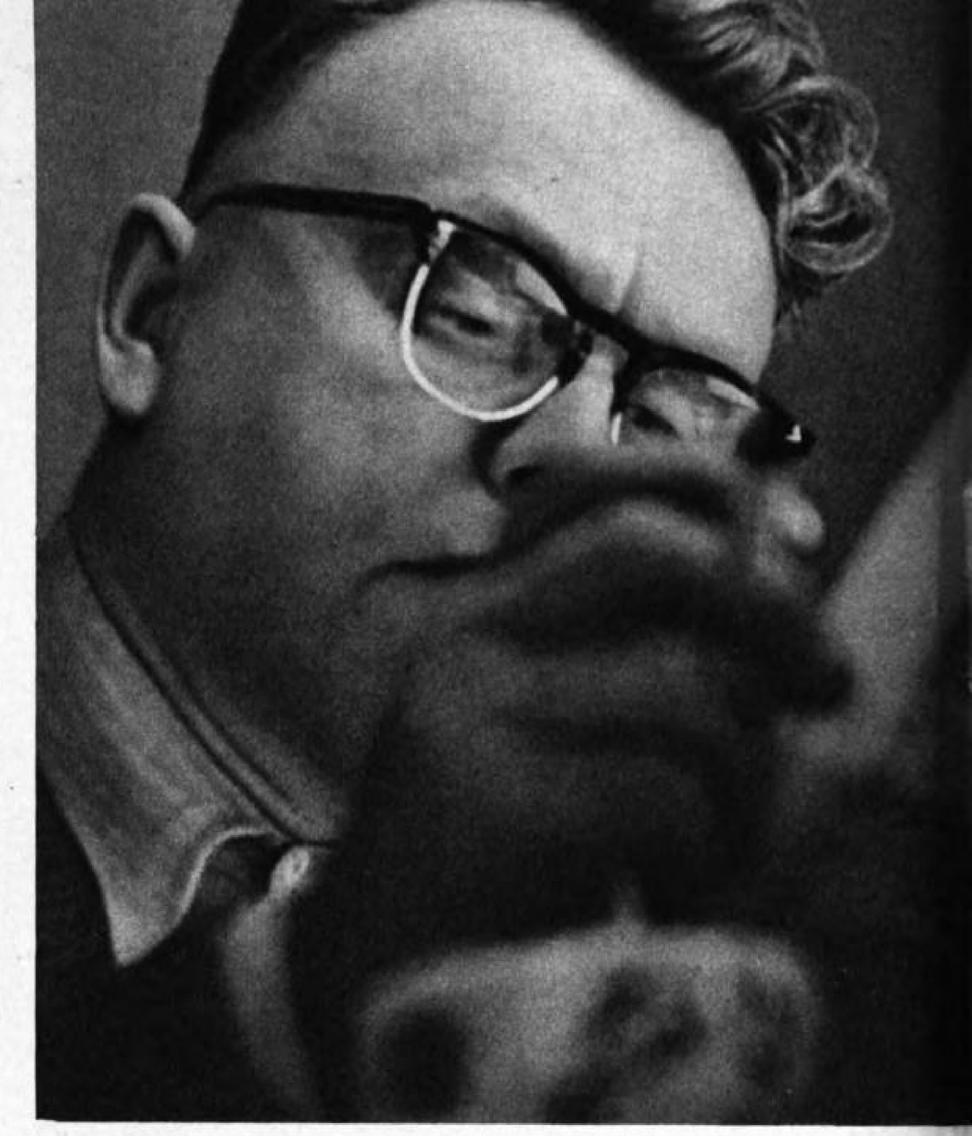
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Чаще всего в уютном домике Каретниковых царит веселое настроение.

Отец и сын увлекаются фотографией.

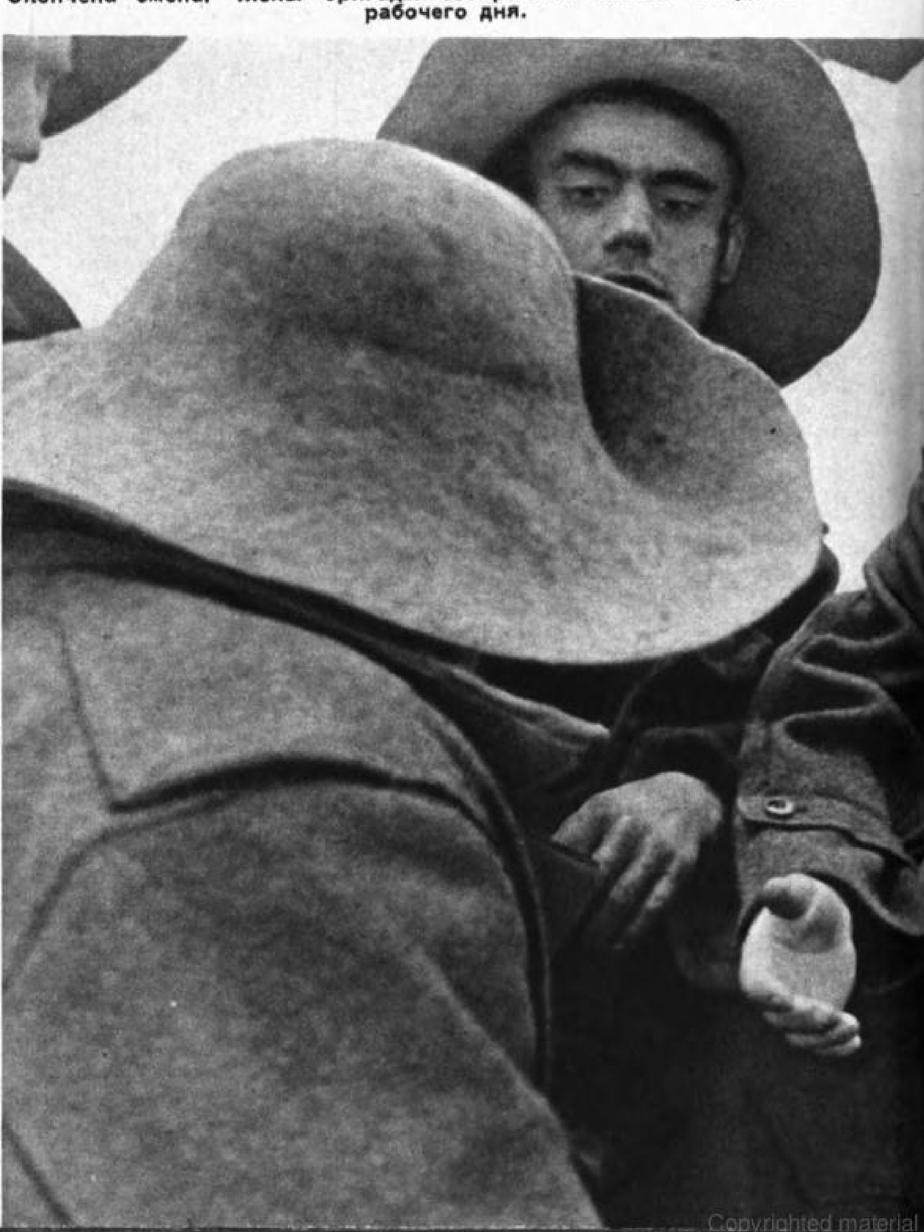

Дома после работы.

СУДЬБОЮ

Окончена смена. Члены бригады собираются вместе обсудить итоги рабочего дня.

Медленно разворачивается окутанная синим дымком огненная лента. Все быстрее и быстрее ползет она по неширокому желобу и вдруг падает в огромный ковш, разбрасывая вокруг звездные брызги. Идет чугун!

Не сосчитать, сколько раз за двадцать шесть лет выходил к выпуску чугуна газовщик Федор Васильевич Каретников. И все-таки в тот момент, когда из разбитой летки домны вытекает готовый металл, Федор Васильевич всегда волнуется.

— Ведь он как живой, этот чугун, постоянно новый. Ждешь его и не знаешь, что же он принесет тебе на этот раз: огорчение или радость.

...В 1933 году по комсомольской путевке приехал на строительство Ново-Тульского металлургического завода рязанский паренек Федор Каретников. Вместе со своими товарищами рыл котлованы, возводил стены первой домны, строил первый клуб, первые ясли, первые дома для рабочих. Когда на пустырь, где рос новый завод, опускался вечер, в черном небе вспыхивало далекое багровое зарево.

— На Косой горе чугун варят, — говорили ребята. А Федору чудными казались их слова. Он, сын крестьянина, выросший в деревне, представлял себе чугун только чугунком, тем самым, в котором мать готовила кашу и суп. И, оказывается, чугунок этот варят! «Вот бы посмотреть!» — мечтал Федор. И потому, когда посылали молодых строителей в ФЗУ учиться на доменщиков, с ними поехал и Федор Каретников.

Через год, к пуску первой домны, овладев специальностью газовщика, возвратился Федор Васильевич на Ново-Тульский завод и с тех пор работает тут.

Вся жизнь Федора Васильевича связана с заводом. Здесь нашел он любимую работу, вступил в Коммунистическую партию, отсюда уходил на фронт. В заводском клубе познакомился он с Александрой Васильевной, которая стала его женой, а в рабочем поселке, что рядом с заводом, выросли его сыновья.

И для всего рабочего коллектива Федор Васильевич — свой, близкий, родной человек. Его уважают за принципиальность и честность, любят за доброту и сердечность. Много лет подряд рабочие избирали Федора Васильевича в завком, где он был бессменным председателем бытовой комиссии. Люди шли к нему со своими нуждами и горестями, и всегда он честно, по-коммунистически разбирал их дела. Сотни рабочих благодарны Федору Васильевичу за хлопоты об их жилищных делах: заводские квартиры всегда распределялись по справедливости. В этом году Федор Васильевич избран в цеховое партийное бюро.

И сейчас коммунисты завода оказали Федору Васильевичу Каретникову величайшую честь и доверие — послали его своим делегатом на XXII съезд КПСС.

...Идет чугун! С гордостью смотрит на огненную ленту человек в широкополой шляпе металлурга.

В этом жарком потоке — судьба, жизнь, счастье советского рабочего Федора Каретникова.

Л. КАФАНОВА

СЧАСТЛИВ ТАКОЮ...

Фото А. УЗЛЯНА.

Рука старшего друга.

О. В. КУУСИНЕНУ — 80 ЛЕТ

Восемьдесят лет исполнилось Отто Вильгельмовичу Куусинену — верному ученику великого Ленина, видному деятелю Коммунистической партии Советского Союза и международного коммунистического движения.

В связи с восьмидесятилетием со дня рождения члена Президиума ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС О. В. Куусинена, отмечая его большие заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством, Президиум Верховного Совета СССР присвоил Отто Вильгельмовичу звание Героя Социалистического Труда.

В приветствии, которое направили О. В. Куусинену Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР, говорится:

«От всего сердца желаем Вам, наш дорогой друг и товарищ Отто Вильгельмович, многих лет здоровья и плодотворной деятельности на благо трудящихся».

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО НАРОД

П. РОМАШКИН,

член-корреспондент Академии наук СССР,
директор Института государства и права

Читая проект Программы КПСС, я и мои товарищи задумались над таким вопросом: а будет ли в коммунистическом обществе, после того как отомрет государство, какая-нибудь власть? Какой она будет носить характер? В этой связи хотелось бы прочесть на страницах вашего журнала статью ученого, который ответил бы на наш вопрос и подробнее рассказал, как будет осуществляться переход от социалистической государственности к коммунистическому общественному самоуправлению.

К. СТРУКОВ, рабочий Минского тракторного завода

Государство и право... Государство и демократия... Сколько томов исписано на эти темы, сколько жарких споров шло и идет по этим проблемам, к каким только ухищрениям не прибегали и не прибегают теоретики антикоммунизма и ревизионисты в своих тщетных попытках нанести удар марксизму-ленинизму с этих позиций! Активность наших идеологических противников возрастает в геометрической прогрессии по мере продвижения СССР к коммунизму. Бывший вице-президент США Р. Никсон недавно обогатил список антисоветской литературы таким своим произведением — «Значение коммунизма для американцев». Автор старается доказать, что при коммунизме, когда государство и право отомрут, в обществе воцарится... произвол и анархия: пусть-де, мол, поберегутся коммунизма все, кому дорог правопорядок. Оставим на совести невежественного экс-вицепрезидента его «теоретические» измышления и разберемся в судьбе государства, права и демократии при коммунизме.

1

Вопрос о роли государства в строительстве социализма и коммунизма всегда был одним из важнейших в марксистско-ленинской теории. А теперь, когда построение коммунистического общества стало непосредственной практической задачей нашего народа, выяснение роли государства в новых условиях, его задач и функций, его судьбы при коммунизме имеет особенное значение.

В проекте новой Программы КПСС научно разработаны перспективы развития социалистической государственности и ее перерастания в общественное коммунистическое самоуправление. Это новая ступень в развитии марксистско-ленинского учения о государстве.

Марксисты-ленинцы всегда рассматривали и рассматривают государство не как вечную, а как исторически преходящую категорию.

Известно, что после победы Великого Октября в нашей стране была сломана и уничтожена старая государственная машина, служившая эксплуататорам, и на смену ей пришло государство нового типа — диктатура пролетариата. Уже тогда это была высшая по сравнению со всеми предшествовавшими форма демократии — подлинное народовластие, возглавляемое рабочим классом.

Но в процессе социалистических преобразований общества диктатура пролетариата сама претерпевала изменения. Ликвидировав эксплуататорские классы внутри страны, она утратила такую функцию, как подавление сопротивления этих классов. И вот закономерный результат: государство диктатуры пролетариата преобразовалось в общенародную организацию, в верного слугу «его величества народа».

«Обеспечив полную и окончательную победу социализма — первой фазы коммунизма,— и переход общества к развернутому строительству коммунизма,— записано в проекте Программы КПСС,— диктатура пролетариата выполнила свою историческую миссию и с точки зрения задач внутреннего развития перестала быть необходимой в СССР». Это значит, что функции подавления, то есть насильственная сторона диктатуры, исчерпали себя, так как подавлять в смысле класса больше некого. Конечно, диктатура пролетариата как руководство рабочего класса не сводится только к подавлению, но без подавления это руководство уже не является диктатурой. Хотя Советское государство и перестало быть диктатурой одного класса — рабочего класса, оно и в период развернутого строительства коммунизма осуществляет свою руководящую роль в обществе, ибо рабочий класс и теперь остается наиболее последовательным носителем социалистической идеологии, образцом дисциплины, организованности, остается самой передовой силой советского общества. Выполнение этой своей функции он завершит лишь при коммунизме.

Новое это теоретическое положение не оставляет камня на камне от злобных вымыслов буржуазных и реформистских идеологов, которые трубят о каком-то «эгоизме», якобы присущем рабочему классу, о приверженности коммунистов к «насилию», «диктату» и т. п.

Наше социалистическое государство коренным образом отличается от всех предшествующих ему типов государств. И к нему теперь неприменима известная общая характеристика государства как машины для подавления одного класса другим, так как ни о каком классовом подавлении ныне в нашей стране не может быть и речи. К нему нельзя отнести и характеристику государства как особого аппарата для систематического применения насилия и подчинения людей насилию. Конечно, аппарат для принуждения в тех случаях, когда мы вынуждены к нему прибегать, имеется и у нас, но не он определяет сущность нашего государства. Главная же задача современного социалистического государства как общенародной организации — обеспечить создание бесклассового коммунистического общества, в котором уровень производительных сил, культура, материальный достаток граждан позволят им полностью обходиться без государственного принуждения, без государства. Именно это и давало В. И. Ленину основание говорить о том, что социалистическое государство является полугосударством, что «это уже не государство в собственном смысле...» Эта характеристика относилась уже к начальному периоду его существования. Тем более она справедлива в наши дни.

Проект Программы КПСС, формулируя важнейшие задачи Советского государства в период развернутого строительства коммунизма, развивает, конкретизирует это ленинское положение: оно, государство, «призвано организовать создание материально-технической базы коммунизма, преобразование социалистических отношений в коммунистические, осуществлять контроль за мерой труда и потребления, обеспечивать подъем благосостояния, охранять права и свободы советских граждан, социалистический правопорядок и социалистическую собственность, воспитывать народные массы в духе сознательной дисциплины и коммунистического отношения к труду, надежно обеспечивать оборону и безопасность страны, развивать братское сотрудничество с социалистическими странами, отстаивать дело всеобщего мира и поддерживать нормальные отношения со всеми странами».

2

Мы современники исторического перехода от социалистической государственности к коммунистическому общественному самоуправлению. Как будет протекать этот процесс?

Было бы неправильно представлять дело таким образом, будто, построив коммунистическое общество, люди в порядке «отмирания» государства и права разрушат их до основания, а потом на чистом месте создадут новое, коммунистическое общественное самоуправление. Будущее коммунистическое общественное самоуправление вырастает из политической организации нынешнего социалистического общества. В докладе XXI съезду КПСС Н. С. Хрущев подчеркивал, что переход от социализма к коммунизму есть закономерный и неизбежный процесс, причем коммунизм не отделен какой-то стеной от социализма, а вырастает из него и является его прямым продолжением.

Коммунизм — это общество, постоянно усиливающее свою власть над природой, организующее труд людей по их способностям, направляющее к новым вершинам науку, технику и искусство. Поэтому те стороны деятельности социалистического государства, в которых проявляется его хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная роль, при коммунизме не только не исчезнут, а, наоборот, получат еще большее развитие.

Да иначе и быть не может! Если в первый период Советской власти в СССР строилось в год несколько десятков предприятий, во время первых пятилеток — сотни, а ныне — свыше тысячи, то при коммунизме — десятки тысяч. В коммунистическом обществе поднимется на новую, более высокую ступень вся производственная деятельность, связь различных отраслей народного хозяйства. Все это, естественно, приведет к дальнейшему повышению роли планирования в масштабах всей страны. Значит, обществу потребуются и соответствующие планирующие органы. Конечно, их структура, формы, методы деятельности будут иными, чем при социализме. Именно на эту сторону обращал внимание К. Маркс, когда говорил о том, какому превращению подвергнется государственность в коммунистическом обществе. Органы общественного самоуправления будут строиться предельно демократически: с периодической сменой состава, подконтрольностью народу, а главное, их работники уже не будут представлять собой профессиональных «управляющих».

Если органам социалистическо-

го государства в собственном смысле, то есть органам принуждения, суждено отмереть при коммунизме, предсказывал Владимир Ильич Ленин, то «аппарату типа высшего Совета народного хозяйства суждено расти, развиваться и крепнуть, заполняя собой всю главнейшую деятельность организованного общества».

Итак, управление хозяйством и культурой, воспитание и обучение подрастающего поколения, распределение труда и потребления при коммунизме не исчезнут, а преобразуются в соответствии с развитием общества. Но органы планирования и учета, руководства хозяйством и культурой, являющиеся сегодня государственными, постепенно потеряют нынешний политический характер, и в их деятельность будет втянуто все население. Функции государственного управления перестают быть делом лишь «особого слоя людей» и выполняются всеми членами общества. Однако это не будет означать анархической смены занятий. Ибо всякая бессистемность претит высокоорганизованному обществу. Можно с уверенностью сказать, что участие граждан в деятельности тех или иных общественных органов управления, включая и представительные органы, будет основываться на их профессиональных интересах и знаниях. Вместе с тем на первых порах будут, вероятно, лица, занятые наряду с другой работой техническим управлением, например, планированием, учетом, распределением и т. п. Речь идет о высокоопытных специалистах, которые смогут повседневно обеспечивать организацию общественного производства. Но деятельность даже таких специалистов не будет носить обособленного характера. Добавьте к этому частую сменяемость тех, кто специально занят организацией работы представительных и иных общественных органов, а также избрание их непосредственно самими гражданами.

Таким образом, нельзя вульгарно представлять себе коммунизм как какое-то полуанархическое, неорганизованное общество, при котором каждый будет делать все, что ему вздумается. Управление делами здесь будет осуществляться определенным механизмом, безгосударственной системой общественного самоуправления. И хотя механизм этот будет лишен политического характера, он окажется сильнее любого современного государства в силу своего огромного морального авторитета в глазах всех высокосознательных членов общества.

Иногда задают вопрос: а может, на каком-то этапе коммунистического строительства все функции управления хозяйством и культурой возьмет на себя какая-либо из нынешних общественных организаций, ну, скажем, профсоюзы? Думается, что это не произойдет. При коммунизме возникнет новый тип организации общественного самоуправления. Она вберет в себя все лучшее, что есть в опыте партийного, советского, профсоюзного руководства. «Развитие социалистической государственности,— говорится в проекте Программы КПСС,— постепенно приведет к преобразованию ее в общественное **коммунистическое самоуправление,** в котором объединятся Советы, профессиональные, кооперативные и другие массовые организации трудящихся».

И вот, наконец, вопрос, заданный тов. Струковым из Минска, вопрос, который сейчас, при изучении проекта Программы КПСС, возникает довольно часто: будет ли в коммунистическом обществе какая-либо власть?

Еще задолго до Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин критиковал Струве за его утверждение, что и родовой быт знал государство, которое-де, мол, останется и после уничтожения классов, ибо останется признак государства — принудительная власть. Ленин писал: «Можно только подивиться тому, что автор с таким поразительным отсутствием аргументов критикует Маркса с своей профессорской точки зрения. Прежде всего, он совершенно неправильно видит отличительный признак государства в принудительной власти: принудительная власть есть во всяком человеческом общежитии, и в родовом устройстве, и в семье, но государства тут не было. «Существенный признак государства — говорит Энгельс в том самом сочинении, из которого г. Струве взял цитату о государстве — состоит в публичной власти, отделенной от массы народа»... Итак, признак государства — наличность особого класса лиц, в руках которого сосредоточивается **власть.** Общину, в которой «организацией порядка» заведовали бы поочередно **все** члены ее, никто, разумеется, не мог назвать государством».

Следовательно, только в классовом обществе власть приобретает политический характер. Признаком государства является не просто власть, а лишь публичная власть, то есть наличие «особого слоя людей», занятых исключительно управлением.

Такой власти при коммунизме, конечно, не будет. А что же будет?

Энгельс в своей работе «Об авторитете», развивая положение о том, что в любом обществе нужен авторитет, отмечает: «Желать уничтожения авторитета в крупной промышленности значит желать уничтожения самой промышленности,— уничтожения паровой прядильной машины для того, чтобы вернуться к прялке». В самом деле, как часто сама обстановка требует безусловного подчинения всех одному, многих воль одному властному авторитету. И не потому, что этот авторитет наделен властью принуждать других, а совсем по иным причинам. Представьте себе «ТУ-114» с сотней пассажиров на борту или огромный корабль в открытом море. Что стало бы с людьми, особенно в момент опасности, если бы в воздухе или на море не существовал авторитет командира? Такой авторитет, такая власть всегда будет. С аналогичными явлениями мы встречаемся во всех сферах человеческой деятельности. Ф. Энгельс говорил, что независимо от формы общественной организации людей мы всегда будем иметь, с одной стороны, известный авторитет, или, что то же самое, власть, а с другой — известное подчинение.

Вот и ответ на ваш вопрос, товарищ Струков: да, и при коммунизме будет существовать власть, но лишенная политического, то есть принудительного, характера. В известных пределах будет существовать и единоначалие. Но это будет такая власть и такое единоначалие, как, например, в хорошем оркестре. Ведь там все подчиняются дирижеру не потому, что он может арестовать непослушного скрипача и посадить его в тюрьму, а в силу его морального авторитета. Нечто подобное будет и при коммунизме, когда ритм общественного труда, четкость и дисциплина будут обеспечиваться глубоким пониманием общественного долга.

Вместе с государством при коммунизме отомрет и право. Но когда мы говорим об отмирании права при коммунизме, то мы имеем в виду отмирание государственно-принудительного характера правовых норм, а не тех возможностей, которые предоставляются гражданам демократическими традициями, обычаями, правилами коммунистического общежития. Отмирание права отнюдь не означает отмену широчайших прав и свобод человека, как это утверждают идеологи антикоммунизма. Наоборот, в процессе отмирания права и постепенного превращения правовых норм в обычаи и правила коммунистического общежития будет происходить не сужение широкого диапазона прав и свобод человека, а подлинный всесторонний расцвет личности. В то же время отмирание права при полном коммунизме отнюдь не означает, что в обществе уже не будет определенных правил поведения. При коммунизме произойдет органическое соединение прав с обязанностями в единые нормы коммунистического общежития. Сложатся единые общепризнанные правила коммунистического общежития, соблюдение которых станет потребностью и привычкой для людей. «...Разве можно,—указывал Н. С. Хрущев,— представить себе организованное человеческое общество без обязательных для всех его членов норм и правил общежития! Если бы каждый стал навязывать свои субъективные понятия, личные вкусы и привычки в качестве обязательных для всех, то жизнь людей в таком обществе стала бы просто невыносимой и походила бы на Вавилонское столпотворение». Соблюдение правил общежития в силу естественной привычки, сочетаемой с высокой коммунистической сознательностью, исключит надобность в том, чтобы общество, формируя правила поведения, подкрепляло их специальным аппаратом принуждения.

Возможно, что на первых этапах развития коммунистического общества в нем будут иметь место отдельные эксцессы, напоминающие теперешние правонарушения. Тут могут быть, например, серьезные проступки, порожденные небрежностью, проступки в быту и т. п. Говоря о необходимости подавлять такого рода эксцессы, В. И. Ленин подчеркивал, что для этого уже не нужен будет особый аппарат, что сам народ ликвидирует эти эксцессы «с такой же простотой и легкостью, с которой любая толпа цивилизованных людей даже в современном обществе разнимает дерущихся или не допускает насилия над женщиной». Быстрая реакция окружающих, внутренняя потребность человека всегда и везде соблюдать общественный порядок, уверенность в том, что его действия будут немедленно поддержаны всем коллективом,— этого будет вполне достаточно для подавления отдельных возможных эксцессов.

3

В проекте Программы КПСС указаны основные пути перерастания государственности в коммунистическое общественное самоуправление. Один из таких путей— повышение роли Советов депутатов трудящихся как органов народной власти и народного самоуправления. По мере нашего движения к коммунизму Советы все более выступают как общественные организации, все большее число граждан принимает участие в работе различного рода комиссий, инспекций, комитетов. Уже теперь в ряде городов появились общественные отделы вместо штатных отраслевых отделов исполкомов. В Свердловской области уже образовано более 100 таких отделов, где общественники заменили сотни платных работников аппарата. Такие же отделы созданы в Московской, Львовской, Ивановской областях. Здесь советские граждане непосредственно участвуют в осуществлении функций управления без отрыва от своих основных обязанностей.

На общественных началах! Тысячи советских людей вот на таких общественных началах принимают активное участие в деятельности домовых комитетов, библиотечных и опекунских советов, в советах содействия жилищно-бытовому и социально-культурному строительству и т. д.

В Российской Федерации в нынешнем году создана 121 тысяча постоянных комиссий местных Советов. В них, кроме депутатов, участвуют 1 миллион 260 тысяч общественников.

В период развернутого строительства коммунизма происходит дальнейшее повышение роли общественных организаций (профсоюзов, комсомола, кооперации и других), которые берут на себя выполнение целого ряда государственных функций и принимают все более активное участие в работе по управлению государством.

Все большую роль играет общественность в охране правил социалистического общежития и общественного порядка. Одних только народных дружин по охране общественного порядка у нас насчитываются десятки тысяч. Так уже сегодня в общественное самоуправление, то есть к выполнению неоплачиваемой общественной работы, постепенно привлекаются сотни тысяч жителей городов и сел, тем самым практически осуществляется ленинская идея о бесплатном добровольном участии трудящихся в исполнении функций управления.

В этих условиях все более возрастает роль Коммунистической партии, являющейся боевым испытанным авангардом всего советского народа, ведущей и направляющей силой Советского государства, руководящим ядром всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных.

* * *

Лучшие умы мечтали о светлом будущем человечества. Мечта становится явью. Мы уже сегодня видим черты прекрасного завтра, когда все и вся станет подвластным «его величеству народу».

Раздумья, предложения, планы

Нет, не положено!

Вадим ОЧЕРЕТИН

(Заметки писателя)

Письма. Тысячи, тысячи и тысячи писем. Сейчас, наверное, ни в одной стране люди не посылают столько писем, сколько в нашем Советском Союзе. В редакции газет и журналов, в местные Советы, в партийные, комсомольские и профсоюзные органы самые разные люди обращаются со своими предложениями, замечаниями, суждениями по разнообразным поводам, их взволновавшим.

И это естественно. В преддверии XXII съезда Коммунистической партии наша Родина переживает бурный общественно-политический подъем. Опубликованные проекты Программы и Устава КПСС задели за живое каждого.

Любой раздел, любой пункт вызывает раздумья, желание еще внимательней осмотреться кругом, осмыслить труд, жизнь свою, своих друзей, подумать: а какие еще ухабы встречаются на светлой дороге к коммунизму? Вот одно из таких писем.

«Всем известно, какое большое значение на нашем пути вперед имеет воспитание коммунистической сознательности,— пишет Владимир Д.— А как быть с такими явлениями, когда человек берет то, что ему положено, хотя оно и не должно быть положено, но по устарелой привычке считается, что положено?..»

Владимир Д. рассказывает, как его лишили премии за то, что он «не справляется со своими обязанностями и оскорбляет товарищей по работе».

Конечно, за что уж тут премия! Но суть оказалась не в ней.

...Я давно собирался на завод, где работает Д., посмотреть, как живет коллектив механического цеха. В механическом цехе нет контролеров ОТК, бригады сами отвечают за качество своей продукции. А заходишь — еще один приятный сюрприз: почти все станочники украсили свои рабочие места цветами. Астры — красные, фиолетовые, розовые, белые — словно плывут в воздухе нежно-пестрыми облачками меж станков или чуть над ними, не мешая работать и украшая солнечный цех. Солнечный потому, что молодежь не только ухаживает за цветами, но и постоянно моет стекла в окнах и во фрамугах под самой крышей. Для этого сконструирован и сооружен специальный мачтовый подъемник на тележке, составлен хороший моющий раствор.

И цветы на оригинальных державках, и чистые фрамуги, и электрический подъемник — все создано коллективом в нерабочее время, из любви, из энтузиазма. Для себя — для всех!..

Затем я отправился в другой цех, где работает Владимир Д. Честно говоря, после солнца и цветов механического цеха меня туда не особенно-то и тянуло. Позади цеха среди груд разного хлама стоял недосваренный из гофрированного железа маленький гараж на одну машину и недоделанный катер из листового алюминия. Спрашиваю у мрачного старикашки, что копошился возле:

— Хороший будет катерок! Чей это?

— Начальника... — отговорился старик и поспешил уйти.

Я вошел в цех. Внутри было грязно. Многих стекол в окнах вообще нет.

Знакомлюсь с начальником. Высокий, худощавый, крепкий мужчина лет пятидесяти, с цепким, суровым взглядом — этакий железный командир производства из романа о рабочей жизни. Сидит в отлично отделанном и обставленном кабинете — все новенькое, все блестит.

— Почему не моем стекла? Вот скоро будем к зиме вставлять — и грязные заодно заменим. Директор уже утвердил план подготовки к зиме... Зима, говорите, каждый год одинаковая? Гм!.. Что?.. Да, стекла каждую осень вставляем: бьются... Да-а. И народ в цехе еще несознательный: бывает, что и бьют; темно или душно — возьмут и выбьют... Но я сверх положенного лимита стекло не расходую, укладываюсь, даже всегда в запасе держу. Это положено. Предусмотрено системой снабжения,— поясняет начальник цеха и смотрит на меня с сожалением: чудак, не понимает простых вещей!

Знакомлюсь и с Володей Д.— бывшим квалифицированным электросварщиком. Он потерял руку в результате несчастного случая и теперь работает по материально-техническому снабжению своего цеха. Начальника он считает «отсталым хозяйственником, этаким барином».

— На него не угодишь. То достань ему пассатижи, да еще какие-то особенные, а цеху такие не положены. То пилку для лобзика его детишкам. А сейчас гоняет каждый день на заводские склады—достань ему зда-а-аровый лист плексигласа. Где я возьму, если нет? Раньше был, но растащили на козырьки для мотоциклов. Простое стекло есть, сколько угодно, но ему надо органическое, для козырька на катер.

Выясняются грустные подробности.

Заводские снабженцы получили тысячу штук авторучек, самых дорогих, с золотыми перьями. Зачем машиностроительному заводу авторучки? Положено! Есть статья на канцелярские расходы. Эти ручки по распоряжению директора раздавались командирам производства, рангом не ниже начальника смены, как хозинвентарь, по ведомости под расписку.

Володя Д. рассудил, что для его цеха авторучки не нужны: каждый, кому надо, может купить в магазине, благо, с такими товарами перебоев в торговой сети не бывает. Но начальник цеха потребовал себе государственную авторучку: «Положено? Дай».

На заводском складе авторучки быстро кончились, и Володя приобрел одну в магазине, за свои деньги («Чтоб не шипел, несчастный!»). Но начальник пожелал взглянуть на все авторучки, полагающиеся цеху, чтобы выбрать перо поудобнее. Володя, скрыв, что авторучка не заводская, долго оправдывался, почему больше нет. Слово за слово — пререкания перешли в перебранку, и Володя обозвал начальника барином.

Начальник так этого не оставил. На комсомольском бюро Володе записали выговор: авторучка не принималась во внимание, ее получить начальнику цеха положено. Вот откуда и появилась формулировка: «Не справляется со своими обязанностями и оскорбляет товарищей по работе»!.. Сейчас Володя апеллирует в райком комсомола. «Я этого барина выведу на чистую воду, хоть еще десять выговоров получу!» — запальчиво говорит он.

Положено!.. Не положено!..

Значение этих уродливых слов скрывает за собой немало явлений, совершенно алогичных для нашего общества.

Начальнику цеха обед приносят в кабинет. Говорят: «Положено». Или: «А что, разве не положено?» Он, дескать, человек занятой и не может толкаться в столовой вместе со всеми. Начальник цеха никогда не выходит на субботник вместе с коллективом: ему не положено. Коллектив цеха получил от профсоюза премию за хорошую работу — катер для прогулок по озеру. Пользуется им лишь один начальник с семьей: ему положено (сам он объясняет так: «Ты им дай — они живо поломают»).

Ох, прав Володя! Барин у них начальник, иначе не назовешь.

Сейчас, в преддверии XXII съезда нашей партии, все мы, взволнованные и окрыленные, думаем, говорим, делимся друг с другом мыслями о проектах новой Программы и нового Устава КПСС. Все мы зажглись, воодушевились и двадцатилетним планом построения коммунизма и ясным пониманием того, какими должны быть мы сами по наигуманнейшим в истории человечества, коммунистическим правилам жизни.

Но вот стоит рядом со мною он, железный командир производства. В десяти метрах от него — диспетчерский пункт, откуда по радио дежурный может передать любое его распоряжение. Начальник поворачивается в другую сторону и кричит проходящему рабочему:

— Алё-оо! — И манит пальцем, далеко вытянув руку.— Иди-ка сюда!

Рабочий подходит.

— Здравствуйте.

— Скажи-ка диспетчеру,— говорит начальник, не отвечая на приветствие,— пусть вызовет сюда Д... Да поживей!

Он мог бы сам пройти десять метров, но посылает человека: ему положено, он начальник. Разве это не барство?

И я уже не удивляюсь, когда Володя Д. рассказывает, как начальник цеха может вызвать к себе и распорядиться: «Приготовь килограмма три голубой краски погуще да закупорь получше: надо кухню дома покрасить, жена покоя не дает. Положишь в багажник».

Чтобы въезжать на территорию завода и выезжать на своей автомашине, нужно разрешение директора. Одним оно положено, другим почему-то не положено, да и не просят. И попробуй вахтер проверять легковую машину! Он будет обвинен в оскорблении руководящей личности.

И сколько этой краски, предназначенной для покрытия продукции, увозится с завода почти в открытую!

«Положено?» Нет, нет и нет! Но на это существует и другая отговорка: «Что ж, у хлеба — да без хлеба?» И сваривается из заводского металла гараж. «Что ж? — удивится начальник, если вы его упрекнете.— Я свариваю в своем цехе тысячи тонн различных узлов, а себе не могу и гаража сделать?»

Мы долго беседуем обо всем этом. Начальник цеха чувствует себя уверенно. Он пока неуязвим. Нарушений у него нет. Воровство? Не докажете. Все делается, как положено. И план цех выполняет постоянно, премии люди получают.

— Но ведь эти устаревшие порядки надо ломать,— говорю я, имея в виду и авторучки, и оконное стекло, и прочее.

— Может быть, может быть,— снисходительно улыбается он безгрешной улыбкой. И дабы показать, что он совсем не барин, а, наоборот, человек простой и компанейский, зовет к себе в гости:— Приходите вечерком, я живу как раз под директором, его попробуем пригласить.— Он выразительно посмотрел на потолок, словно сидел в глубокой яме.— Заходите— посмотрите телевизор. Новейшей марки. В продаже таких еще не было. Сам директор позавидовал, честное слово!

Да, барину в душе всегда нужно какое-то внешнее, бьющее в глаза отличие от окружающих. Он будет лезть из кожи вон, чтобы подчеркнуть такое превосходство над другими.

Мне кажется, что по таким чертам можно безошибочно обнаруживать барство — пережиток, с которым в коммунизм нам идти негоже и не положено!

Партия, следуя ленинским заветам, призывает нас снова и снова проектом Устава, который сейчас, при обсуждении, повсеместно одобряется не только членами КПСС, но и всем народом: «Вести борьбу с любыми проявлениями буржуазной идеологии, с остатками частнособственнической психологии и другими пережитками прошлого, соблюдать правила коммунистической морали...» Барство и устарелые порядки на наших заводах, порой искусственно сохраняемые, не черта коммунистической морали. Это ухаб, который надо ликвидировать.

БЕРЕЗКА НА КАМНЕ

Борис ГУРНОВ

Фото автора.

Среди обожженного, изломанного камня и исковерканного металла, в руинах последнего прибежища нацистских главарей — рейхсканцелярии в Берлине — поднялась к солнцу молодая березка. Юная, нежная и зеленая. Сколько, вы думаете, ей лет: восемь, десять, пятнадцать? Мне лично хотелось бы, чтоб было двенадцать — символ и вместе с тем начало для рассказа о новой жизни, родившейся здесь, на востоке Германии, на развалинах прошлого.

Двенадцать лет назад была провозглашена Германская Демократическая Республика, первое в истории Германии государство рабочих и крестьян. Сколько было маловеров тогда, в сорок девятом! Они сомневались в том, что без хозяев-капиталистов и без помощи Запада смогут подняться к жизни испепеленные поля, заводы и города Восточной Германии.

Двенадцать лет — небольшой срок. Но его оказалось достаточно, чтобы переубедить скептиков, разочаровать злопыхателей, ввергнуть в уныние врагов новой, социалистической Германии. В первые ряды ведущих индустриальных держав Европы вышла молодая республика.

Поднявшиеся еще в 1945 году навстречу солнцу свободы ростки новой жизни превратились в чудесную ниву, что дарит сегодня немецкий народ богатым урожаем.

Осень нынешнего года окончательно погасила тлевшие в кое-каких головах искры сомнения относительно будущего Германской Демократической Республики. Трудовой народ новой Германии доказал, что умеет не только дерзать и строить, но и полон решимости и силы защищать свой мирный труд, свободу, жизнь.

В пятидесяти метрах за грудой камней, на которых выросла зеленая березка, пролегла граница с Западным Берлином, наглухо закрытая теперь для врагов социалистической Германии. Ее охраняют вместе с воинами Национальной народной армии берлинские дружинники — рабочие, которые через час-другой, сменив защитный комбинезон на спецовку, снова войдут в цеха, служащие народной полиции — добровольцы с социалистических заводов и пашен, из самых различных уголков страны. Клаус Ваге — кораблестроитель из Ростока, Зигфрид Сечковский — хлебороб из-под Дрездена, Вольфганг Науман — монтажник из Люббенау, маленького городка, название которого пока еще мало кому известно за пределами республики.

* * *

...Провода повисли над дорогой. Толстые, тяжелые, островерхими волнами уходят вдаль. То провисая чуть не до земли, то снова взлетая ввысь, чтобы опереться на широкие плечи высоченных стальных мачт. Широко и прочно, словно солдаты, равняя строй, по четыре в ряд шагают стальные гиганты могучими своими опорами через поля и реки, через леса, долины, горы.

Шагают в города и села, на заводы и фабрики, в жилые кварталы. Туда, куда ведет дальний путь их, несут они энергию, тепло и свет людям. А у начала пути, на вздыбленной машинами пыльной земле возле Люббенау в шумной пестрой суете огромной стройки трудятся те, кто рождает для людей эту энергию, тепло и свет — строители, монтажники и рабочие уже готовых агрегатов воздвигаемой здесь огромной теплоэлектростанции, которой суждено вскоре стать крупнейшей в Европе, гордостью юной экономики Германской Демократической Республики.

— Все это правильно. Только как-то уж очень красиво звучит. Быть может, даже слишком,— помолчав, проговорил бригадир молодежной бригады электромонтажников Вольфганг Виттих, когда прочел в рукописи эти абзацы.— В нашей жизни и работе все проще, обычнее. Даем людям тепло и свет — это верно. Но вы обязательно как-нибудь скажите, что мы-то самые обычные, не боги какие-нибудь, часто ошибаемся, и сами блуждаем в потемках. А если получается что-то из нашей работы, так в этом заслуга партии. Каждый работает теперь не в одиночку, для себя, а вместе со всеми и для всех. Ведь мы теперь бригада.

Совсем недавно, каких-нибудь два года назад, монтажники были те же, а бригады не было. Каждый из десяти работал по нехитрой стародавней схеме: получал у мастера **свое** задание, сдавал **свою** работу, получал **свою** зарплату. Радостным был для рабочих только день получки. Тогда беседовали по душам друг с другом у зеленого вагончика пивной. А в остальные дни больше молчали. Уж очень разные они были люди, хоть по возрасту почти ровесники.

Что это за стройка, что значит она для республики и чем может стать для каждого из строителей, понимал тогда, пожалуй, лишь один — мастер Гюнтер Штенцель. У него были какие-то другие цели и планы, непонятные поначалу остальным рабочим, которые съехались в Люббенау из различных уголков республики с одной целью — заработать.

Единственный в бригаде «старик», пятидесятилетний Вилли Цинклер, все лучшие годы своей молодости потратил на то, чтобы осуществить завещанную отцом мечту: скопить денег на маленький собственный домик. Скопил, построил. Но вдруг пришла война. И когда через пять лет рассеялся дым военных пожарищ, вернулся с фронта солдат Цинклер и пришлось ему начинать все снова.

Восемнадцатилетний Хилмар Рёнч мечтал заработать на мотоцикл. Юрген Штруве думал лишь о выпивке. Молодой муж и отец Петер Голли старался для семьи (в двадцать два года особенно хочется чувствовать себя солидным кормильцем) и потому, что хотел загладить последствия совершенной недавно глупости. Наслушавшись западных пропагандистских радиопередач, подался он в поисках молочных рек на Запад. Полной мерой отведал Петер прелестей «свободного мира». Из Западного Берлина американцы переправили его в лагерь близ Гамбурга. Там все, и особенно те, что говорили с акцентом, были чрезвычайно любезны. Обещали работу, квартиру, кредит. Торжественно, словно путевку в рай, вручили направление с неприметной на первый взгляд припиской в верхнем углу: по получении работы и размещении на квартире прибыть во Франкфурт-на-Майне по такому-то адресу.

— Шпионский вербовочный центр,— объяснил Петеру один из товарищей по лагерным мытарствам.

Но если ждали там Петера, то не дождались. Вскоре, растерянный, смущенный, он снова вернулся домой, в Германскую Демократическую Республику.

Оттуда же, «с той стороны», пришел в Люббенау и Вольфганг Виттих. В годы, когда Берлин делился не на Демократический и Западный, а на четыре оккупационных сектора, пошел он на завод крупной фирмы АЭГ, что расположен в западной части города. Там раньше работал отец. Выучился, стал квалифицированным рабочим. Работу свою любил, привык к коллегам. Но вдруг осенью 1947 года условная секторальная граница стала границей двух миров. 7 октября была провозглашена

Германская Демократическая Республика и Восточный Берлин стал ее столицей. Дом Виттихов на востоке, в зеленом пригороде Нойенхаген. Получилось вдруг так, что жил Вольфганг в столице одного немецкого государства, а работал на другое. Ведь западноберлинский завод АЭГ — филиал крупнейшей электрокомпании Федеративной Республики Германии. Странная это была жизнь — с ежедневными переездами на электричке из социализма в капитализм и обратно.

Впрочем, поначалу Вольфганга это не тяготило. Он был прилежным учеником и вместе с профессиональным мастерством перенял от своих учителей с АЭГ и их идеи. О том, что капитализм — хорошо, а социализм — ужасно, что единственно возможная политическая ориентация немецкой нации — лицом к Западу, спиной к Востоку. Начальство его ценило. По праздникам Вольфганг получал подарки с визитной карточкой директора, а время от времени — специальные задания, которые называли на заводе «операции по выкидыванию».

В дни «операции» рабочие места распределялись мастером так, чтобы между Вольфгангом и его другом Куртом, считавшимися самыми быстрыми, оказывался рабочий, от которого начальство хотело избавиться. Причины к тому бывали разные: сочувствующий ГДР, активный член профсоюза, антифашист-коммунист или родственник коммуниста. К концу рабочего дня Вольфганг и Курт оставляли далеко позади конкурента. Подходил мастер и недвусмысленно спрашивал: «Понял, какие работники нам нужны?» И в цехе становилось одним рабочим меньше.

Вольфгангу нравилось быть первым, слышать похвалы начальства. Приятно было и то, что мастер звал его «господин Виттих». Но вдруг однажды утром при распределении работы лучшую, ту, что обычно доставалась Вольфгангу, мастер отдал другому и прошел мимо с равнодушным видом.

«Донесли»,— подумал Вольфганг, вспомнив, что вчера говорил в цехе о том, что было бы справедливо требовать от хозяев дополнительной оплаты и питания во время сверхурочных работ. Вспомнилось испуганное лицо жертвы последней «операции» — молодого рабочего, его ненавидящий взгляд. И вот тогда-то впервые всерьез задумался Вольфганг над тем, что уже давно подсознательно зрело где-то в тайниках души. Задумался над тем, что неправильно жил все эти годы, не тем путем пошел, поверив в искренность наставников из АЭГ.

Однажды вечером постучал он в дверь соседа Карла Гламера, старого члена партии, бывшего узника гитлеровских концлагерей, а ныне подполковника Национальной народной армии ГДР.

— Вы посоветовали мне в свое время пойти по стопам отца,— начал Вольфганг,— но с тех пор многое изменилось в Германии. Разными стали два Берлина. И я чувствую, выбрал не тот путь.

— Я давно и сам хотел с тобой поговорить,— сказал Карл Гламер,— но все откладывал. Ждал, верил, что придешь. Рад, что ты сам многое понял.

Проговорили до полуночи. И вскоре, когда на заводе Вольфгангу предложили перебираться жить в Западный Берлин, он отказался, заявив, что уходит с завода поискать работу где-нибудь поближе к дому.

— Помилуйте, господин Виттих, вы наш лучший работник,— удивился администратор из заводоуправления.— Мы уволили сотню человек, а вы регулярно получаете надбавки к жалованью.

— И все-таки я ухожу,— твердо сказал Вольфганг.— При ваших порядках и я могу оказаться сто или двести первым.

По газетному объявлению Вольфганг пришел на стройку в Люббенау. Поначалу его сторонились. «Кто его знает,— шептали за спиной,— сомнительный парень, жил все время у нас, работал на Западе». Вольфганг обиделся сгоряча, чуть было не ушел со стройки. Удержал мастер Гюнтер Штенцель.

Заговорил он однажды с Вольфгангом, сначала просто так, о всякой всячине. А потом вдруг неожиданно предложил: «Что если назначу тебя старшим рабочим?». Это вроде бригадира, тогда не было еще у монтажников бригады.

— Не знаю,— смутился Вольфганг,— как вам будет угодно. Как прикажете, господин мастер.

— Когда ты бросишь наконец эти свои церемонии! — вспылил Штенцель.— Ведь мы с тобой почти одногодки. Угодно не мне—всей нашей стройке, чтобы опыт свой ты не держал в кармане, а передал товарищам. Завтра начинай руководить, распределяй, организуй работу. Сам становись рядом с новеньким Вольфом Клаусом, покажи, расскажи, как лучше вести обмотку трансформаторов. Только деликатно, незаметно, а то ведь он с гонорком.

— На двадцать процентов в эту неделю больше заработал,— радостно сообщил Вольфгангу в день получки Клаус.— Спасибо за науку.— Он быстро и горячо пожал руку своему учителю.

Вольфганг снова вспомнил полные печали и ненависти глаза последней жертвы гнусной «операции» там, в западноберлинских цехах АЭГ. Вспомнил он об этом и тогда, когда, избранный бригадиром, смущенно потупившись, принимал благодарственное письмо подшефного сельскохозяйственного кооператива. В нерабочее время электромонтажники построили кооперативу помещение для птицефермы и отремонтировали всю электропроводку.

Вскоре, когда Вольфганг привык говорить мастеру «ты» и без стука и трепета открывать двери дирекции и партийного комитета, собрались четверо самых «тертых» из бригады: мастер Штенцель, «старик» Цинклер, Петер Голли и Вольфганг. Посоветовались и решили: пора!

На следующий день состоялось в бригаде общее собрание с одним вопросом на повестке дня: о вступлении в соревнование за звание коллектива социалистического труда. Составили бригадный договор: работать, учиться и жить по-социалистически. Каждую из этих заповедей разбили на множество совершенно конкретных личных пунктов-обязательств. Подписали.

— У меня еще есть одно предложение,— встал вдруг Хилмар Рёнч,— давайте попросим о присвоении нашей бригаде имени первого рабочего президента Вильгельма Пика.

Хилмара поддержали. Мнения разделились лишь в том, к кому обращаться с просьбой. Поспорили и решили написать дочери президента.

На страже границ республики.

Сказано — сделано. Не откладывая, тут же сели за письмо. Рассказали о себе, о трудовых делах. Написали о том, что уже три квартала подряд удерживают первое место в социалистическом соревновании и за это получили право всей бригадой поехать на экскурсию в братскую Чехословакию. Сообщили, что все, за исключением мастера и «старика» Цинклера, вступили в Союз свободной немецкой молодежи, и о том, как помогают подшефному сельскохозяйственному кооперативу и детскому саду, как участвуют в кружке молодых социалистов и повышают свои знания в вечерних школах.

Тот день, когда бригаде присвоили имя Вильгельма Пика, для бригадира Вольфганга Виттиха был радостным вдвойне: он получил заветную книжечку кандидата в члены партии рабочего класса.

* * *

...Широко и твердо шагают по стране стальные гиганты мачт электропередачи, что несет людям энергию, тепло и свет. Размашисто, уверенно шагают по земле, по жизни те, чьим трудом рождены эта энергия, свет и тепло, люди с беспокойными сердцами, растревоженными жаждой созидания нового.

Без объявления, повинуясь лишь зову этих беспокойных сердец, собрались все члены бригады электромонтажников имени Вильгельма Пика на чрезвычайное собрание, едва услышали в августовские дни призыв Родины: «Отечество зовет — защитим молодую республику!» Собрались и решили: делом доказать свою поддержку партии и народного правительства, положившим конец провокационным проискам из Западного Берлина. Взяли на себя новые трудовые обязательства: не требуя дополнительной оплаты, работать больше и лучше. Те, кому не исполнилось двадцати трех, заявили о готовности добровольно вступить в Национальную народную армию. Пятеро во главе с Вольфгангом Виттихом подали заявления в боевую рабочую дружину.

Я видел их в строгой форме солдат рабочей гвардии — строителей и защитников будущего. После смены, усталые, но сильные выходят они на затихшие улицы, чтобы так же, как их друзья из Берлина и других городов республики, с оружием в руках охранять стройку и город, мирный сон детей и юную березку на развалинах рейхсканцелярии, все то новое, что родилось, растет и крепнет, набирая сил в новой, социалистической Германии.

Кстати, о березке. У нее теперь тоже новая жизнь. Рабочие, разбиравшие развалины гитлеровского гнезда, не сговариваясь, до последней возможности обходили стальным ковшом экскаватора груды камней и металла, где пробилось зеленое деревце. А на днях, когда такой возможности уже не стало, потолковали и решили: коль родилась березка на разбитом, обожженном камне символом неизбежного торжества новой жизни, оставаться ей таким и впредь. Осторожно сняли деревце, бережно обернув корни, отвезли в зеленый Трептов-парк и посадили там на широком газоне у памятника советскому солдату-освободителю.

Берлин, октябрь.

Мы радуемся, они боятся

Джордж МЭТЬЮЗ,
главный редактор газеты «Дейли уоркер»

Любопытное письмо было напечатано в лондонской «Таймс», в разделе «Переписка с читателями». Обычно в этом разделе помещаются высказывания влиятельных лиц по поводу важнейших проблем, встающих перед страной.

Автор упомянутого письма сильно встревожен. Он полагает, что «огромные достижения русских в космических полетах» могут очень скоро создать «у людей Запада, особенно у молодежи», убеждение, что «русские в состоянии выполнить все, что они задумали».

Так рисует чувства людей капиталистического мира мистер Джон Джукс, профессор кафедры экономики Оксфордского университета, бывший начальник экономического отдела в секретариате военного кабинета в 1941 году, а позднее генеральный директор управления статистики и планирования министерства авиационной промышленности.

Профессор Джукс — сторонник капиталистической системы. Кроме того, он человек, вращающийся в военных правительственных сферах. И вот он ищет объяснения тревожным, по его мнению, настроениям «людей Запада».

«Мы,— рассуждает профессор,— настолько поставлены в тупик успехами русских», что возникает опасность «утери доверия к нашим собственным общественным основам».

Профессор не упоминает в своем письме проекта Программы Коммунистической партии Советского Союза. Возможно, он не читал этого документа. Поэтому вполне объяснимо, что перед лицом гигантских достижений Советского Союза профессор чувствует себя в тупике. Однако для большого числа англичан этот документ является мощным лучом, осветившим многое. И многие англичане не сочли простой случайностью тот факт, что через неделю после опубликования этого документа мир узнал об изумительном космическом полете советского гражданина майора Титова.

Впечатление от проекта Программы было тем более сильным, что мои соотечественники ознакомились с ним в дни, когда Англия вступила в полосу тяжелого экономического кризиса: еще до этого правительство объявило о жестких «мерах экономии», необходимых якобы для спасения национальной экономики от катастрофы. Налоги на широкий круг товаров были увеличены на десять процентов — и это при непрерывно растущих ценах. В то же самое время правительство потребовало, чтобы заработная плата оставалась на прежнем уровне. Нетрудно представить себе те чувства, которые испытывают трудящиеся Англии, читая проект новой Программы КПСС, где сказано, что в ближайшие 20 лет реальные доходы советских людей возрастут более чем в три с половиной раза.

Правительственная «программа экономии» предусматривает сокращение и жилищного строительства. Квартирная плата, которая уже сильно поднялась за последние годы, возрастет еще больше. Какой убийственный контраст с гигантским жилищным строительством в Советском Союзе, с заявлением проекта Программы о том, что для советских людей квартирная плата будет полностью отменена!

Новые меры английского правительства — это неизбежный рост безработицы, хотя у нас уже сейчас много занятых неполную неделю, в то время как другие вынуждены отрабатывать сверхурочные часы, чтобы сводить концы с концами. А в стране социализма труд гарантирован для всех. Программа обещает в пределах десятилетия 34—36-часовую рабочую неделю, на подземных же и других тяжелых работах — даже 30-часовую.

У нас стоимость городского транспорта все время растет. В Советском Союзе дело идет к тому, что он будет бесплатным.

Простые люди Англии не могут не видеть и еще одного разительного контраста. Какой гордой и независимой позиции придерживается Советский Союз в международных делах! Народ Советского Союза, руководимый Коммунистической партией, преодолел на своем пути гигантские трудности, перенес навязанные ему войны, вышел из них победителем и построил собственными силами могучую и передовую великую социалистическую державу. Нет, советскому народу не приходится обращаться с протянутой рукой к международным банкирам! А Англия, чтобы выкарабкаться из нынешних трудностей, должна была одолжить семьсот миллионов фунтов стерлингов у Международного валютного фонда в Вашингтоне.

Советским людям не приходится испытывать стыда, как нам, когда Англия превращается в стартовую площадку для американских ракет, в пристанище для американских подводных лодок с «Поларис», в учебный плац для танковых частей западногерманского бундесвера...

Едва ли здравомыслящий английский рабочий усомнится в том, что провозглашенная проектом Программы цель — перегнать в производстве на душу населения самую богатую капиталистическую страну, Соединенные Штаты,— будет достигнута. Некоторые английские газеты, не будучи в состоянии отрицать великий прогресс Советского Союза в области экономики, снова седлают захудалого конька антисоветской клеветы. Они кричат о том, что успехи СССР достигнуты «за счет свободы». Эти жалкие прислужники капитала лучше других знают, что такое «свобода» в капиталистическом мире. Кому не известно, что в Англии кучка миллионеров захватила и прочно держит в своих руках почти всю прессу и другие средства информации и пропаганды! «Свобода», о которой ежедневно вопят их газеты,—это свобода для домохозяина требовать все больше денег от жильцов, свобода для предпринимателя выжимать прибыли из труда рабочего, свобода для банкира разорять мелкого торговца и крестьянина, свобода для колонизаторов пить кровь колониальных народов.

Такие «свободы» давным-давно уничтожены в Советском Союзе. Об этом с гордостью говорит проект Программы, намечающий еще больший расцвет советской демократии, еще более полное и всестороннее участие всего советского народа в управлении обществом.

Комментаторам из буржуазной прессы особенно не дает спать то вдохновляющее впечатление, которое производит проект Программы на народы, сбросившие колониальный гнет, и на народы еще оставшихся колоний. Эти опасения можно понять. Британский колониализм уже понес тяжелые утраты под напором национально-освободительного движения в колониях, так называемая «сфера влияния» Великобритании сократилась. Ее империалистические соперники, особенно монополисты Америки и Западной Германии, все настойчивее прорываются на рынки, считавшиеся «заповедниками» английского капитала. Империалисты Британии изо всех сил стараются сохранить то, что осталось от империи. Они хватаются за политику «кнута и пряника», рассчитывая коварными посулами усыпить пробудившееся национальное сознание колониальных народов, и в то же время пускают в ход силу, не останавливаясь ни перед какими зверствами. Вот и сейчас в Северной Родезии африканцы падают от британских пуль. За что? За то, что они подняли голос протеста против жульнической «конституции», которую хотят им навязать колонизаторы.

Контраст между жестокими страданиями колониальных народов, которые были и еще находятся под британским гнетом, и поразительным расцветом бывших царских колоний в Советском Союзе — этот контраст открыл глаза сотням миллионов людей в Азии и Африке.

«Гардиан» пишет: «На слаборазвитые страны, достаточно хорошо осведомленные о том, что Советский Союз недавно сам был отсталой страной, проект новой Программы советских коммунистов неизбежно окажет большое воздействие... Но главное оружие Советского Союза не только в том, что он провозглашает более высокий жизненный уровень для своих народов, а в том, что он зовет к новому образу жизни, неотъемлемой частью которого является этот более высокий материальный уровень».

«Новый образ жизни» — вот чего так боятся империалисты! Ведь коммунизм обещает народам действительное, а не призрачное процветание!

Заключительные слова Программы: «Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» — наполняют гордостью и радостью сердце каждого честного рабочего, каждого передового борца за рабочее дело.

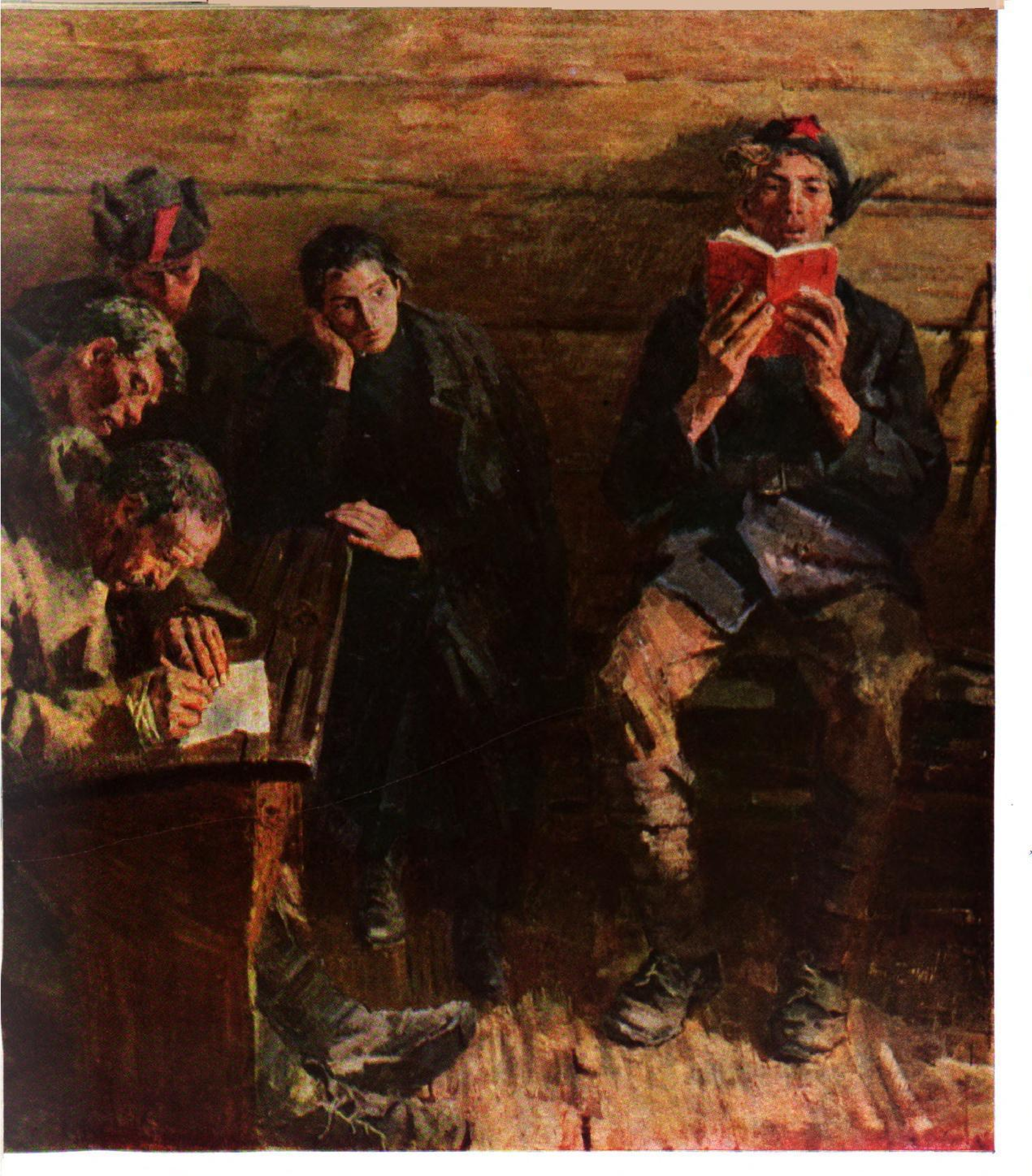
Величественная программа развернутого строительства коммунизма в СССР вдохновляет и нас в Англии еще решительнее бороться за дело социализма и мира.

Лондон.

А. Лопухов. ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ!

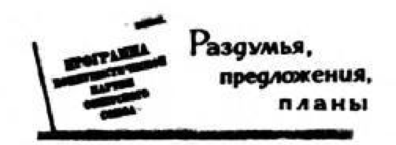
Художественная выставка «Советская Украина».

В. Полтавец. АРСЕНАЛЬЦЫ.

А. и С. Ткачевы. МЕЖДУ БОЯМИ. (Фрагмент).

Художественная выставка «Советская Россия».

Раздумья, предложения, планы

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

М. ШТРАУХ,
народный артист СССР, лауреат Ленинской премии

Когда Московский театр Революции, в котором я проработал немало лет, неожиданно переименовали в Театр драмы, я был озадачен и никак не мог понять, что это означает.

Зато я искренне обрадовался, когда через некоторое время нашему театру присвоили имя Владимира Маяковского. Мне было приятно по многим причинам. Маяковский нам был близок по духу: в двадцатых годах мы увлекались им. Кроме того, я имел удовольствие встречаться с Маяковским и играть в его пьесах.

Должен сказать, что советские авторы, советские пьесы — моя «специальность». За сорок лет работы в театре я только два раза выходил на сцену в классических ролях. В моей памяти возникает и тянется целая галерея наших драматургов. И все они разные — каждый со своими особенностями, каждый на свой творческий лад.

И вот когда я вспоминаю Маяковского, то он в моей памяти особенно выделяется одной своей характерной чертой: оперативностью. Она сквозила во всем.

Обычно авторы, когда их просишь что-либо дописать или исправить в роли, вежливо обещают «подумать». Разные тут возникают сроки — от одного дня до бесконечности. А вот Маяковский так прореагировал на мою просьбу во время репетиции «Бани»: он немного подумал, согласился, потом загудел, замычал и тут же, облокотившись на крышку рояля, написал то, чего мне не хватало.

Вот это да! Он меня просто ошеломил своей оперативностью, реакцией. Маяковский откликался мгновенно. На все события, на все, что было вокруг. Это было его природой, его жаждой.

Художник и время...

По-разному решали для себя эту проблему художники. Иные убегали от решения вопроса. Но бежать просто так нельзя. Так сказать, драпать. Надо убегать «красиво». На то они и художники. И вот придумываются всевозможные «башни из слоновой кости». Гоген бежит от Европы в экзотику — это тоже «красиво».

Октябрьская революция поставила вопрос ребром. Потребовала решать вопрос по-настоящему. Когда думаешь о том, как значима для истории человечества Октябрьская революция, то представляешь: когда-нибудь летосчисление начнут вести не от рождества Христова, а от первого залпа «Авроры».

Художники отнеслись к пролетарской революции по-разному. Это было великое испытание. Кто-то, ошеломленный, выжидал. Кто-то стал бороться. Кто-то испугался и бежал. Кто-то разочаровался: думал, что революция «красивее» и «романтичнее».

Помню поэта Константина Бальмонта. Он стоял на эстраде Политехнического музея в окружении сладко млевших поклонниц, стоял бледный, рыжеволосый. Гордо закинув голову, подпертую высоким крахмальным воротничком, он вещал так:

«Колесо истории повернулось. Кто был наверху, очутился внизу. Кто был внизу, очутился наверху. А мы, художники, как были в центре, так и остались в нем».

Чем этот «центр» кончился, известно. Эмиграцией!

А вот Маяковский был человеком, который смело, страстно и безоговорочно, всем своим существом художника ринулся навстречу революции. С непокрытой головой, с распахнутой грудью — какой простор! — стоял он, подставив всего себя ветрам этой грандиозной социальной бури. Стоял и полными легкими вдыхал ее живительный воздух.

Вот какое впечатление живет во мне от Маяковского! Вот как он решал для себя вопрос: художник и время. Он был художником нового типа. За это мы его и любим. Поэтому-то я и рад, что театр наш стал носить его имя.

Я даже иногда хожу к нему «в гости». К памятнику на площадь. Постою, посмотрю на него. Обойду со всех сторон. И вспомнятся мне двадцатые годы. Годы бурного становления советского искусства, советского театра.

Однажды после долгого отсутствия я, вернувшись в Москву, в первый же вечер пошел к нему на площадь. Под нею грызли путепровод Садового кольца. Памятник неожиданно предстал передо мною в новом ландшафте. Все кругом было разворочено, торчали подъемные краны, какие-то балки, мостовая изрыта, кругом тянулся забор... И вот среди этой жаркой стройки высилась фигура поэта! Эта строительная обстановка не мешала, не портила памятник, а, наоборот, поразительно гармонировала с внутренним содержанием Маяковского. Как ни странно, я сейчас иной раз даже жалею, что строительство окончилось и фон этот уже исчез.

* * *

Вспоминаю, как много лет тому назад, приблизительно в конце 1920 года, в голодной и мерзлой Москве встретился я с Сергеем Эйзенштейном. Окончилась гражданская война, мы только что демобилизовались из Красной Армии, оба были очень молоды и оба с детства увлекались искусством. Чуть ли не полночи пробродили мы по Никитскому бульвару, обсуждая свою дальнейшую судьбу: что делать дальше, куда идти?

Гагарин говорил, что когда его взору впервые открылся новый космический мир, он почувствовал, что для выражения увиденного необходимы новые слова. Вот и нам тогда тоже впервые открылся новый грандиозный социальный мир, и захотелось выразить его в искусстве новыми словами. Каждая эпоха требует своих песен и слов, как бы ни были прекрасны слова предшествующих поколений.

Мы порешили: идти вместе в театр, но только обязательно в новый театр, рожденный революцией. Так оба очутились мы в 1-м рабочем театре Пролеткульта. В нем было больше первозданного хаоса, чем традиций, но зато можно было вдоволь поэкспериментировать и испытать свои юные силы.

Я уверен, что Эйзенштейн сделал для себя тогда правильный шаг, иначе... иначе не было бы «Броненосца «Потемкина».

Вспоминаю, как однажды после очередного сеанса этого фильма в «Метрополе» мы увидели выходящего Демьяна Бедного.

«Да-а,— многозначительно пробасил он.— Вот это картина! — Потом, после некоторого раздумья, тихо добавил: — Как жаль, что эту картину не увидел Ленин...»

Вот так и определил свою творческую судьбу Сергей Эйзенштейн, который так же, как и Маяковский, не мыслил своей жизни без советского воздуха, вне советской темы.

* * *

Конечно, поиски новых слов даются в борьбе. Я вспоминаю, в какой беспрерывной драке приходилось утверждать себя Маяковскому. Нелегкая это была нагрузочка. В борьбе не только с явным врагом. А еще, если можно так выразиться, с врагом внутренним: с шаблоном, штампом, косностью! Со старыми представлениями, иной раз очень стойкими и цепкими.

Я сам ловлю себя на этом. Вот, например, репетировал я «Баню» Маяковского. Ставил Всеволод Мейерхольд. Сцены сатирические звучали остро, а вот сцены будущего: «машина времени», «Фосфорическая женщина»,— признаюсь откровенно, казались мне не совсем достоверными. Про себя я подумал: «Ну, конечно, Мейерхольд «загибает». Каково же было мое удивление, когда недавно я увидел фотографию космонавта, снятого у лифта перед подъемом в космический корабль! Батюшки, да это что-то знакомое!!! Ведь это похоже — да, да, похоже! — на лестницу и площадку «Бани», сделанные Мейерхольдом вместе с художником — сыном Вахтангова! Или смотрю я сейчас на фотографии людей в скафандрах. Боже мой, да ведь так одел Мейерхольд «Фосфорическую женщину»! А мне тогда казалась фантазия режиссера необоснованной. Вот как я попался!

Ну, а разве музыка Сергея Прокофьева не казалась совсем недавно слишком «левой» и трудно усваиваемой? Даже название какое придумали — «ремингтонная музыка». А теперь она воспринимается как нечто классическое. Вот видите: значит, существует еще процесс освоения «новых слов» в искусстве!

А разве Рерих не казался нам странным? Разве «передовые» критики не прорабатывали его на чем свет стоит? А сейчас Гагарин вспомнил о нем в космосе. Вот увидите, пройдет немного времени, слетаем мы с вами в космос по профсоюзным путевкам — глядишь, Рерих в сознании даже самых сердитых критиков превратится в стопроцентного реалиста.

* * *

В каждой области человеческой деятельности существуют свои

К. Станиславский и В. Мейерхольд на репетиции в студии. Май. 1938 год.

искатели, свои первооткрыватели. Признание они не всегда завоевывают сразу, порой посмертно. А при жизни им часто приходится туго. Синяков и шишек, неверия и насмешек хоть отбавляй! Но какое же бесконечное уважение питаешь к этим беспокойным людям! Как мил нашему сердцу образ Циолковского, не правда ли? Деревянный домик где-то на окраине Калуги, забор, поросший крапивой, живет себе там человек и мечтает... о межпланетном. А его считают чудаком. А Мичурина в Козлове обзывали сумасшедшим.

Но вот оказывается, что силой своей творческой мысли, фантазии и воображения — одни в науке, как Циолковский, другие в искусстве, как Прокофьев и Рерих или Маяковский с Мейерхольдом,— все эти «странные люди, загибщики, чудаки и сумасшедшие» пытались уже вторгнуться в космос и побывать там до его фактического покорения.

Вот ведь какие бывают дела!

* * *

Огромное событие до отказа наполнило сейчас нашу жизнь новым содержанием: проект Программы КПСС.

Естественно, конечно, что помыслы наши устремились в будущее с обновленной силой. Мы, люди искусства, тоже не хотим отставать. Все чаще задается вопрос: а каким же оно станет, это искусство будущего?

Западный мир художников отвечает на это по-своему: в абстракции! Я поглядел на нее, на эту абстракцию, на французской выставке в Сокольниках. Ах, какой это обидный, я бы сказал, оскорбительный отдел! Оскорбительный прежде всего для тех, кто «создает» и выставляет. Есть такое выражение — «загнивающий капитализм». Ну, а это — его искусство, тоже загнивающее. Это продукт распада. Но он существует, этот мирок. И существует потому, что есть на него спрос. Его покупают. Но вот почему его покупают?

Когда я, увидев огромную картину в одном из залов заседаний ООН в Нью-Йорке, спросил, что она обозначает, мне ответили: «Это абстракция. Она ничего не обозначает. Но это как раз нас и устраивает. Если бы она что-то выражала, тут хлопот не оберешься. Ведь в этом зале заседают представители многих наций. И сделать так, чтобы содержание картины устраивало всех, просто невозможно. Так что это как раз и хорошо, что в картине ничего нет».

Мне понравился ответ своей откровенностью.

Я вспомнил наших литературных «ничевоков» (было такое «направление»), шумевших в начале двадцатых годов. От них ничего не осталось. Ничего и есть ничего. Поэтому абстракция устраивает некоторых на Западе; для них абстракция — просто спасение: она отвлекает от главных вопросов жизни. А то еще начнут, как порохом, начинять искусство всякими проклятыми социальными вопросами!

Ну, а что же у нас?

Ленин назвал искусство будущего **великим коммунистическим искусством.** Именно так записала Клара Цеткин его слова: «Должно вырасти действительно новое, великое коммунистическое искусство, которое создаст форму соответственно своему содержанию».

Сейчас много говорят и пишут о **стиле** советского искусства.

Вот в «Советской культуре» известный актер советует:

«...Актерское мастерство становится все более лаконичным и скупым...», «...внешняя скупость и сдержанность».

Лаконизм?..

Конечно, нехорошо быть болтливым в наше деловое время. Но это не значит, что наш век нужно выражать только телеграфным стилем.

Лев Толстой был явно нелаконичным и многословным и вместе с тем психологически выразительным до гениальности. Что же, он для нас старомоден? Читать его, что ли, некогда? Шолохов и Леонов тоже многословны, но эти художники — выразители нашего времени, и мы гордимся ими.

Советуют сдержанность.

Ну, а как быть художникам несдержанным? Куда им деваться? Ведь тот же «Потемкин» был сделан на предельном темпераменте, так сказать, форте-фортиссимо. Проходит тридцать лет, а этот фильм все еще не «перекрыт», и международное жюри придирчиво-сердитых судей объявляет его — шутка сказать! — лучшей картиной мира!

Или как быть, ну, скажем, Охлопкову, художнику очень большой фантазии и выдумки, темперамента, так сказать, вулканического? Зачем заставлять его гасить свой пламень, который горит ярко и жарко? И слава богу, что горит!

Кстати, уж если говорить о рецептах в искусстве, по-моему, совсем неплохо воскликнул Сальери у Пушкина:

> «Какая глубина!
> Какая смелость и какая
> стройность!»

И вообще, нужны ли всякие готовые рецепты? Ведь в искусстве не может быть единственно правильных решений (хотя во время работы всякий художник должен искать для себя единственно правильное решение).

Я себе представляю это так. Идет великий спор, борьба идей. Про нас говорят: коммунизм стирает, губит индивидуальность художника, приводит к обезличке в искусстве. А мы утверждаем обратное: коммунизм вызывает **расцвет** искусства, расцвет всех творческих сил и развитие индивидуальностей художников.

В подтверждение того, как Ленин ценил индивидуальность художника, я хочу привести один малоизвестный случай.

В 1916 году в Швейцарии один художник рисовал Ленина. Окончив портрет, он спросил: «Похож?» Ленин ответил: «Конечно, сходство здесь, безусловно, имеется, но я вас не вижу в этом портрете».

Никогда никто из художников не находился в столь благоприятных условиях, как мы, советские художники. Мы являемся владельцами огромного богатства, огромного наследия. Думая об искусстве будущего, мы не должны забывать об этом наследии.

Неоценимо все, что сделали для искусства Станиславский и Немирович-Данченко. Они разработали и обобщили науку театра. Огромный вклад в искусство постановки внес Мейерхольд. Кстати, мне кажется, что совсем не надо противопоставлять Мейерхольда Станиславскому, как это делают некоторые искусствоведы. Это не приносит никакой пользы, а только **обедняет.** Станиславский и Мейерхольд шли друг другу навстречу, и если б они прожили еще, их искусства **соединились** бы. Я в этом убежден.

Некоторые критики думают так: чем больше ругать Мейерхольда, тем лучше! Вот, мол, какой я непримиримый! А если за что его и похвалю, то при этом обязательно так лягну, что никто не подумает, что я «за».

Мейерхольд — во многом фигура дискуссионная, он и при жизни мало кому давал покоя. Вокруг его творчества всегда бурлили споры. Конечно, у него были уязвимые места. Но дело не в них, а в том большом вкладе, который он внес в постановочное искусство режиссера. Этим швыряться бесхозяйственно и неразумно.

Постановочное искусство театра очень молодо: оно стало развиваться совсем недавно. Раньше актеры сами себя «разводили», когда сталкивались лбами на сцене. А сейчас советский театр может гордиться большими достижениями и в этой области.

Постановочное искусство Мейерхольда очень велико. Его не только не надо предавать анафеме — его надо изучать. Тут работы непочатый край. Потому что сам Мейерхольд по характеру своему был нетерпелив и свою практику не систематизировал.

Мы часто говорим об отставании нашей драматургии от потребностей жизни. Но у нас есть еще один тревожный участок, о котором мы мало говорим,— это режиссерский участок. Мало еще появляется у нас новых режиссерских имен.

Очень поучительна, с моей точки зрения, история Большого драматического театра в Ленинграде. Там долго не ладились дела. Искали причины: и актеры-де плохие, и пьес хороших нет, и даже обсуждали, не перенести ли остановку автобуса поближе к театру — не в этом ли корень зла. Но вот появился в этом театре Товстоногов, и все встало на свои места.

Чудесный коллектив Художественного театра испытывает, с моей точки зрения, затруднения главным образом режиссерского порядка. Я хожу на все постановки Художественного театра с восьмилетнего возраста (я не оговорился — с восьмилетнего). И вот в моем представлении Станиславский живет как крайне беспокойный художник, беспрерывно ищущий новых путей в искусстве. В последние годы, прикованный к дому болезнью, он был оторван от непосредственной жизни театра

С. Прокофьев и С. Эйзенштейн.

и сосредоточил свое внимание на работе с актерами. Трудно сказать, куда бы влекла его фантазия и творческая мысль постановщика, если бы он до последних дней своей жизни мог в полную силу свою ставить спектакли.

Конечно, очень нелегко приходится сейчас его наследникам: Станиславского заменить невозможно, а всякая, пусть даже самая добросовестная, канонизация найденного всегда таит в себе опасность штампа.

Это, конечно, не снимает с повестки дня необходимости изучения и освоения великого наследия Станиславского. Но тем не менее никого не надо в искусстве мхатизировать (так же как и мейерхольдизировать)! Пусть каждый, впитав в себя наше большое и разнообразное театральное наследие, говорит **своим** голосом.

Страна наша богата не только хлебом, машинами, но и талантами.

Пусть расцветают при обязательном условии нашего **идейного единства** все таланты.

Твори,
выдумывай,
пробуй...

Пусть происходят смелые поиски нового! Всем честным советским художникам найдется место под солнцем великого коммунистического искусства.

* * *

Как-то на одном зарубежном кинофестивале подскочил ко мне один юркий репортер и ошарашил вопросом: «Скажите, пожалуйста, что такое счастье?!» Но я не растерялся, ибо твердо знал, что счастлив бываю тогда, когда нахожусь на передней линии фронта. Это не были красивые слова: ведь у нас тоже свой фронт, на котором идет борьба идеологий.

Прилив большого гражданского и творческого подъема испытываем мы всегда, когда удается насытить нашу работу острым политическим содержанием и партийными мыслями. Когда шагаешь в ногу со временем, чувствуешь себя бойцом, именно бойцом культурного фронта.

Я уверен, что каждый советский художник разделяет эти мысли.

Последнее время меня волновала работа нашего театра над спектаклем «Мамаша Кураж», которая возникла в результате творческой дружбы Охлопкова с Брехтом. Эта пьеса сверхсовременна, хотя ее действие протекает бог знает когда — в XVII веке. «Кураж» — это один из самых мощных протестов против войны, выраженных средствами искусства. Мы меньше всего заглядывали в исторические книги, а «питались» утренними газетами, сообщавшими о разгуле военщины и нашей борьбе за мир.

Конечно, я должен особо говорить о том большом творческом счастье для советского актера, когда у него появляется возможность прикоснуться к великой ленинской теме. Ответственность такой работы огромна! Ведь деятельность Ленина — для всех нас великий пример.

Года два тому назад мне довелось побывать в Демократической Республике Вьетнам. Я был глубоко потрясен, услышав от наших вьетнамских друзей, что советские фильмы помогают им жить и работать. А когда я узнал, что во времена освободительной борьбы, когда вьетнамцы вышибали со своей земли ненавистных колонизаторов, наши кинофильмы с образом Ленина демонстрировались в джунглях, на каких-то простынках и тряпках, и что эти ленинские фильмы помогали им **жить** и **бороться**, я был не только счастлив, но и горд за наше советское киноискусство.

* * *

Советский художник неустанно и неизменно должен воспитывать в себе великое чувство гражданственности и слитности со своим временем. Это драгоценное чувство должно пронизывать все его творчество. Не могу отказать себе в удовольствии и не вспомнить, что греческое слово «идиотес», то есть идиот, обозначало лицо невежественное, человека, не интересующегося общественными делами. А сцена, как рентген, — видно все, чем актер дышит и живет. Надо также неустанно воспитывать в себе профессиональное мастерство, любовь и вкус к технике.

Недавно в «Театральной жизни» я прочел такие слова у Леонида Леонова:

«Ведь искать нужно не средства выражения, а творческое состояние, мудрость, озарение... А средства придут сами, когда это потребуется».

Ох, дорогой Леонид Максимович! Так ли это? На театре я тоже слыхивал такие советы: вы, мол, только правильно почувствуйте, а все остальное придет само собой! Ничто само собой не приходит. Спектакль, сцены, образы — все, решительно все надо лепить, делать, строить. И вам, великолепному мастеру слова, это хорошо известно!

* * *

Я держу в руках книгу — проект Программы КПСС. Это книга будущего. Она невелика по размеру, издана просто и скромно. Но какая великая **организующая** сила заложена в ней!

Думая о проекте Программы, мы прежде всего ощущаем удовлетворение оттого, что у нас «есть такая партия!», которая, впитав в себя всю мудрость прогрессивной человеческой мысли, **объединила** народные силы в борьбе за будущее.

То, что силы наши не распылены, а направлены волей партии в одном направлении, — в этом благо великое. От этого наши силы растут и множатся, как в сказке, и мы творим «чудеса» на земле и в небе.

Иной раз я думаю так: какая же у нас самая большая стройка в Советском Союзе?

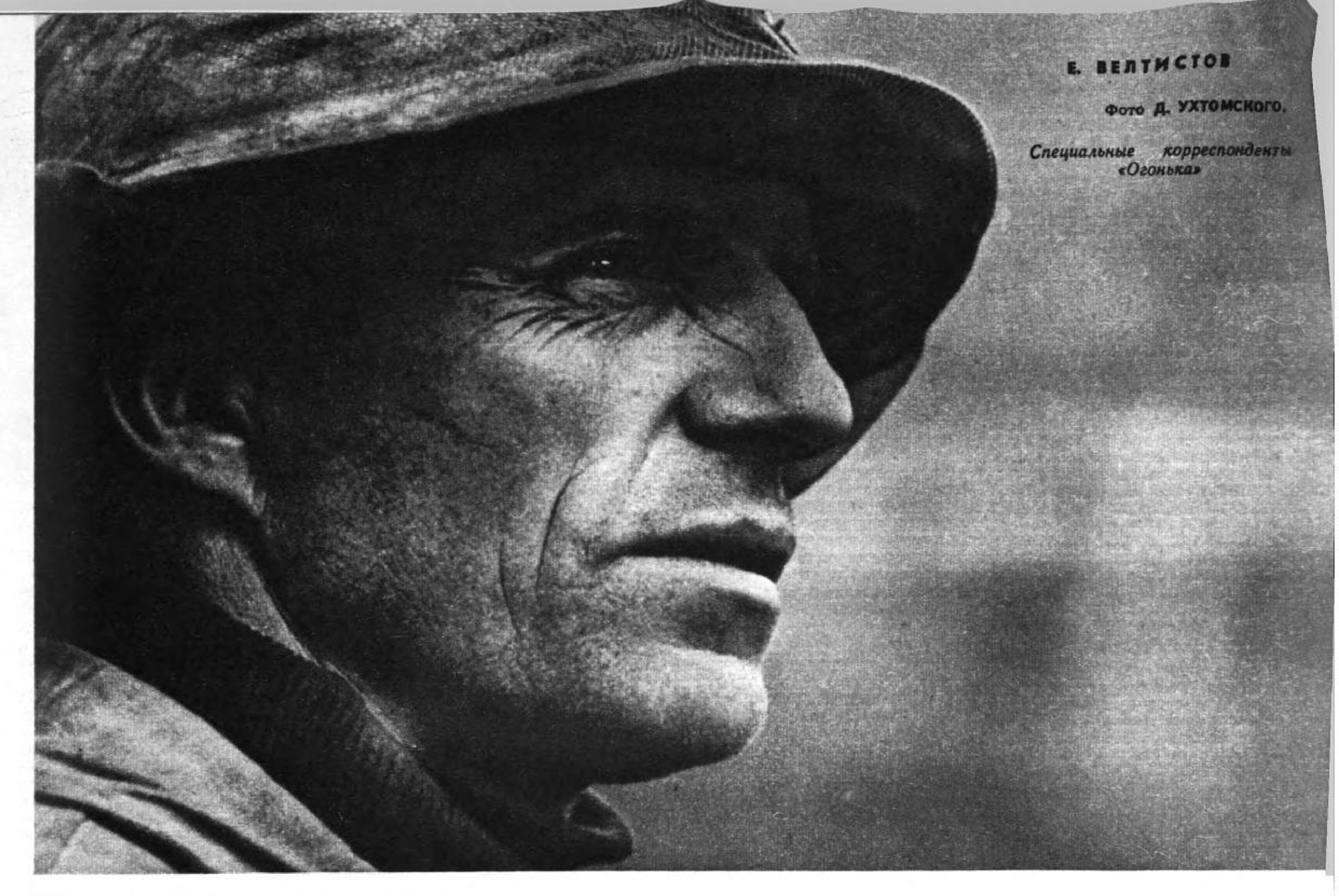
Газопровод Газли — Урал? Нет. Казахстанская Магнитка? Нет. Братская ГЭС? Нет.

Самое великое строительство у нас вот какое — **нового человека** мы строим! Гражданина нового, коммунистического мира.

А все остальное — для него, во имя него!

Памятник В. Маяковскому в Москве.
Фото А. Гостева.

Е. ВЕЛТИСТОВ

Фото Д. УХТОМСКОГО.

Специальные корреспонденты «Огонька»

Бригадир Иван Зернов в наступлении на тайгу.

О ПОДВИГЕ, БЕСС

Читая Программу...

Семен ОЛЕНДЕР

Кто мудрость нашей партии измерит?
Ей меры нет. Она, как день, ясна.
Перечитав Программу, каждый верит,
Что наступила новая весна.

Уже коммунистические дали
Не там, за горизонтом, а вблизи.
Мы на земле взрослели и мужали
Под нашим небом, полным бирюзы.

Мы знали голод, лихолетья, войны,
Заводы строили на пустырях.
У нас характер вечно беспокойный,
Перед грядущим нам неведом страх.

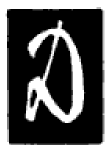
Программа партии — маяк заветный,
И мы его зажгли своим трудом.
Пусть веет ветер, светлый и победный
Как знамя Коммунизма над Кремлем!

Вершина

Друзья мои, товарищи, земляне!
Встречать зарю мы вышли все сегодня.
Как ясно стало в нашем юном мире,
Какие дали новые видны!
Сегодня мы в крутом своем подъеме
Достигли ожидаемой вершины,
И вся земля открылась перед нами
С ее материками и морями,
С ее уже минувшими веками
И с лучезарным будущим ее.

Зари такой не знали наши предки.
Для них все зори зажигало солнце.
А эта не от солнца зажжена.
Ее мильоновольтное сиянье
Создали мы трудом своим и кровью,
Она горит багрянцем наших флагов
И потому особенно светла.
И мы поем. Нам весело сегодня:
Уже не призрак бродит по Европе,
Уже по графам будничных нарядов
Прикинут у прорабов новый день.
Уже мы припадаем к нивелирам,
Чтобы разметить на груди планеты —
По сопкам и урочищам таежным,—
Что ставить где, что рыть и что сносить.
За сорок лет прорыли мы немало
Глубоких шахт, чтоб задымили топки,
Каналов, чтоб пыхтели пароходы,
Немало рек в турбины мы впрягли.
И с песней комсомольскою вспахали
Легендами овеянные степи,
Вдохнули пламя в доменные печи
И руды извлекли из-под земли...

И — что скрывать! — бывало и такое,
Что не в шелка невест мы одевали,
И жили тесно, и вставали рано,
И пояса подтягивали туже,
В тяжелый день на стройку уходя.
И лишь плотнее стискивали зубы
И запирали наглухо кордоны,
Когда нам улюлюкали злорадно
Из-за границ иные господа.
Нас сорок лет хулили и чернили,
Нам верить не хотели — и ошиблись,
Пытались оболгать — и просчитались,
Хотели сжить с земли — и сорвались.

орога к Падуну в фиолетовых берегах. У обочин километровые полосы иван-чая, таежного бурьяна — тайга словно приветствует победителей. А те мчатся в сине-алых волнах со свистом пушечных ядер. Ну и скорость у встречных самосвалов!

Спускаемся к Ангаре, и сразу исчезают цветы, обрывается тайга. В последний раз мы едем по голому дну Братского моря: вода уже плещется у самой дороги. И неожиданно во всей своей широте открывается плотина. Плечи ее в скалах, бетонная грудь встречает волны, а выше, под облаками, манипулируют краны. Так и кажется, что река стала меньше. Но нет, Ангара полноводна, как никогда, она решилась быть морем и в знак согласия утопила Падун.

Вспоминаю, как пять лет назад на этом вот берегу в тесной палатке комсомольцы-мечтатели говорили о самой счастливой минуте в своей жизни. Они верили, что когда-то скажут: все-таки она, братцы, вертится! Их мечта — плотина — прочно стоит на скалистом дне реки. Осталось совсем немного до желанного момента: сердце Ангары забьется в дни работы XXII съезда партии.

НАД РЕКОЙ

Ранней весной, когда солнце светило обманчиво ярко и морозец неторопливой рукой сыпал сверху колючую крупу, в двухконсольном кране искрошился подшипник. Эти краны похожи на фантастических гимнастов: стоят на высоком мосту, расставив могучие ноги, раскинув руки над всей стройкой. Под руками-консолями катается тележка, в ней и был слышен подозрительный скрип. Забраться туда можно было только из машинного зала, из домика, что на макушке крана-гимнаста.

Четыре человека вырезали в полу машинного зала люк и молча стояли над ним. Ноги крана, посеребренные инеем стальные балки, казались отсюда, сверху, неестественно длинными. Между ними по мосту ехали самосвалы с дымящимися на морозе кузовами. Еще ниже тускло отсвечивал стеклянный щит Ангары. Каждый из четырех мог точно назвать высоту: пятьдесят метров до моста и еще сто до льда,— но именно так, сверху, они смотрели впервые.

Подтянуть тележку под люк, размышлял механик, и снять верхние болты несложно. Но чтобы вытащить блок с подшипником, надо снять еще четыре болта под тележкой. Как к ним подобраться? Спросить не у кого: таких кранов на других стройках нет. Будь он, механик, моложе лет на двадцать, и то не решился бы повиснуть над бездной.

С визгом под люк подъехала тележка. Механик усмехнулся: тоже дают названия, не тележка — целая платформа! Кряхтя, опустился он в люк, осторожно встал на платформу, принялся откручивать болты. Если б можно было так же легко свернуть нижние! Своими руками поднял бы эту тонну железа! Механик подал товарищам руку — вытягивайте.

Его вытянули, и он остался стоять у люка, остальные разбрелись по залу. Электрик сунул валенки в резиновые галоши, пошел к щитам. Машинист смотрел на соседний кран, завидовал товарищу: сидит тот в кресле, ворочает бадьей. Четвертый, слесарь, задумался, прислонившись плечом к лебедке.

Ему было особенно грустно. Как он стремился сюда, под облака, на вершину стройки! Укладывал бетон на дне Ангары, сам поглядывал наверх, думал о двуруких великанах: чудные, недосягаемые, как марсиане. Ну, технарь, говорил он себе, еще усилие — и ты взлетишь! Там, в армии, еще до стройки, так и не удалось полетать: он снаряжал и провожал гидросамолеты. Летчики все были рослые, довольные, а он маленький и почему-то робкий. Так и не решился...

Прервав свои размышления, слесарь поднял с пола веревку, стал обвязываться вокруг пояса.

— Ты что? — обернулся механик.

— Попробую, вот что,— сказал слесарь и нахлобучил ушанку по брови.

— Золотов, — предостерегающе начал механик,— я за тебя в ответе...

— Вы крепче держите, веревку травите помаленьку. Я юркий! — Золотов успокаивающе улыбнулся.

Все сразу оживились. Электрик вынырнул из-за щита, схватился за веревку. Машинист завязал морской узел, помог надеть монтажный пояс. Механик раскладывал по карманам слесаря инструменты, наставлял, что и как делать.

Золотов спрыгнул на тележку, за ним механик. Двое в машинном зале держали веревку.

— Цепляй пояс за трос! — командовал механик.— Так, не спеши. Как зависнешь, сунь ноги в дыру на блоке.

Золотов медленно сполз грудью с платформы, схватился за трос, поболтал в пустоте ногами. Он опускался все ниже и ниже, пока наконец носком не нащупал дыру. Сунул одну ногу, потом нашел место для другой. Левую руку продел по локоть в какое-то отверстие, правая была свободна. Теперь он висел под тележкой, доверясь поясу и веревке.

Сначала самое трудное — обрезать уголок балки, закрывающий винт. Золотов вложил в пальцы левой руки щиток, прищурился, включил сварку. Капли горящего металла обожгли лицо. Стерпел. Резал, пока уголок не отвалился. Потом хлопал себя по груди, гася тлеющую одежду.

Вынул из кармана ключ, взялся за болты. Какое холодное железо, пальцы так и прилипают! А спине жарко, налилась тяжестью.

— Терпишь, Золотов? — то и дело спрашивал наверху механик. Ему холодно: мороз, ветер пронизывает насквозь. Еще посыпал снег, заиграла слегка метелица.

— Терплю,— отвечает Золотов, а механик качает головой и не знает, что сказать.

Метель пошла кружить всерьез в серебряной клетке крана. Снег летел уже не сверху, а сбоку и садился висящему человеку на грудь. Отвинченные болты Золотов опускал за пазуху: тянуться до кармана было тяжело. Может, потому и замерз. Особенно прихватило ноги. И унты не спасли.

Он охотно отзывался на голос механика: так было легче. Наконец сунул под телогрейку ключ и только тогда дернул за веревку.

ТРАШИИ И СЛАВЕ

века

Алексей СМОЛЬНИКОВ

Мы выстояли все. И всё сумели.
Земля у нас талантами богата,
В руках умелых недостатка нет.

Великий день настал. Пришел наш праздник.
Уже не призрак то, о чем мечтали,—
В колонках цифр и на чертежных досках
Живет мечта, и это видит мир.
Уже в купе вагонов транссибирских
На выверенных ватмана рулонах
Ее с собой увозят комсомольцы
И не мечтой, а планами зовут.
Теперь уже хулители седые,
Что столько раз так горько ошибались
В пророчествах своих, где больше злобы,
Чем трезвого желания постичь,
Губ не кривят с улыбкою спесивой.
Теперь, воздев пенсне подслеповато
И вытянув морщинистые шеи,
Они глядят на наши взлеты в космос
И взвешивают тщательно слова...
Для них настало горькое похмелье:
Что предложить они сумеют людям?
Что есть у них сегодня за душой?

Им тесно стало в этом новом мире,
В цветенье очистительных пожаров,
Пылающих на всех материках.
Им пятки жжет земля в долине Нила,
Слепят глаза им молнии над Кубой,
И молодость встающего Востока
Клокочет, как разбуженный вулкан.

Стареющие, хмурые и злые,
Они грозят костлявыми руками.
Не ум им старость — бороды дала.
А мы поем —
Нас много в нашем хоре —
О том, что мир насилья мы разроем
До основанья, а затем
Мы новый мир построим на планете —
Свободный мир труда и вдохновенья,
Высокий мир дерзанья и науки!

...Друзья мои!
Давайте ж наши руки,
Мозолистые руки поколенья,
Соединим в одном рукопожатье
И руку нашей Партии пожмем!

Слово беспартийного поэта

Павел КУДРЯВЦЕВ

Когда я не только пишу, но и строю
И жизнью наполнен мой творческий лист,
То я, беспартийный, расту, и, не скрою,
Мне кажется:
я —
Коммунист...

В борьбе моя хата и доля не с краю.
Пусть общий наш враг и силен и когтист,
Но я не сдаюсь, я борюсь и мужаю.
И чувствую:
я —
Коммунист.

Пусть жизнь наша будет красива, как песня.
Наш путь благороден, но он каменист...
С тобой я пройду его прямо и честно.
Я,
Партия,
твой!
Коммунист!

Василий Золотов.

Сил хватило еще, чтобы подать руку и подтянуться.

Он не слышал, что ему говорили. Грузно сидел на табуретке, оттаивал.

— Уголок-то упал,— вспомнил вдруг Золотов.— Никого не пришибло?

— Все в порядке,— ответил механик и посмотрел на часы.— Ого, три часа прошло! А холодище, бр-р-р, за тридцать... Как же это ты, брат?

— Да чего там,— махнул рукой Золотов.— Меняйте подшипник...

...Признаюсь, я задал Василию Золотову тот же вопрос: как он не сробел, как выдержал?

— Привинчивать было легче,— ответил он.— Вообще в другие разы уже не так страшно.

— В другие?

— Такая же история случилась на втором кране. Посмотрите ремонтный журнал, там записано: произведена замена подшипника в блоке грузовой тележки. С тех пор чуть что, зовут меня.

СУВЕНИРЫ

Мисягина смеется:

— Фотографироваться — пожалуйста. Дело простое, времени мало отнимает. А то до вас скульптор приезжала с чемоданчиком. В чемоданчике глина. Говорит мне: «Шевелитесь как можно меньше». А у меня дела, то да сё. Хотела я ей сказать: «Милочка ты моя, у меня сейчас хоть свободная минутка есть: бригада слаженно работает. А год назад носилась бы я как угорелая». Да так чего-то и не сказала. Серьезная, вижу, у нее работа. Даже позировала ей в обеденный перерыв.

— И как получилось?

— Я так и не видала. Заработалась, потом смотрю: положила скульптор мою голову в чемодан и ушла.

— Слышал я, Варвара Андреевна, что и из музея к вам приезжали?

— Было и такое,— улыбается Мисягина.— Очень серьезная и настойчивая женщина приезжала. «Собираем,— говорит,— сувениры Братской ГЭС, экспонаты для музея. Это что за лопаточка? — спрашивает меня.— Мастерок? Давайте его сюда! Чем еще работаете? Вибратором? Возьмем и вибратор!»

Я ей говорю,— продолжает Мисягина: — «Возьмите еще колонну — наше изделие». «Ну что в этой колонне особого? — отвечает она мне.— Колонна как колонна. А вот скалу с надписью «Здесь будет построена Братская ГЭС» обязательно увезем в музей».

— И увезла? — недоверчиво спрашиваю я.

Мисягина хохочет. Ее румяное загорелое лицо удивительно светится на фоне серой, пропитанной бетонной пылью одежды.

— Такого страху нагнала на главного инженера, что тот совещание целое созвал. Так, мол, и так, говорит главный инженер представителю музея, мы не протестуем: берите скалу. Но этот сувенир, по нашим расчетам, будет весить двадцать тонн. Пришлось товарищу из музея отказаться от скалы.

— Ну,— заключает нашу беседу Мисягина,— мне пора на смену. А еще к роженице ехать. Слышали про Радугину, которая троих сыновей родила? Из моей бригады бетонщица! Поеду имена выбирать. Должно быть, все трое богатыри!

Мисягина давно ушла, а я все размышлял о сувенирах из Братска. Хорошее дело затеял московский музей: рядом с историческими документами будут лежать орудия труда семилетки. Пускай не потомки, а современники увидят мастерок и вибратор. Жаль только, что рядом не будет держать жаркую речь о хозяйке этих вещей свидетель ее труда, товарищ по работе.

Каким прекрасным экскурсоводом оказался бы, например, молодой мастер Геннадий Михасенко! Он рассказал бы, как не мог справиться с ленивыми девчатами из своей бригады, которые в ночные смены отсыпались в паровом колодце. Как грянул над их головами гром в один из декабрьских дней прошлого года: к ним переходит Варвара Андреевна Мисягина! Даже не верилось: лучший бригадир, депутат областного Совета, недавно орденом Ленина награждена,— и вдруг к ним, отстающим! Она, конечно, не деликатничала, она так турнула лентяек, что те выскочили из колодца, словно ошпаренные. Вспомнил бы Михасенко и о том, как вздыхал поначалу кассир, выдавая прославленной бригадирше скромную заработную плату, а она его успокаивала: «Ничего, догоним еще. Я двадцать семь лет на бетоне, четыре ГЭС построила. Построю и пятую». Что сказал бы мастер дальше? Не только бетон, сказал бы он, а души, характеры людские лепила все двадцать семь лет тетя Варя.

Впрочем, Михасенко обрисовал бы Мисягину лучше. Он ведь не только мастер по бетону, но и писатель, автор книги «Кандаурские мальчишки», выпущенной Новосибирским издательством, а совсем недавно и «Советским писателем».

Вот только на стройке об этом, кроме мальчишек, почти никто не знает. А издателям Михасенко, наоборот, неизвестна другая, самая интересная часть его жизни, в которой он и находит своих героев, таких, как Мисягина.

Сто лет назад цирковой артист Эмиль Гравеле, по афише Блонден, прошел по канату над Ниагарским водопадом. Неравнодушная к сенсациям Америка в один день сделала легендарным имя этого европейца. Историки цирка с грустью пишут, что Блонден был последний канатоходец, последний представитель ярмарочных плясунов на проволоке; вместе с ним умер самый жанр.

А мне довелось увидеть в тайге десятки людей, которые ходили по натянутой проволоке. Особенно ярко в памяти первое знакомство с ними.

Над зубчатым частоколом тайги двигался человек. Он раскачивался, будто греб, и скользил вдоль

верхушек сосен. Мы знали, что это верхолаз-монтажник из бригады Ивана Зернова, но не могли отделаться от впечатления, что человек каким-то чудесным образом плывет по воздуху,— слишком уж неожиданно появился он над тайгой. «Газик» выехал на широкую просеку, и мы увидели серебристые от алюминиевой пудры опоры, шагающие так далеко, что последняя казалась со спичку; небо, расчерченное линейками проводов, и людей, устроившихся на них, словно стая птиц.

Они занимались обычным делом: ставили распорки, которые скрепляли три провода. Один при этом болтал в воздухе ногами, другой сидел на проводе, будто в кресле, третий отдыхал на корточках, четвертый стоял, скрестив ноги,— словом, все были очень живописны. Но куда замечательней они ходили! Вот парнишка взялся за два верхних провода и почти побежал легкими, упругими скачками.

— Андрей Красноборов,— представил монтажника бригадир Зернов.— До чего ловок! Работает, будто балуется. Но не забывает, что на высоте,— армия приучила его к аккуратности. С ним в паре Маслов Геннадий, крепкий человек, паровозник, партийный работник. Приехал из Калининграда, сразу сказал: «Паровозник — отмирающая профессия, давайте новую». Работой своей доволен, семью сейчас устраивает. Одно нехорошо: младший брат его расстроил — сбежал со стройки тайком и записочку оставил: стыдно, мол, мне, да жена в письмах уговорила домой вернуться... Вот и привязался Маслов к Андрею Красноборову. Тот, беглец, такой же ловкий и быстрый был. Крепко переживает Маслов, а всем говорит: «Вернется Витька, обязательно вернется. Я в его честь сына старшего назвал, он нынче в школу пошел. Не знаю, кто раньше приедет — Леша, средний брат, из армии или Витька, но все мы, Масловы, будем здесь вместе».

Маслов, поднявшись с корточек, спокойно переходит на другое место. А рядом с ним, на параллельной линии, провод так и прогибается под большим человеком. Его раскачивает с каждым шагом, но он упорно идет, нагнув голову.

— Трудно Самсонову,— говорит Зернов и сдвигает на затылок накомарник, очень похожий на каску.— Центр тяжести высоко — два метра росту, вот его и качает. Если б можно было помочь, ребята все, как один, кинулись бы. Любят его, зовут Иваном Ивановичем, хоть парень и молодой, комсомолец. Хотели его у нас сделать уполномоченным по быту. Отказался наотрез: «Пойду где труднее». Назначали бригадиром, не согласился: нет, говорит, опыта. Работает так, что ладони гудят,— провод вместо трактора раскрутить руками может. Одним словом, такой нигде не отступит!..

Таежные высотники проводят каждый день по нескольку часов на проводе. Они могут так увлечься, что не замечают, как осторожный изюбр уносит их завтрак.

— Красиво работают монтажники!

Это говорит Михаил Семенович Ротфорт.

Его я искал непрерывно и раньше, когда приезжал в Братск, и сейчас и слышал одно и то же: «Ротфорт в тайге, на ЛЭПе». В эту мужественную «страну лэпию», как здесь называли строительство линии электропередач, всегда было трудно попасть: на пути вставали таежное бездорожье и вода, мороз и метели. А главное, никто не мог сказать, где в тот момент находился начальник строительства: трясся ли он на тракторе или шел пешком, летел ли на вертолете или переплывал на плоту реку. Воображение рисовало атлета, прорубающегося через тайгу.

А Ротфорт оказался совсем другим: невысокого роста, в очках, соломенной шляпе, с потертой папкой в руках. Но это был командир, который всегда в походе. Начальник строительства одного из участков ЛЭПа, он, прекрасно знающий всех своих бойцов — а их пятьсот,— рассказал мне о лэповцах:

— Что такое ЛЭП, сначала никто толком не представлял. Но надо было вести провода от Иркутска к Братску, и тогда вызвались строить ЛЭП комсомольцы. Это была самая таежная закуска: болота, горы, бурелом. Лошади в тайгу не шли: боялись мошки — тащили их силой. На счастье, нашелся старик, восьмидесятилетний медвежатник, он показал нам тропы. А дальше надо было валить столетние лиственницы, рубить просеки, копать землю. И еще — учить, как держать лопату, ведь москвичи не знали даже, что такое кайло. Откровенно говоря, мне тоже многое было в новинку: сам я электрик, а пошел в строители ЛЭП потому, что лампочки у Падуна по пальцам можно было сосчитать.

Человек все может, если захочет. Особенно романтик, комсомолец. И имя «лэповец» стало на стройке символом героизма. В канун праздника, 6 ноября 1957 года, Братск стал сильнее: пришло электричество из Иркутска. Это была неописуемая красота: вдруг над Падуном вспыхнули тысячи лампочек.

А мы уже пробивались на восток, на Коршуниху. Как же иначе! Там горы железа, будущему городу, рудникам тоже нужна помощь. Нет, нас не могли остановить даже дурные речки, бунтующие весной! Когда лэповцев отрезало от всего мира, продукты им сбрасывали с вертолета. Папиросы, мясо, хлеб и прочее уцелело, а от картошки осталось одно пюре.

Как-то зимой встретил я на линии киноработников, французов и наших. Приехали знакомиться с тайгой. Стоял мороз под пятьдесят, все были укутаны до бровей. Француз спрашивает:

— Здесь кто хозяин, медведь?

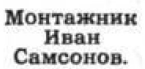
— Бульдозер,— отвечаю.

— О,— сказал француз,— познакомьте меня с людьми, которые работают на бульдозере.

— Пожалуйста,— говорю,— сегодня наши отдыхают: когда морозище свыше минус сорок пять, работать запрещено. На ближайшую зимовку я вас отвезу.

Приехали на одиннадцатый участок. А ребята как раз собирались под выходной в город. Ну, выскочили из дома, умывались снегом. Французы ахнули — и сразу фотографироваться на память. Так и снялись: гости в тулупах, а хозяева в майках. Тут же режиссер решил, что герой фильма непременно попадает в тайгу и работает на ЛЭПе.

Монтажник Иван Самсонов.

Фильм вышел на экраны, и в нем действительно герой переживает приключения на ЛЭПе. Но то, что случается в жизни, не придумаешь ни в одном сценарии. Возьмите хотя бы нашу серебряную линию. 284 котлована из 289 обошлись нам без особых волнений, а 5, в районе горы Старухи, набили большие мозоли. Технику на гору не затащишь, и ребята долбили диабаз вручную, жгли на камне костры и лили воду, чтобы трескался быстрее. Рядом бригада Александра Крамарева, кандидата в члены партии, по пояс в воде разбивала ломами линзу вечной мерзлоты.

— Вы понимаете теперь,— спрашивает Ротфорт,— почему мы сдадим наш участок не к концу года, как запланировано, а к съезду партии? Смотрите, вот они, легкие, высокие циркули, вот натянуты сверкающие струны; остается пустить по ним ток — и на заводах Ангарска, Иркутска скажут: не зря мы давали электричество в кредит.

А дальше протянутся от Ангары нити на строящийся Братский лесопромышленный комплекс, на створ Усть-Илимской ГЭС, на Тайшет и Красноярск. Надо торопиться, стройки коммунизма не ждут! А когда замкнется наконец кольцо Единой Энергетической Системы Сибири, станции Ангары и Енисея дадут ток и за Урал. Недаром эти две реки названы в проекте Программы партии, в них будущее Сибири, ее сила. Надо торопиться! Мы ведь только начали свой поход...

Из тайги мы возвращались с Ротфортом поздно ночью. На километры тянулась вдоль Ангары цепь огней. Многоэтажным домом светилась плотина. Двухконсольные краны с головы до ног в иллюминации, с зажженными для пролетающих самолетов красными фонарями. Голубыми мечами резали темноту фары самосвалов, ночных курьеров с бетоном. Рядом с нами в «газике» сидел человек, который знал каждый огонек. Было заметно по его лицу, что он очень доволен прошедшим днем.

Вспомнилась шутка начальника строительства, ставшая крылатой: «Дайте мне десять Ротфортов, и я построю Братскую ГЭС в два раза быстрее!»

ТРИ МИНУТЫ

Конец апреля был бурным. Ангара скрипела, угрожающе потрескивала и вдруг разражалась канонадой, заглушая сирены кранов. Речные веселые раскаты летели в поселок. Дребезжали стекла в доме Ивана Яхнея, взрывника.

Яхней, получив задание взорвать лед у земснаряда, с вечера пробурил во льду лунки. Полдела было сделано, лишь бы не пошел ночью лед.

Ночью лед не двинулся с места, зато шел дождь.

Утром грузовик с красной полосой и флажками на бортах повез Яхнея вдоль Ангары. Такие машины не заезжают в поселок, они любят безлюдные дороги. В фургончике кузова подскакивал ящик с опасными брусками.

И люди, которых возят эти машины, тоже предпочитают одиночество. Так они чувствуют себя спокойнее. Все равно их дела на виду: прогремит — даже глухой услышит. Если б можно было собрать все взрывы Яхнея в один! Звуком раскололо бы гору. А такую игрушку, как земснаряд, унесло бы воздушной волной.

Показался остров Зуй. Рядом, на грязном, мокром после дождя льду, черное пятно земснаряда. Ничего, голубчик, не утонешь. Каких-нибудь полчаса, и ни одна льдина тебя не будет таранить.

Грузовик остановился. Яхней, не торопясь, дошел до лунок, стал готовить заряды. Шофер Силаев развернулся, встал у берега и, не вылезая из кабины, следил за человеком на льду. Быстро работают руки взрывника, но немало надо им и сделать: связать взрывчатку в пачки, вставить капсюль-детонатор, вывести бикфордов шнур. Вот заряды разложены у лунок. Двенадцать точек лунок, двенадцать пачек с хвостами.

Шнур горит три минуты. За это время можно вернуться к машине, уехать.

Взрывник вынимает из кармана папиросу, прикуривает. Теперь он весь внимание и быстрота. Чик — срезан конец шнура. Подожжен о папиросу. И тут же заряд с шипящим хвостом — в лунку.

От лунки к лунке идет Яхней, раскуривая папиросу. Остались четыре, три, две, как вдруг лед мягко подался под ногами, и Яхней, не успев даже вскрикнуть, очутился в воде.

Шофер Силаев выскочил из машины. Огромными прыжками бежал он на помощь. Вот он рядом, протягивает руку — и проваливается сам.

Теперь двое барахтались в воде, хватались за лед, напрягая все мускулы. Где-то рядом лежали на дне десять готовых взорваться зарядов.

Первым выбрался взрывник. Он нагнулся, вставил ладонь в ладонь

На партийном собрании строителей. Выступает Герой Социалистического Труда Н. М. Хотулев.

шофера, другой рукой схватил его за мокрый полушубок, пятясь, вытянул на лед. Сделал еще шаг и, побледнев, опять ушел вниз, в воду.

Шофер кинулся в сторону. Нет, он не убегал! Он заметил примерзшую доску. Впился в нее пальцами, заскрипел зубами, отдирая. И спокойно, очень спокойно двинулся с доской в вытянутых руках к тонувшему.

Ох, как медленно он шел... Он что, не помнил, что шнур горит три минуты?!

Шофер знал, что если он провалится и на этот раз, то обоим конец. Оглушит, как рыб: выплывут, но брюхом вверх.

Он остановился, не доходя края льда, подал товарищу доску, потянул на себя. Тот уже на льду. Встает на ноги.

Теперь — скорее к машине!

Едва они выскочили на берег, как лед треснул. Один за другим раздались десять хлопков. Взрывы были глухие, но они поднимали лед буграми, кололи и крошили его.

Двое промокших людей стояли, обнявшись.

ФУНДАМЕНТ

«Вы спрашиваете, почему мало людей на плотине? — говорит Иван Степанович Галкин, секретарь партийной организации управления строительства здания ГЭС.— Верно, посмотришь, вроде никого и нет. А шум стоит, стальные мышцы в напряжении, искры сварки дождем летят, плотина поднимается. День не пришел в котлован — уже отстал. Видите, какой фронт работ — километр! И не везде возьмешь штурмом, числом рабочих. Но вот придет смена, и отовсюду они вылезут — усталые, но довольные. Верно пишут газеты: накал работ у нас сейчас высок, как никогда.

Я помню, как долбили диабаз и готовили плиту под плотину, как старенький «ЗИС» привез первый бетон и вывалил его на дно Ангары, как росли один за одним блоки. Совсем, кажется, недавно, в честь 90-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина, закладывали здание ГЭС и замуровали навечно памятную плиту. А теперь над ней поднялся каркас здания, внутри него собирают агрегаты. И в каждом из них больше трех Волховских ГЭС! Началось все с Волхова, при Ильиче, а теперь, в этом году, Братская ГЭС даст ток народному хозяйству.

Крепок диабаз, но и он трескается от солнца, ветра, холода. Крепче гораздо бетон, который кладем мы в фундамент: ему выдерживать напор воды, морозы, вибрацию от быстроходных турбин. Еще крепче наши люди, которые делают этот фундамент.

Недавно мы собирались в клубе «Гидростроитель» вместе с женами и подругами за столами, уставленными полевыми цветами. Решили поговорить о коммунистическом соревновании. Вспомнили, что первая бригада коммунистического труда родилась у нас в котловане. Сейчас их тридцать. Еще в десять раз больше соревнуются за это звание. Говорили, как на стройке проверяются люди на прочность,— так выстукиваем мы и скалу: бухтит или не бухтит? И если бухтит, всем коллективом снимаем ржавчину. Бригадир Макушев бился безрезультатно, почти до отчаяния с одним лодырем, пока не узнал его тайную мечту — учиться. Был случай, когда бригада освободила от работы своего бригадира, возомнившего себя центром земли; он поостыл, раскаялся, просил прощения. Бывает и совсем простое: заработается человек до угрюмости, ему говорят: «улыбнись» — и жизнь обретает для него прежний смысл. Просты слова девиза передовых бригад: жить, работать, учиться по-коммунистически, а мы постигаем их смысл каждый день, в борьбе за нового человека.

Основание скалы всегда прочно. Так и у нас: опора на коммунистов. И построенный на этом основании коллектив ни разу не подвел. Возьмите такого вожака, как Никита Михайлович Хотулев. Он здесь с первого дня, сам себе палатку поставил, никакой работы не гнушался и вообще не знал, что такое недовыполнение плана. Он, как добрая, ласковая мать, голубыми счастливыми глазами смотрит на человека труда и гневается, когда увидит лентяя. От Хотулева многое по стройке пошло: он начал создавать комплексные бригады, поднявшие выработку вдвое, он показал, что бригадир — это настоящий командир, герой. Хотулев стал у нас Героем Социалистического Труда и вступил в ряды партии. Богатая душа!

Дмитрий Демидов, звеньевой из его бригады, до этого черемховский шахтер, несколько месяцев назад взял совсем новый коллектив, зеленую молодежь, а с ним уже соревноваться можно. Хороший организатор коммунист Демидов: днем и ночью в бригаде. Глаза красные от бессонницы, устал, в голове — четверо ребят да больная жена, но он терпеливо объяснит каждому, что делать с бетоном. Ведь бетону в плотине еще полтора века жить, претерпевать всякие изменения,— тут не дай промашку.

У нас свои космонавты: когда надо, выдерживают многократную перегрузку и говорят, что чувствуют себя отлично. А может, такой труд и есть самое приятное чувство? Вспоминаю морячка Виктора Краснящих, молодого группарторга из бригады Евсеева. Фитиль к пороху! Скажи ему слово — загорится, посмотрит такими глазами, что сразу видишь: будет удача! Не так давно подзажег бригаду: «Обгоним Хотуля! Он начал цементировать отверстия два дня назад, а мы все-таки попробуем...» И обогнали, представьте себе, на день раньше кончили. И рекорд поставили: в два раза быстрее сделали. Вот что значит хорошее настроение!

Соберите всех этих людей в одну бригаду — и ахнете, какой они рекорд выдать могут. Любуюсь я ими и думаю: вот он, живой коммунизм, как сказал Никита Сергеевич, вот те, кто своим трудом закладывают крепкий фундамент строящегося коммунизма».

После споров о «Каса маре»

Василуца — Л. Добржанская.
Фото А. Гладштейна.

В театре вокруг неинтересного не спорят. Если неинтересно, просто не будут смотреть...

Вот уже второй сезон кипят страсти вокруг спектакля «Каса маре»; критики высказывают самые различные, порой взаимоисключающие суждения, а зрители, надеявшиеся хотя бы нынешней осенью посмотреть пьесу Иона Друцэ с актрисой Л. Добржанской в главной роли, все так же тщетно устремляются к ступеням Театра Советской Армии в чаянии «лишнего билетика».

Впрочем, попав на спектакль, очень тонко, очень изящно поставленный Борисом Львовым, быстро забываешь обо всех спорах, да и вообще обо всем постороннем. Постепенно — и все более властно — захватывают вас в плен чувства и мысли Василуцы, героини этого спектакля.

Молдавскому писателю Иону Друцэ присуще стремление заглядывать глубоко в душу людей, о которых он рассказывает. И как же много он увидел в душе своей Василуцы! Муж ее давно убит на войне, сын — далеко... Мало радости видела эта женщина в своей жизни; а какой же человек не ждет радости, не надеется на радость?!.

Правда, Василуца уж как будто и приучила себя забывать о всех своих горестях, трудясь на колхозных виноградниках с утра до поздней ночи, да только все равно нелегко, невесело одинокой женщине. И вдруг — Павэлаке...

Сложна, глубока поздняя любовь. Но всегда ли поздняя означает — ненужная?

Великолепная актриса Л. Добржанская и весь актерский коллектив, подчиняясь замыслу режиссера, ведут — подобно тончайшей скрипичной мелодии — тему этой любви, которая пришла, никого не спросясь, нагрянула не то как большая беда, не то как долгожданное счастье, и, щедро расцветив чувствами, обогатив человеческую осень, заставила вдруг всех увидеть, как же полон и удивителен душевный мир простого трудового человека, какие глубины внутренних переживаний подвластны ему, как он лиричен и нежен — короче, как он прекрасен и высок.

Василуца Л. Добржанской, казалось бы, предельно сдержанная в проявлении своей любви к молодому Павэлаке, знающая, что рано или поздно она должна будет отказаться от этой любви, никогда не забудется вам. Долго-долго вы будете помнить ее лицо — немного хмурое, немного суровое, немного озабоченное и вдруг сразу всё просиявшее, заблестевшее любящим взглядом, словно не опавший еще багряный лес под лучом закатного солнца... Вы будете помнить, как стоит она, недвижимая, скрестив руки на груди, вся во власти обуревающих ее чувств, в своей красивой каса маре — праздничной, светлой комнате. Художник М. Мукосеева наполнила эту каса маре действительно праздничным светом. И вы уходите со спектакля с таким ощущением, что у вас в этот вечер тоже был праздник.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Герой трудовых будней экскаваторщик Борис Цараев — ветеран стройки.

Депутат Иркутского областного Совета депутатов трудящихся бригадир бетонщиков Варвара Андреевна Мисягина (вверху справа).

На смену.

Бригадир монтажников В. Н. Побежименко (внизу справа).

«Огонек».

СТАЛИНГРАДСКАЯ ГЭС

Волжская гидроэлектростанция имени XXII съезда КПСС

Фото А. Гостева.

В этом цехе Смоленской чулочно-трикотажной фабрики делают детские носки.
Фото М. САВИНА.

Их было шестеро...

Екатерина Курченкова принимает смену от Михаила Меркушева.

Фото М. Савина.

Галина КУЛИКОВСКАЯ

...Их было шестеро: Курченкова, Сонин, Меркушев, Марченков, Кожевников и Тимофеев. И они с полным основанием могли считать себя победителями. Они и еще двадцать, которых вели за собой. Им удалось! Они смогли раньше других достичь высоты.

Первой из шести была Катя, та самая Катя, про которую говорят: «Ах, Курченкова? Она у нас уже старая...»

А у «старушки» Кати круглое в локонах лицо, и не найти на нем ни одной морщинки. «Старушке» Кате всего двадцать семь лет!

Когда Курченкова пришла сюда, на чулочно-трикотажную фабрику, ей было девятнадцать. Фабрика тогда вступала в первый год своей жизни, а Катя — в первый свой трудовой год. Профтехшкола направила ее на практику прямо к кругло-чулочным автоматам «Свит», только что поступившим из Чехословакии. В них невидимо для глаз, непостижимо для рук, из отдельных нитей, бежавших с бобин, выходил ручей уже готовых, связанных чулок. Восемь минут — чулок, четыре минуты — носок. Чулок — носок, чулок — носок...

И чем пристальнее приглядывалась Катя к своим автоматам, тем лучше узнавала их. В нем работают сразу двести стальных пальцев — двести тоненьких узких иглпластинок. И каждая из них вяжет. И каждая из них имеет два крючка и два клапана, и стоит хотя бы чуть-чуть отогнуться всего лишь одному из четырехсот крохотных крючочков — и на чулке сразу появится след. А если игла сломается — и это бывает,— то уж не миновать дырки. Дырка — значит штопка, значит, не первый, а уже второй сорт.

Работница внимательно просматривает каждый чулок, каждый связанный носок. Чуть что — сразу выключает автомат и вешает чулок на станину.

Белый чулок на машине! Он все равно как белый флаг, кричащий о помощи. И Катя — через год ее назначили помощником мастера,— едва завидев такой флажок, торопилась к нему.

Сначала у Кати было девять автоматов. Затем стало восемнадцать автоматов. Потом дали ей целую зону — тридцать шесть автоматов. И в каждом автомате двести иголок. Семь тысяч двести стальных пальцев оказалось в ее распоряжении! Распоряжалась она ими с самого начала столь разумно и ловко, что именно с нее, с Екатерины Курченковой, на фабрике началась настоящая революция.

Дело в том, что она первой перешла на повышенные скорости. В те дни Смоленск подвергся «нашествию». Со всех сторон хлынули сюда чулочницы. Из Москвы и Ленинграда, из Витебска и Ростова-на-Дону. «Где тут ваша знаменитая фабрика?» — спрашивали они. И смоляне отвечали: «Вон там, у башни Веселухи». Даже из далекого Орджоникидзе приезжала помощник мастера Тамара Курепина. С ней Катя познакомилась в Москве на Донской улице во время экзаменов в текстильный институт, куда Катя поступала на заочное отделение. Смотрели гости на Катины автоматы и дивились. Дивились и перенимали опыт. О Кате писали в газетах и журналах. Может быть, поэтому и говорят про нее: «Ах, это вы о Курченковой? Так она у нас уже старая... Вот загляните к Сонину — это молодой поммастера!» А молодого поммастера от Кати отделяет всего один год жизни.

К Сонину мы, конечно, заглянем.

Но все ли мы узнали о Курченковой? Не про ее личные дела. Не про то, что она вышла замуж, и что ее муж, тоже заочник, защищает в эти дни диплом инженера, и что через год-полтора она сама станет инженером-трикотажником, и не про ее трехлетнюю девчушку, которую почему-то при всей ее белокурости зовут Галкой, и не про то, что молодая семья получила недавно хорошую большую комнату в новом доме... Хотим мы знать про дальнейшие фабричные дела Кати.

После того как фабрика взяла новые скорости и, совершив немало всяких других добрых начинаний, заслужила первой в области и городе высокое звание предприятия коммунистического труда, поднялись чулочники на штурм еще одного рубежа.

Как ни старались вязальщики, а все же нет-нет да и вызывали недовольство своих суровых и неумолимых преемников по технологическому процессу — кеттельщиков. У них-то сразу выявлялся малейший изъян.

Так продолжалось до тех пор, пока однажды сама Ксения Филипповна Пасканова, начальник кеттельного участка — она была особенно придирчива, не прощала ни одного промаха,— не заявила: «Молодцы вязальщики! — и назвала на производственном совещании их фамилии.— У них все меньше и меньше дефектов, а то и совсем не бывает. В такое время мы живем, такого уровня достигли, что человек сам себе проверщик. Надо побольше доверять людям, надо побольше таких бригад!»

А вязальщики эти, герои дня, сидели тут же, смущенные и розовые от похвалы.

О каком же доверии говорила тогда Пасканова, что она имела в виду?

3 февраля проходило памятное всем заседание фабричного комитета. В этот день шести бригадам коммунистического труда вязального цеха было разрешено работать без контроля. И кто мог сомневаться в том, что первой из шести была, конечно, бригада Кати Курченковой? Можно было бы на этом и закончить рассказ о производственных достижениях замечательной смолянки, если бы не одна еще проблема, которую она выдвинула.

Как-то в Катиной бригаде не вышла на работу Валя Галицкая. Она мать, и Катя не удивилась этому. Мало ли что! Мог кто-нибудь заболеть.

Прислали Кате резервную работницу.

Первый день прошел более или менее ровно, а на второй стряслась беда. Новенькая забыла почистить и протереть свои автоматы перед началом работы. И не успела она осмотреться, как пошли чулки с масляными пятнами. На одном автомате, на другом, а масляное пятно — это уже или второй сорт, или, если оно значительное, брак.

Брак в бригаде коммунистического труда, которая имеет свой штамп ОТК! Это же неслыханно! С другой стороны, бригада в происшедшем не виновата. Ведь работала же она не в своем обычном составе. С бригады Курченковой этот брак, конечно, списали. А каким же образом можно вообще оградить бригады, имеющие свое клеймо, от подобных явлений? Ведь они могут встретиться на любом производстве: на текстильной и швейной фабрике, на машиностроительном заводе и металлургическом комбинате.

Катя пошла к мастеру, к начальнику цеха.

— В резервные надо ставить не кого попало, не учениц, а самых квалифицированных работниц! — сказала она.— Если таких нет, то давайте нам новеньких, мы их будем обучать. Нужно подумать и об оплате их труда. Тут на сдельщине не выедешь. Ведь не всегда есть больные.

Курченкову поддержали в комитете комсомола и в парткоме. Правильно поставила она вопрос, есть над чем задуматься!

Вот теперь, досконально познакомившись с Курченковой, можно заглянуть и к Сонину. А ему приходится кое-кого перевоспитывать в своей бригаде. Есть у него такая работница Валя Клушина. Быстра она на руку. Этого у нее не отнимешь.

А больше всего Валя любит поговорить.

Сделал ей Геннадий замечание — нахмурилась, взметнула черные ресницы, но промолчала. На второй раз недовольно пробурчала: «Ладно, сама знаю, не беспокойся». Прислушалась как будто к словам бригадира, но ненадолго хватило ее. А потом просто стала грубить: «Ты мне не указ!» И тогда Геннадий, потеряв всякое терпение, решил ее проучить. И случай вскоре представился.

Сделал он вид, что не обращает

внимания на говорунью, а сам тихонько наблюдает из-за автоматов. Это ему сделать легко: высокий, тонкий. Встанет боком, его и не видно, а сам все видит. Вдруг лукавая улыбка — она все время где-то гнездится у него, то в складочках возле губ, то у глаз — сбежала с лица. Что это она делает? Продергивает нитку?

Ни слова не сказал Сонин Клушиной, пошел к Ульяне Андреевне Осипенковой, начальнику смены, и предупредил: проверьте сегодняшнюю нашу сдачу, пряжа чтото неважная нынче пошла. Ульяна Андреевна стала проверять и, конечно, обратила внимание на Валин десяток чулок. Но тут было дело не в пряже. Тут вина работницы. Но которой? Ведь на всех десятках стоит одно клеймо — клеймо № 4, собственное клеймо бригады Геннадия Сонина.

Не успел прозвенеть звонок на обед, пришла Ульяна Андреевна.

— Чья работа? — сурово спросила Осипенкова, подняв чулки.

Девушки недоуменно, широко раскрытыми глазами смотрели на Ульяну Андреевну. Одна Валя не выдержала ее взгляда.

— Моя,— едва слышно пролепетала она.

— А почему дефектные чулки попали в первый сорт?

— Я же заделала их,— пыталась она оправдаться.

— Ты понимаешь, что ты придумала? — набросилась на нее Ульяна Андреевна.— Ведь ты же в бригаде коммунистического труда. Вдумайся в эти слова: «коммунистического труда»! А ты как поступаешь?

Попало тут, конечно, за снижение требовательности и Сонину.

Только разошлись все, подбежали к Вале девушки.

— Бессовестная ты! Подводишь нас! А еще недавно, когда в театр ходили вместе, сама говорила: давайте дружить, все за одного и один за всех. Разве так поступают комсомольцы?

А Валя стояла, прильнув к окну, смотрела на безмолвную башню Веселуху и ревела в три ручья. В тот день она не повела Сережку, своего трехлетнего сына, к Двум Орлам, любимому их месту прогулок: слишком у нее было плохо на душе. И у всех остальных в бригаде тоже было отвратительное настроение.

Вот какие выпадают тяжелые испытания в жизни даже самых лучших бригад! Не так это просто — быть все время на вершине.

А на подходе к первой шестерке уже новые претенденты на собственное клеймо. Вплотную к ней приблизились Павел Хобатенков и Тамара Клещ. Это тоже вязальщики. Но есть еще кеттельщицы, формировщицы. И кто предскажет, сколько выявится здесь еще бригад, способных оправдать доверие всего коллектива? Этому самому коллективу недавно, в мае, совнархоз разрешил сдавать свою продукцию на базу без контроля. Все, что делает фабрика, прямо из ее рук, из рук работниц, от их автоматов и машин поступает сейчас в руки самого покупателя. Какая это честь, но и ответственность какая!

...По городу Смоленску идет молодежная эстафета, эстафета трудовых дел в честь XXII съезда партии. Маршрут ее начался на небольшой фабрике, которая стоит на берегу Днепра, у подножия старинной башни Веселухи.

Писатели и книги

Жертвы старой ведьмы

С. ДМИТРИЕВ

Это началось довольно давно — в тот самый день, когда сын турецко-подданного Остап-Сулейман-Берта-Мария Бендер произнес перед Шурой Балагановым свой знаменитый монолог: «Можете вы назвать фамилию и точный адрес хотя бы одного советского миллионера? А ведь они есть, они должны быть. Раз в стране бродят какие-то денежные знаки, то должны же быть люди, у которых их много...» В тот день молочные братья решили отправиться в город Черноморск на поиски подпольного миллионера Александра Ивановича Корейко. Чем окончилась охота за миллионом, широко известно. Потерпев полное фиаско, великий комбинатор, прежде чем навсегда сойти со сцены, произнес еще один монолог: «Не надо оваций! Графа Монте-Кристо из меня не вышло. Придется переквалифицироваться в управдомы». Так завершилась история веселого жулика.

Ну, а Корейко, подпольный миллионер Корейко, в чемоданчике которого после визита Остапа осталось еще изрядное число миллионов? Что стало с ним? Ведь непримиримость к тунеядству и забота о сохранении общественного достояния входят в моральный кодекс строителя коммунизма, сформулированный в проекте Программы КПСС. И не случайно в новых книгах советских писателей — романах Арк. Васильева, Евг. Пермяка, Вл. Фоменко — обличение стяжателей занимает не последнее место.

В сатирическом романе Арк. Васильева главный герой — один из потомков Корейко, Юрий Андреевич Христофоров. Это Корейко на современном этапе нашей жизни. Конечно, он во многом отличен от своего литературного предшественника: и условия жизни сейчас не те и возможности для обогащения иные. Но хотя формы обогащения и приходится менять, хищническая сущность Корейко и Христофорова едина.

Вот жизненное кредо Юрия Христофорова: «Надо только не зарываться. Благородно надо, и подо всё лозунги современные подводить: «Расширяем производство для более полного удовлетворения нужд трудящихся!» И будем расширять, и этим самым трудящимся действительно поможем, но и себя не обойдем... Самолеты делать не надо, их советская власть без нас делает. Станки или машины — не наше дело. Даже зажигалки не будем осваивать — пусть советская власть сама осваивает, а вот про камешки она не вспомнит. Камешки наши. И вообще советская власть за всем углядеть не может — дел у нее миллионы, а мы выберем одно-два». Запомним эти слова Юрия Андреевича. В них ключ и к роману Арк. Васильева и к тем жизненным явлениям, которые легли в основу книги.

Очень часто, читая газетные сообщения из зала суда, мы удивленно восклицаем: «Смотри-ка, снова комбинаторы! И откуда только они берутся?» Но, задав вопрос, мы, как правило, ответа на него не ищем: мол, все ясно — собралась кучка жуликов и обстряпала выгодное дельце. Писатель Арк. Васильев решил средствами художественной литературы исследовать сущность такого социального явления, как стяжательство, хищническое отношение к социалистической собственности, показать, на какой почве произрастают эти отбросы нашего общества.

Так родился роман-фельетон «Понедельник — день тяжелый» — произведение своеобразное по форме, интересно написанное. В нем писатель рассказывает о деятельности подпольной фирмы «Тонап» — товарищества на паях, возглавляемого Христофоровым. Перед читателем проходит колоритная галерея жуликов, процветающих на кооперативной ниве небольшого городка Краюхи. Мы присутствуем на заседаниях «Тонапа», знакомимся с его «активом»: Кузьмой Егоровичем Стряпковым, заведующим сектором гончарных изделий горпромсовета, хапугой Коромысловым, заведующим заготконторой, представительным и трусливым директором ресторана Латышевым, всегда пьяным Евлампием Кокиным, заведующим колбасной мастерской, и другими не менее яркими личностями. Их портреты даны хлестко, гротескно. У читателя ни на минуту не возникает сомнения в подлинной сущности этих персонажей. Вспоминается Маяковский, который писал: «У меня такой агитационный уклон... Я люблю сказать до конца, кто сволочь». Арк. Васильев любит поступать так же.

Писатель логикой художественного развития образов убедительно показывает, как «Тонап» взрывает сам себя изнутри, как противоречия между всеми этими большими и маленькими хищниками приводят к краху подпольной фирмы. Но писатель погрешил бы против жизни, если бы объяснил крушение фирмы «Христофоров и К°» лишь внутренними причинами, так сказать, самопоеданием компаньонов.

В романе Арк. Васильева — и это выгодно отличает его от иных мнимосатирических произведений,— кроме «малого мира», в котором живут и действуют члены «Тонапа», присутствует большой мир нашей жизни. Этот мир властно вторгается во все начинания «Тонапа». Именно люди из большого мира выводят на чистую воду дельцов из «Тонапа».

В романе-фельетоне «Понедельник — день тяжелый» взят на исследование, так сказать, случай из уголовной хроники. Но частнособственнические инстинкты не всегда проявляются в уголовно наказуемых формах.

В романе Евгения Пермяка «Старая ведьма» рассказывается о том, как знатный уральский сталевар Василий Киреев заболел страстью накопительства. Все началось с малого — со строительства собственного дома. Ну, казалось бы, что дурного: человек построил себе дом. Но когда дом, приусадебный участок становятся для человека всепоглощающей страстью, чуть ли не целью жизни, а затем превращаются и в побочный источник дохода, то это может привести к тяжелым последствиям.

Шаг за шагом с аккуратностью исследователя Евг. Пермяк показывает все стадии тяжелого заболевания, через которые проходит Василий Киреев. Немалую роль здесь сыграла теща Василия, Серафима Григорьевна, которая медленно, исподволь развращала душу зятя тем эфемерным благополучием, которое пришло в дом будто бы от ее хлопот по дому, по участку. Она постепенно приучала сталевара к мысли, что весь достаток в доме не плод его замечательных рабочих рук, а результат урожаев, снимаемых с плантаций на участке. И не заметил Василий, как превратился в этакого кулачка.

И сразу приобретает огромный философский смысл сказочка, рассказанная с потаенным умыслом старым рабочим Прохором Кузьмичом Копейкиным,— сказочка о старой ведьме — частной собственности, которая в стародавние еще времена, чтобы расколоть людей, подбросила им слово «мое».

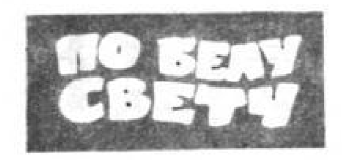
Неизвестно, нашел бы в себе Василий достаточно внутренних сил, чтобы вырваться из цепких лап стяжательства, если бы не друзья по заводу, по фронту, открывшие сталевару глаза на глубину пропасти, в которой он оказался, и протянувшие руку товарищеской помощи. Иначе и не могло быть в стране, где человек человеку — друг, товарищ и брат!

Какое уродливое и смешное проявление могут иметь частнособственнические инстинкты, хорошо показывает в одном из эпизодов своего романа «Память земли» Владимир Фоменко.

Специальная комиссия производит опись подворья колхозников, переселяемых из зоны будущего Цимлянского моря. К сожалению, находятся среди колхозников такие, кто хочет побольше урвать с государства. В их числе оказывается и семья Ванцецких, которая перетащила к себе с усадьбы родичей уборную и плетень. Написанная с народным, сочным юмором, сцена разоблачения Ванцецких одновременно показывает, как хищническое, рваческое отношение к государству глубоко чуждо народу.

Христофоров и К° потерпели поражение, потому что такова закономерность нашей жизни.

Василий Киреев смог возродиться к созидательной деятельности, потому что принцип «наше» оказался сильнее, чем подкинутое старой ведьмой словечко «мое».

ЛЮДИ И ЖИВОТНЫЕ

Во время городских выборов в английском городе Сутсенд-Ист (графство Эссекс) избирательная комиссия обнаружила, что два бюллетеня были поданы от имени Порки и Тайм. После расследования было установлено, что некий мистер Маист заполнил избирательные учетные карточки на имя... двух своих кошек.

По сообщению «Дейли телеграф», хозяин не участвовал в голосовании, так как, завещав все свое состояние кошкам, он полагал, что они автоматически получили право голоса на муниципальных выборах, ибо рано или поздно станут владельцами его имущества и будут уплачивать налоги.

• • •

Любопытный случай произошел в лондонском порту. Докеры бастовали в связи с ростом цен на продукты питания и коммунальные услуги, требуя повышения заработной платы. Судовладельцы ответили локаутом. В это время в порт прибыло судно, доставившее до полумиллиона устриц. Задержка с выгрузкой грозила гибелью живого товара. Английское общество защиты животных всполошилось и потребовало, чтобы профсоюзные деятели повлияли на докеров: следует немедленно прекратить забастовку ради спасения устриц!

Докеры отказались, настаивая на удовлетворении их справедливых требований. Члены общества защиты животных были возмущены таким ответом и обвинили докеров в «нехристианском отношении к беззащитным животным». Судовладельцы вынуждены были пойти на уступки докерам ради спасения груза. На следующий день лондонские гурманы с аппетитом пожирали «спасенных» устриц.

• • •

Случилось это в ночь под Новый год в небольшом английском городке Брайтоне. Воспользовавшись тем, что хозяева пировали, свинья вырвалась из хлева и забралась в винный погребок. Подвыпившему животному захотелось прогуляться по городу. Свинья свалилась в колодец и утонула.

Трагикомическая эта история стала достоянием бульварной прессы и радио. Дошла она и до города Сан Антонио в Техасе. Молодые бездельники из богатых семей были тронуты и проявили к покойной поистине родственные чувства. Они заказали надгробный памятник и послали его в город Брайтон, где вскоре состоялись торжественные похороны прославившейся свиньи.

На фотографии вы видите траурное шествие в Брайтоне — посмертные почести упившемуся животному.

РЕСПУБЛИКА ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

Жан ВИЛЛЕН,

французский журналист

Золото из человеческой крови

И все же, друзья, ад существует: я был в преисподней и видел его. Он расположен в районе Реефа, в Витватерсранде. Да, ад существует, и центр его находится на глубине нескольких тысяч футов под асфальтом Йоханнесбурга, как раз под ослепительно белыми небоскребами, в которых электронные машины подсчитывают изо дня в день самые высокие в мире дивиденды. В его недра ведет свыше сотни глубоких темных шахт. Запутанный лабиринт его ходов, лестниц и галерей, его извилистых квершлагов и забоев протянулся, наверное, на тысячи миль. В своих глубинах он скрывает свыше полумиллиона рабов. Девять десятых из них — африканцы.

Этот ад устроен согласно всем требованиям современной техники. В нем нет ни смолы, ни серы. Он празднично освещен электричеством, по его побеленным туннелям круглые сутки бегут тяжело груженные поезда, там сопят насосы, вздыхают вентиляторы, пронзительно трещат звонки, нервно мигают сигнальные огни, шумят в вечном беге транспортеры, встречаются стрелочники и, как полагается в преисподней двадцатого столетия, даже полицейские.

Но, несмотря на насосы, с потолков беспрерывно хлещет горячий тропический ливень. И, несмотря на вентиляторы, на той глубине, где пролегают золотоносные жилы, термометры показывают пятьдесят, шестьдесят и больше градусов.

И я не видел там, внизу, ни одного надсмотрщика-европейца, за которым все время не следовал бы неотступно африканский бой. Бой несет тяжелую шахтерскую лампу своего хозяина и каждые полчаса меняет на нем совершенно мокрую от пота рубаху. Белый босс часто бывает не в силах даже открыть термос с кофе и, весь дрожа от слабости, забывает о своей принадлежности к расе господ, разрешая в нарушение строжайших предписаний и закона «туземцам» брать взрывчатку, закладывать запальный шнур и включать зажигание у батареи.

Те, кого сопровождают бои, получают за смену солидную сумму — от трех до четырех фунтов. А тем, за которыми надзирают и которые орудуют пневматическими молотками, грузят руду, удаляют пустую породу, крепят своды, прокладывают рельсовые пути, тем в конце рабочего дня ставят в расчетных книжках только печать, дающую право получить два шиллинга и девять пенсов. Иными словами, чтобы заработать то же, что их босс получает за 11—14 дней, им надо трудиться целый год.

Что же делают африканцы за два шиллинга и девять пенсов в день? Каждые двадцать четыре часа они выдирают из недр земли — своей земли! — гору весом в двести миллионов килограммов.

Они не знают там, внизу, что такое день и что такое ночь. Нет ни одного забоя, в котором работа могла бы быть приостановлена хоть на пять минут. Здесь время — золото! Смена, которая после короткого тяжелого сна возвращается сюда, принимает инструмент еще теплым из рук предыдущей смены. Только два раза в году, в сочельник и страстную пятницу, умолкает на несколько часов стаккато компрессоров, оглушительный барабанный грохот взрывов, нестерпимый визг рудооткатных тележек и тяжелое, прерывистое дыхание полумиллиона людей, осужденных на проклятый рабский труд в этой преисподней из преисподних.

Длинен путь руды до того, как она превратится в слиток золота. Но еще длиннее и труднее путь африканцев из крааля в штольни и обратно. Семья и род, отказывая себе во всем, в течение многих недель откармливают кандидата в шахтеры перед его отъездом на работу. Делается это потому, что сотни разбросанных по всей Южной Африке вербовочных контор «Корпорации по вербовке туземцев» и «Витватерсрандской ассоциации туземного труда», занимающихся оптовой торговлей человеческим мясом, очень привередливы. Они принимают только сильных, хорошо упитанных людей. Ведь они получат свои жирные премии от йоханнесбургских горнорудных трестов лишь за вполне безукоризненный «материал».

Так будущие рабы дают первые прибыли еще до того, как попадают в шахты.

Два шиллинга и девять пенсов в день. Этих денег едва хватает на пачку сигарет, но они последняя надежда для тех несчастных, на которых в их перенаселенных краалях глядит сквозь щели плетенных из хвороста шалашей сверкающими глазами голод и который обещал в следующем месяце навестить вместе со своими солдатами сборщик налогов.

Рабочих, завербованных в саваннах Центральной Африки, сперва перебрасывают на древнейших «дакотах» во Франсистаун в Бечуаналенде, золотоносную же руду мчат навстречу дневному свету в сверхскоростных подъемниках. После промывки руда проходит первый строгий контроль, и ее тяжелые, черные глыбы отделяются от легких, белых. При этом, в отличие от истории с белыми и черными людьми, белые куски попадают в немилость и, отделенные проворными руками, сбрасываются сквозь люки вниз, между тем как черным предстоит спокойно продолжать свой путь.

Такой же путь проходят и доставленные во Франсистаун африканцы. В вагонах для перевозки скота их доставляют в Йоханнесбург, где человеческому товару, как и руде, предстоит тщательный осмотр. Их измеряют, взвешивают, просвечивают рентгеновскими лучами.

Просвечивают тут не только самих людей, но и их прошлое, сверяя удостоверения личности прибывших с огромным черным списком, в который занесены все «агитаторы и смутьяны» в Африке, между экватором и тридцатым градусом южной широты.

Находящаяся на поверхности часть шахтного хозяйства состоит из двух рудоподъемных башен, обогатительного и плавильного цехов, нескольких складов и мастерских, бледно-желтых терриконов, едкую пыль с которых суховей разносит далеко по окрестностям, и многих так называемых компаундов — бараков, где в немыслимой скученности проводят время между двумя сменами от восьми до двенадцати тысяч африканских рабочих.

И еще на территории шахты расположен хорошо укрытый за деревьями, изолированный квартал. Там живет светлокожий технический персонал и дирекция предприятия. За этими деревьями белые женщины играют в теннис или купаются в бассейне. Там журчат фонтаны, есть бары, клубы, кино и каждый вечер останавливаются автобусы для желающих съездить в город.

А в компаундах нет ни баров, ни фонтанов, и никогда возле них не останавливаются автобусы. Но зато там достаточно колючей проволоки. Там есть высокие ворота и мачта, с вершины которой прожекторы заливают ослепительно ярким светом каждый барак, каждую травинку, каждую пядь земли.

Прибывшие из саванн Центральной Африки люди, став в очередь к угрюмому кладовщику, сообщат ему свои ставшие теперь излишними имена и получат взамен служебные номера и шахтерские лампы. Затем им выдадут сапоги. При

После смены.

этом большинству придется впервые в жизни выслушать пояснения, для какой цели предназначены эти вещи и как натянуть их на себя, потому что в краале такая обувь неизвестна. Потом негры будут разбиты на мелкие группы, составленные по племенному признаку, и в течение каких-нибудь тридцати минут их познакомят с тем, как следует обращаться с инструментом, и без всяких проволочек погонят в шахты, иначе говоря, на бойню.

Так добывают золото.

Выражение это уместно, ибо необученные и беззащитные темнокожие рабочие ежедневно оказываются жертвами несчастных случаев. Многие из них никогда больше не увидят родных мест: сраженные насмерть несчастным случаем или профессиональными болезнями горняков, они завершат здесь свой жизненный путь. Другие заплатят за вступление в подземный храм золотого тельца рукой, раздробленной обвалом, ногой, попавшей под вагонетку, или другими тяжелыми повреждениями, на всю жизнь превращающими их в калек.

Обычная картина: черный работает, белый надзирает.

Семьдесят человек из каждой тысячи должны будут из-за полнейшего физического истощения на работе отправиться в больницу, и едва ли половина из них сможет вернуться в шахту. Остальных ждет принудительная отправка на родину до окончания срока контракта. Это ожидает и тех, кто заболел здесь острой формой туберкулеза или силикоза.

Пятьдесят человек из той же тысячи попытаются бежать из этой дьявольской подземной костедробилки. Но такие попытки почти всегда обречены на неудачу, потому что администрация шахты выдает на руки наличные деньги лишь по окончании срока контракта, и поэтому бежавший, оказавшись в чужой стране совершенно без средств, быстро становится жертвой голода или охотящихся за ним полицейских. Тому же, кого поймают — а это случается почти со всеми бежавшими,— предстоят, как нарушителю контракта, публичная порка, затем несколько недель тюрьмы и в довершение фантастическое число штрафных смен для покрытия издержек по погоне за ним и обратному приводу.

Их дневного заработка едва хватает на пачку сигарет.

Не слишком много известно войн, которые потребовали бы от участвующих в них солдат бóльших жертв и страданий, чем будни йоханнесбургских золотопромышленных предприятий!

Готовые слитки золота по размерам не больше обыкновенной буханки хлеба. По цвету они похожи на прогорклое сливочное масло. В каждом из них восемьдесят килограммов, то есть вес здорового, рослого человека. Горняки-африканцы весят, конечно, значительно меньше, ибо их плотью и кровью оплачено рождение драгоценного металла.

Но что же произойдет теперь с золотом? Станет ли оно насыщать голодных, согревать мерзнущих, утешать обездоленных? Нет, ни голодным, ни мерзнущим, ни бездомным, ни осиротевшим не суждено его когда-либо увидеть, точно так же, как никогда оно не появится у тех, кто за два шиллинга и девять пенсов извлек его из недр.

Свое древнейшее обиталище в каменных породах Реефа оно покинуло лишь затем, чтобы в кратчайший срок скрыться в бетонированных склепах Форта Нокс в Соединенных Штатах Америки или в бронированных подвалах Английского банка в Лондоне. Во имя этого пятьсот тысяч обреченных Витватерсранда отправляются в самую глубокую и самую страшную преисподнюю...

В Витватерсранде и в соседней Оранжевой Республике насчитывается пятьдесят восемь действующих шахт по добыче золота. Они дают больше половины золота, добываемого в западном мире. В конечном счете владеют ими шесть гигантских сверхтрестов, которые, в свою очередь, находятся под контролем крупнейших финансовых компаний.

Самым мощным из этих сверхтрестов является «Англо-Америкен корпорейшн оф Сауз Африка». Он эксплуатирует тринадцать самых рентабельных золоторудных шахт в Южно-Африканской Республике, имеет решающую долю во многих других предприятиях. Кроме того, он через своего главного шефа, Оппенгеймера, находится в личной унии с синдикатом «Де Беерс», монополизировавшим на девяносто пять процентов добычу алмазов на Западе и на сто процентов — торговлю ими. В подчинении у Оппенгеймера и «Англо-Америкен корпорейшн» находятся все южноафриканские угольные копи, многие предприятия по добыче меди, металлургические и кабельные заводы, электростанции. Оппенгеймеру принадлежит пятьдесят процентов акций «Африканского акционерного общества взрывчатых материалов и химии», и он может похвастать, что является одним из наиболее важных, если не самым важным, поставщиков урана для Америки.

Однако за спиной «Англо-Америкен корпорейшн» стоит проникшая бесчисленными щупальцами во всю южноафриканскую экономику всемогущая и вездесущая «Британская — южно-африканская компания».

Каждый шахтер-африканец приносит ежегодно заправилам этих компаний прибыль, которая по меньшей мере в четыре-пять раз превосходит выплачиваемую ему заработную плату. Где еще на земном шаре, кроме Африки, происходит такое?

Таинс

А. Н. САБУРОВ,
генерал-майор, Герой Советского Союза

Приглашение к Репкину

Мы отыскали на Житомирщине, в Словечанском районе, хутор Селезовку и там разместились всем штабом. Здесь наше соединение стало именоваться Житомирским. Согласно приказу из Москвы, отныне моя фамилия звучала несколько иначе — не Сабуров, а Сабанин.

Сюда, втайне от окружающих, приходили секретари подпольных райкомов партии и все те, с кем была необходимость поговорить с глазу на глаз. Отсюда нам видно и слышно было на сотни километров, но добраться к нам даже партизану не каждому удавалось.

...Богатырь и я беседовали с Линем, секретарем подпольного Лельчицкого райкома партии. Он рассказывал о том, с каким энтузиазмом встретили коммунисты создание райкома и организацию партизанского отряда.

— А полицейских и старост как корова языком слизала, разбежались гады,— смеялся Линь.

Вскоре после его ухода к нам в комнату вбежал возмущенный Костя Петрушенко.

— Вот орел! И откуда он узнал, что мы здесь? Понимаете, посыльный от Чембалыка.

— Где он?

— В Руднице под арестом,— зло проговорил Костя.— Просидел сутки и только сегодня сказал, что у него письмо от Чембалыка и он должен вручить его лично вам. Через час будет здесь. Я приказал коменданту Колыбаеву завязать ему глаза и доставить сюда.

Наконец арестованного привезли.

В комнате появляется невысокого роста человек с небольшой окладистой рыжеватой бородкой. Рядом с ним стоит Колыбаев.

— Почему так поздно приехали? — обращается к нему Петрушенко.

— Так ведь тридцать с лишним километров, товарищ майор,— выпалил комендант.

Вот это конспираторы! Чтобы запутать задержанного, они больше трех часов возили его по лесу с завязанными глазами.

У посланца Чембалыка простое, приветливое лицо, живые, с хитринкой глаза. Он нерешительно смотрит на Костю, на меня, на Богатыря...

— Я от Богдановича,— наконец говорит он. Потом решительно шагает мне навстречу, ставит ногу на табуретку и с треском отрывает подметку от старого, покоробленного ботинка. Осторожно извлекает узкий конверт и протягивает мне со словами: — Я Антон, хозяин хаты, где Богданович живет, письмо вам привез.

— Скажите, пожалуйста, куда спрятал! — оторопело говорит Колыбаев.

— Давно на связи у Чембалыка работаешь? — спрашиваю Антона.

— Да нет, впервой.

Я приказал Колыбаеву забрать Антона к себе, накормить и дать ему возможность выспаться до утра.

Передаю письмо Петрушенко. Он быстро разрывает конверт и начинает читать письмо с каким-то особым выговором. У него это так ловко получалось, будто читает сам Чембалык.

«По вашему приказу хотим закончить начатое дело. Заказал, чтобы мне з Мозыра довезли оружие. Встречание с Репкиным не можна сделать потому, что командир не хочет пускать его в Буйновичи. Я ему описал наше встречание, наши разговоры...»

Последние слова даже вывели меня из равновесия. Откуда взялся Репкин? Ведь при нашей встрече Чембалык говорил, что Репкина не знает... Зачем Чембалыку нужно было скрывать от нас свою связь с Репкиным?

Окончание. См. «Огонек» №№ 38—40.

...твенная записка

Фото В. ВЫСОЦКОГО и В. ФРОЛЕНКО.

Костя молчит, снова перечитывает письмо. На лице его удивление.

— Вот бродяга... Слушайте.

«Давайте договоримся, когда можно встретиться с Репкиным — в Ельске, на хуторе Коммуна, или около Ельска. Дайте приказ, в которой деревне, в котором дому и в какой час...»

— На простаков рассчитывает,— задумчиво резюмирует Костя.

— Читай дальше,— сказал я Косте.

— «Посылаем медикаменты для вас. Для радиоприемника элементы не получили. Через четыре дня придут, тогда мы пришлем до вас анод».

— Подожди, а где же медикаменты?

Костя засмеялся.

— Это он для вас лично послал маленькую аптечку. Она у Колыбаева. Я приказал передать в санчасть для проверки.— И тут же зло продолжал: — Думаете, он не понял, что у него просили лекарства и перевязочные материалы для всего соединения, а он...

— Понятно, читай дальше.

— «Получил я справку, что германская жандармерия мае приехать до Буйновичей. Шпики Жагло и Хома и староста со Жмурного прибыли в Буйновичи.

И затем приветствую вас, всем жму я крепко руки. До свидания. Богданович».

— Кого, думаешь, вынюхивают шпики в Буйновичах? — обратился я к Косте.— Подкрадываются к нашим связям с Чембаликом?

Оказывается, Костя еще раньше зацепился за Хому и Жагло.

— Я дал указание своим ребятам проследить за ними,— ответил Петрушенко.— Скоро выяснится. Думаю, это вербовщики, готовятся к операции против нас.

Действительно, враг уже несколько дней подтягивал силы в Мозырь, расставил усиленные гарнизоны по железнодорожным станциям на участке Овруч — Мозырь; его войсковая разведка изучает дороги в лесных массивах.

— Наши одновременные удары по железнодорожным станциям и райцентрам, надеюсь, спутают их карты,— сказал я Косте.— Встреча с Репкиным у нас состоится как раз накануне больших событий. Может быть, нам удастся вовлечь словаков в общую борьбу. Понимаешь, Костя, если мы сейчас не переступим через порог, может случиться, что переступят другие.

Костя заговорил горячо.

— Мы не можем идти на поводу случайных встреч. Надо все взвесить, прежде чем окончательно решить вопрос о Чембалыке. Надо выяснить, что представляют собою Репкин и Чембалык. Что их связывает? Ориентацию Чембалыка мы знаем. По письму видно, что отношения с Репкиным у него хорошие. Кем может оказаться этот Репкин?.. Вы посмотрите.— Костя берет со стола письмо.— Чембалык пишет, что командир не пускает Репкина в Буйновичи. Но мы знаем, в Ельске стоит штаб полка, и по письму видно, что Репкин находится в Ельске. Но какой командир его не пускает: командир полка, батальона, роты? Взводный? Если бы мы знали, какой командир, можно было бы определить положение Репкина. Кто он — сержант, солдат, офицер? Одно ясно: Репкин в таком положении, что не в силах обосновать свой выезд в соседний гарнизон полка. Казалось бы, офицеру не трудно найти для себя дело в Буйновичах, а для Репкина это, видите ли, почти непреодолимая преграда.

Костя помолчал и неожиданно спросил:

— Не подставляет ли Чембалык нам Репкина как приманку для выполнения замыслов кого-нибудь третьего?

Находим, где не ищем.

В этот день в Селезовке состоялся большой командирский сбор. Все отряды вернулись с заданий, только отряд Селивоненко действовал на Киевщине. Сбор был посвящен анализу всех проведенных отрядами операций и затянулся почти до утра.

Не знаю, долго ли я спал, но проснулся от громкого разговора за окном и тут же увидел в дверях Костю с каким-то партизаном. Костя был в приподнятом настроении. Партизана я не узнал.

— Да это же Рудольф! — воскликнул Костя.

Я не видел Рудольфа с тех пор, как он повез в Ельск Галю с ее «бабушкой» и «матерью». Его было не мудрено не узнать: в простых, грубых валенках, в потрепанном полушубке с каким-то буроватым воротником, в серой ушанке. Из этой необычной для него одежды выглядывало осунувшееся, обросшее лицо.

— Ты сильно изменился, Рудольф,— говорю ему.

— Три раза был в плену, товарищ командир,— весело объясняет Рудольф.

— В каком плену? И чего ж тут радоваться?

Рудольф улыбнулся:

— У домашних партизан, товарищ командир. Они мне кажут: я оккупант — и допрос снимают.. Потом дали такой одяг, чтобы всем было ясно, не оккупант я, а домашний партизан.

— Что еще за домашние партизаны?

— Ну, как это сказать... Они с оружием, на всех дорогах стоят, в деревню зайти не можно. Домики свои охраняют...

Теперь понятно: его задержали отряды самообороны, организованные Ельским райкомом партии.

— Раздевайся. Докладывай, какие новости принес! — приказывает Костя.

— Хорошо! Очень хорошо! — Улыбка не сходит у него с губ. Сняв полушубок, он хотел повесить его рядом с нашими пальто, но, подумав, небрежно бросил прямо в угол, на пол.— Тетушек устроил хорошо, связал их с капитаном Налепкой. Завтра ночью вам можно с ним иметь встречу. Да! Чуть не забыл. Бабушка просила одно слово передать: «Узнала».

Это было приятно: сознавать, что знакомый «секретаря райкома» и капитан Налепка — одно и то же лицо. Но что за странные вещи сообщает Рудольф? Какая встреча с Налепкой?

— Ты, Рудольф, говори да не заговаривайся,— мрачно говорит Костя.— Кто тебе поручал договариваться с Налепкой?

Рудольф смутился.

— Так получилось... Выезжаем из леса под Ельском, а тут перед нами, как с неба свалился, сам капитан Налепка. Он обогнал на машине нашу подводу и остановился. Бежать некуда: кругом поле. Пытает меня Налепка, кто я? Я вынимаю документ, что я есть солдат Чембалыка, еду с Буйновичей. Он посмотрел на документ, на меня, протер очки, еще раз посмотрел на документ и говорит: «О Рудольф! Знаю... Ты же к партизанам ушел?» Ну, думаю, пропал. Говорю ему: «Раздумал, пан капитан. Вон тетушек встретил, они от партизан удирают, посоветовался с ними и вернулся...» Налепка говорит: «Пошли погуляем». Идем к лесу, а он ласково расспрашивает меня: видел ли я партизан, почему вернулся, кто у меня дома, скучаю ли я о родных? Так мы и подошли к лесу.

Тут я перепугался: неужели, думаю, стрелять будет? А он кажет мне строго: «Иди к партизанам, напрасно хорошее решение меняешь на каземат. В тюрьму посадят, расстреляют тебя, Рудольф, как брату говорю...» «Хорошо,— отвечаю я,— уйду, только помогите тетушек с ребятами устроить, они от партизан уехали»... Он усмехнулся, и мы пошли обратно, туда, где осталась наша подвода. Там сидели тетушки, деточки и Галя. Он сразу узнал Галю и с ней ласково поздоровался. Ну, думаю, что будет, то и будет — печеные голуби никому в рот не падают.

«У меня к вам особый разговор есть, пан капитан»,— говорю Налепке. Подходим к его машине. Налепка осмотрел меня, как коня при купле, и кажет: «Рудольф, только правду: ты партизан видел?» «Як правду, то правду»,— отвечаю. Тут я сразу все придумал и кажу: «Встретил одного партизана, он из Москвы, парашютист, вас ищет, важный пакет имеет передать».

Он сказал: «Вижу, Рудольф, ты настоящий словак. Найди этого партизана и приведи его в деревню Ромезы, к учителю Стодольскому». «Хорошо,— говорю,— только вы, пан капитан, не обманите меня». Он рассказал мне, как найти Стодольского. Нашел я этого учителя, пожил у него несколько дней. Присмотрелся к тому человеку, вижу: ничего, подходящий. Я с ним тоже про партизанского парашютиста говорил. Стодольский от радости чуть не скачет, даже про свою конспирацию забыл. А потом меня спрашивает: «А не мог бы ты, братец, мне того парашютиста показать? Дело большое сделал бы». Я сижу и думаю: где мне взять того парашютиста, раз он так нужен? А потом решил и отвечаю: «Парашютиста найти сейчас дело возможное, но нелегкое, он в лесу, как иголка в стоге сена, но я буду искать обязательно... Но на это времени много уйдет. А целую дивизию партизанскую найти легче будет, а там этих парашютистов не один, а целые тысячи...»

Мы слушали Рудольфа и не знали, хвалить его или ругать. Очень уж все как-то просто и наивно звучало в его устах.

Рудольф закончил так:

Словацкий партизанский отряд на марше. →

— Я целые переговоры с Налепкой через учителя завел и вот договорился, чтобы вы завтра в двадцать три ноль-ноль по московскому часу были в Ромезах у Стодольского. Он вам устроит встречу с Налепкой.

— Не кажется ли вам, Александр Николаевич,— спрашивает Костя,— что все это похоже на станцию Аврамовскую?

— В таком случае мы заставим Налепку отвечать перед гестапо за связи с партизанами.

— Не так просто,— возражает Костя.— Налепка действует без опаски и ни перед чем не останавливается. Кажется, он твердо уверен, что не будет отвечать перед гестапо. Если его накроют, он заявит, что действительно хотел поймать парашютиста из Москвы с ценным пакетом.

— То не будет напрасным ваш визит к Стодольскому,— вставляет Рудольф.— Если Налепка — нехороший человек, вам Стодольский даст связь до самого Репкина.

— Откуда ты знаешь?

— Я спытал его про Репкина. Он молчал, но мне было понятно: он знает, где находится Репкин. Там вам видно будет! Одно знаю: чи вы встретитесь с Налепкой, чи с Репкиным, то все будет большое дело для нашего словацкого войска.

Не один час просидели мы, разбираясь в задаче, которую задал нам Рудольф. Решили, что встреча с Налепкой должна состояться в назначенный срок. И тщательно разработали меры на случай провокации.

Свидание при керосиновой лампе

Днем в деревню Ромезы отправился под видом полицаев конный взвод Лаборева. Костя посылал туда разведку, ребята договорились с одной дивчиной, что она встретит вечером нескольких людей и проводит их к дому Стодольского. Установили пароль.

Петрушенко, Рева и я отправились в Ромезы уже в сумерках, ехали на «Татре». В пути произошла неприятность: испортился мотор, и мы остановились. Хорошо еще, что случилось это невдалеке от Ромезов. Но, хотя партизаны вообще-то народ не очень суеверный, мы продолжали путь пешком со смутным чувством тревоги.

Наконец-то деревня. Светло от луны и снега. Внимательно прислушиваемся к звукам. В них нет ничего тревожного. Долетают шипение пилы, глухие удары топора. На улицах довольно оживленное движение.

На нас обратили внимание. Люди к нам приглядываются, замедляют шаги...

Где же Лаборев?

Выходим к центру деревни. Отыскиваем указанный поворот. Видим: хорошо одетая девушка с улицы подсматривает в занавешенное окно низенького домика. Заметив нас, она сразу подается на узкую дорожку, идущую под горку, на ту самую дорожку, которая нужна и нам.

Мы ускоряем шаги, но вдруг девушка забегает во двор второго дома от окраины. За плетнем стоит телега со снопами. По нашим данным, это и должен быть дом Стодольского.

Не успеваем переброситься между собой даже двумя словами, как девушка выбегает со двора.

— Три,— роняет она.

— Четыре,— отвечает Костя.

— Ой, слава богу, семь.— Девушка облегченно вздыхает: пароль сошелся. И, не здороваясь, ничего не спрашивая, взволнованно говорит: — Я уже больше часу вас ожидаю. Стодольского нет. Он мне поручил вас вести.

— Куда? — спрашивает Костя.

— Тут в один дом.

Она закрывает за собой калитку.

— Подождите,— говорит Костя,— партизаны здесь были?

— Ой, тут днем полиция была! Она и сейчас, должно быть, здесь. И столько незнакомых людей появилось в деревне! И у нас те полицаи были, весь день за нашим домом следили. Стодольский ушел в лес.

По всему видно, девушке первый раз поручили такое серьезное дело.

— Надо узнать, где сейчас эта полиция,— обращаюсь к Степану Лесину.

Он подходит ко мне и шепчет:

— Это наш Лаборев на них страху нагнал.— И тут же спросил девушку: — Долго у вас сидели полицейские?

— Часа два.

— Что курили — самосад?

— Да, самосад.

— Ну вот, я же говорил,— торжествует Степан, наш доморощенный следопыт.

— Полиция нас не тронет,— успокаиваю девушку.— Ведите.

Пройдя несколько домов, сворачиваем во двор и по огороду выходим на небольшое вспаханное поле. За полем начинается другая улица.

— Пришли.

В голосе девушки слышится облегчение. Она так вся и подалась в сторону домика, стоявшего чуть на отшибе у дороги. Но тут же остановилась как вкопанная. Подходим к ней.

— В чем дело?

— На окне не горит лампа с красным абажуром.

— Ну и что?

— Стодольский сказал: если будет на окне гореть лампа с красным абажуром, то смело заходите. А если нет...— Девушка растерянно умолкла.

Соблюдая осторожность, подходим к домику. Видим в окне слабый свет, источник которого где-то там, в глубине комнаты.

Заглядываю в окно, вижу: на полу у дивана горит лампа с красным абажуром. Возле лежит раскрытая книга.

Девушка шепчет:

— Наверно, она ушла ко мне. Мы разминулись... Сейчас проверю.

Она исчезает, и через минуту на крыльце вместе с нашей проводницей появляется еще какая-то девушка.

— Ну, где они? Зови быстро!

До чего же знакомый голос... Присматриваемся. Вторая девушка без пальто. На плечи наброшена белая шаль. В руке фонарь.

Это же Галя! На сердце сразу отлегло. Она, как добрый дух, всегда появляется в трудный момент.

Зачем же она здесь? Не иначе, Налепка выслал ее впереди себя, как мы выслали взвод Лаборева.

Без лишних слов Галя приглашает нас в дом.

— Он скоро должен прийти,— спешит она предупредить волнующий нас вопрос.— Все будет хорошо.

— Кто он? — уточняю я.

— Как кто? Налепка! — И ошеломляет новостью: — Тут Чембалык крутится.

Чембалык в Ромезах?! Он же должен быть в Буйновичах.

Нам известен был гульливый нрав подпоручика: он частенько катался по деревням, бражничал с теми, кто соглашался составить ему компанию. Но случайно ли оказался Чембалык в этот день и час там, где назначено свидание с капитаном Налепкой?

Галя наклоняется, поднимает с пола книгу:

— Коротала время, вас ждала...

— Ждала, а красный абажур на окно не выставила,— перебивает ее Костя.

— Да я недавно его убрала. Надо отказаться от таких штук,— отвечает Галя.— Этот красный абажур на окне и привлек сюда Чембалыка. Он такой распущенный, настоящий донжуан. Зашел, увидел, что я одна, и говорит: «Кого вы ждете? Знаю, это вы кому-то сигнал подаете». Ну, я сказала, что не надо путать интимные дела с политикой. А он: «Вот я и зашел на интимный огонек. Вижу, не ошибся. Давай же поговорим без политики». Еле отвязалась...

Вдруг с улицы доносятся чьи-то возгласы. Кто-то упорно повторяет: «Яно, Яно...»

Мы насторожились.

— Это Чембалык! — всполошилась Галя.

Она быстро одевается и идет к выходу. Следом за нею вышли Петрушенко и Рева.

Наступила тишина. Я остался один.

Через несколько минут после их ухода совсем близко послышалась песня. Кто-то пел на словацком языке. Неужели Чембалык забредет сюда?

Вдруг легкий скрип снега под ногами. На дорожке появляется человек и быстро идет к дому.

Когда он поднимался на ступеньки крыльца, я успел заметить только офицерскую фуражку. Чембалык?

Я выскочил через другую дверь на скотный двор. И тут же натолкнулся на человека. Из копны сена сразу же вылезли еще несколько человек с автоматами... Засада?! Но в это время раздается спокойный голос Лаборева:

— Все в порядке, товарищ командир.

Шепотом спрашиваю:

— Где ты пропадал?

Лаборев наскоро объясняет, что к Ромезам подходили фашистские танки, партизаны были вынуждены укрыться в лесу. Когда танки ушли, Лаборев вместе с Рудольфом начали действовать под видом полиции. Стодольского не застали... Видимо, куда-то спрятался. Но зато у него дома нашли Галю. В конце концов они засели здесь и ждали нас. В общем, все в порядке.

— Это кто пришел? Чембалык? — обрываю излишний сейчас разговор.

— То он недавно горлопанил,— послышался сверху голос Рудольфа, выбравшего себе «наблюдательный пункт» на высокой копне.

За домом, там, где тропинка, снова послышались шаги.

Смотрю в окно. В освещенном кругу около дивана стоит офицер в длинном кожаном пальто. Но это не Чембалык! Резкие черты лица, небольшая заостренная бородка, надвинутый на глаза козырек фуражки, большие очки в темной оправе. `Офицер медленно снимает пальто. Он небольшого роста. Подтянутый. Поправил густые вьющиеся черные волосы и подошел к печке. Потом взял что-то с пола, бросил в огонь.

Это, очевидно, Налепка.

В комнату входит Костя в своей длинной шубе, но уже без оружия. Он сейчас больше похож на купца, чем на партизана. За ним появляются Рева и Галя...

Вошел и я. Офицер внимательно посмотрел на меня. В ответ на приветствие крепко пожимает мне руку и представляется:

— Репкин.

Киваю Гале. Она подходит ко мне, словно чужая. Берет из рук пальто, украдкой смотрит на меня. Тихо спрашиваю:

— Кто он?

— Ян Налепка,— четко выговаривая каж-

← Приход капитана Налепки. Второй справа — Я. Налепка, второй слева — А. Н. Сабуров.

дую букву, отвечает Галя. Потом вешает пальто на гвоздь и уходит в другую комнату.

Репкин — Налепка?!

Я не верю своим ушам.

Мне хочется как можно скорее выяснить немаловажное обстоятельство: посвящают ли друг друга Налепка и Чембалык в свои дела? И я спрашиваю:

— Скажите, капитан, к нашей встрече Богданович имеет какое-нибудь отношение?

Налепка сперва сделал удивленное лицо.

— Богданович? — и тут же улыбнулся.— Простите, я забыл. Вы же с Чембалыком близкие друзья. Желаете пригласить его на наше встречание?

— Нет. Нам лучше без него.

Значит, Чембалык рассказывал Налепке о связи с нами, а Налепка Чембалыку о своих планах не докладывал. Но почему Чембалык, не пользуясь взаимностью, поверяет Налепке свои тайны?

Однако сейчас разговор о другом.

— Чембалык пришел сюда случайно? — спрашиваю я.— Не могло случиться, что он о чем-то догадывается?

Налепка пожал плечами.

— Не понимаю. Он хитрый. Не в первый раз ходит по моим следам.

— Ревнует! — шутит Костя.— Только к кому — к девушке или к партизанам?

Налепка смеется, повторяя:

— Не знаю, не знаю.

— Вообще Чембалык нам многое рассказывал о вас,— продолжает Костя.— Из его слов мы поняли, что вы коммунист и хотите иметь с нами боевой контакт. Вот наш командир и решил встретиться с вами лично.

— Я не коммунист. Но очень радый такому встречанию.— Он очень серьезен.— Мое давнее желание иметь контакт с великими силами партизан. Счастливая встреча с солдатом Рудольфом помогла мне. Я имел крайнюю надобность видеть партизанского командира. Немцы готовят большую акцию.

— Да,— говорю я,— нас об этом предупреждали.

— Галя? — догадывается Налепка.

— Отчасти и она.

Налепка доволен.

— Скажите, капитан, Чембалык знает, что Репкин — это вы?

— О, нет! — решительно отвечает он.— Про то не ведает никто. Могут только догадываться.

Так. Чембалык, стало быть, намеревался поиграть на нашем интересе к Репкину. Для чего? В каких-то своих целях. Судя по всему, ему очень хотелось стать монополистом по части связи словаков с партизанами.

По лицу Налепки пробегает тень. Он вынимает из бокового кармана бумагу и кладет ее на стол. Мы все узнаем наше ультимативное письмо к Чембалыку.

Ясно, что Чембалык стал между Репкиным и нами. Сыграл на этом письме. Репкину мы бы такого ультимативного письма не написали.

Костя встает и весело говорит:

— Вообще мы с вами давно знакомы, капитан. Помните, вы звонили из Василевичей на станцию Аврамовскую о подходе эсэсовского полка?

— О! Значит, мы с вами старые друзья! — Налепка сразу преобразился.—Это вы со мной разговаривали? Очень хорошо...— Он встает, подходит к Косте, кладет ему руку на плечо.— Я имел уверенность, что говорю с партизанами, а не с начальником станции. Хорошо тогда поговорили! Только чуть беды не было: германы вместо своих солдат послали сначала мамочек и девочек. Я был радый узнать, что там обошлось без крови... Вы тогда могли подумать, что звонок капитана Налепки — то была провокация...

И Налепка рассказывает, что гитлеровцы что-то заподозрили. Полк «СС» с бронепоездом только на второй день занял пустую станцию...

— А вы получили мое приветственное письмо? — спрашивает он, и по тону чувствуется, что Налепка придает этому вопросу особое значение.

— Какое письмо?

— Я писал: «При первой возможности подам свой голос».

— Получили еще в городе Лоеве.

На лице у Налепки появляется выражение глубокой горечи. Он говорит:

— Я не ведал про то. Думал, гестапо перехватило письмо у той девушки, которую я посылал. Очень жалею. Больно сердцу.

И я вспоминаю нашу догадку насчет того, что Репкин был введен в заблуждение ложным слухом, пущенным гестапо.

— Вы знаете, нам очень много рассказывала о вас наша общая знакомая,— говорю ему.

Налепка взглянул на дверь, за которую ушла Галя:

— Она?

— Нет, зачем,— возражаю я,— той было за шестьдесят...

— Не припоминаю...

Рассказываю ему про старушку из Овруча. Он никак не может вспомнить. Только когда Костя напомнил Налепке, как тот угощал старуху чаем и дал возможность послушать радиосводку о разгроме фашистов под Москвой и как после этого немецкий комендант посчитал ее за секретаря райкома партии, Налепка расхохотался:

— Теперь припоминаю... Немного глупо так было делать, но в моем сердце был праздник. Я имел тогда большое желание, чтобы праздник был у всех советских людей в Овруче...

— Вы слишком рискуете, капитан,— замечает Костя.

— На войне без риска не обойдешься,— улыбается Налепка.— Излишняя осторожность портит характер человека.

— У нас есть сведения,— вставляет Костя,—что Чембалык запугивает солдат партизанами, большевизмом, тяжелой расплатой после войны за участие в совместной борьбе против фашизма.

— Это провокации,— обрывает Налепка.— Нас и вас хотят столкнуть лбами.

— А нас, между прочим, уже столкнули,— язвительно замечает Костя.— Вот пришли ваши формирования, пришли с оружием. Вы сочувствуете нам? Хорошо! Но вы своим присутствием мешаете нам бороться с оккупантами и их пособниками.

Налепка сморщился, словно от острой боли, встал, прошелся по комнате. Посмотрел на свою фуражку с фашистской эмблемой. Потом перевел взгляд на звездочку Костиной ушанки. Вернулся к столу, сел и обхватил голову руками. Мы тоже молчим, не торопим его. Ему сейчас нелегко. Пусть думает...

Вдруг он выпрямляется, опирается обеими руками о кромку стола, как бы намереваясь приподняться, и неожиданно тихо обращается к нам:

— Товарищи...

Мы как-то все подобрались. Это слово сразу сблизило нас. Налепка заговорил с подъемом:

— Я хотел, чтобы мои признания не показались вам нескромными. Мы, словацкие воины, можем ошибаться, но не подводить. Может, мы делаем меньше, чем коммунисты, но не расходимся с ними, и если даже расходятся со мной мои друзья, я остаюсь при своем мнении. Я думаю, что мои действия совпадают с политикой нашей коммунистической партии. Теперь никто не воюет без политики... Если я скажу, что Англия поддерживает партизанское движение только для того, чтобы бить фашистов,— вы мне поверите? Нет, вы скажете: политика. Они боятся, что если не будут вмешиваться, то партизанское движение везде будет коммунистическим. А они вовсе этого не хотят...

Костя хлопнул ладонью по столу.

— Правильно!

Налепка расстегнул воротник кителя. Молча он смотрит на яркий язычок огня в стеклянном пузыре керосиновой лампы, и кажется, что мыслями он далеко от нас. Но вдруг достает из внутреннего кармана кителя фотографию какой-то женщины, кладет на стол и продолжает рыться в карманах.

Мы внимательно рассматриваем портрет. Строгие черты лица.

— Это моя мамочка,— ласково объясняет Налепка, берет у меня фотографию, задумчиво вглядывается в нее.— Мне и двадцати лет не было, когда провожала меня учительствовать, искать правду на земле. Мой отец всю жизнь ездил по миру в поисках работы... Почему-то я всегда думал, что она больше всех меня любит. И под Татрами записал себе на память ее наказ.

Он повертывает фотографию и читает пословацки надпись, сделанную мелко-мелко. Потом переводит на русский:

— «Ты еще малый у меня. Но у матери все дети всегда кажутся малыми. Не бойся. Иди! Начинай искать правду. Найди ее. Выслушай внимательно людей, раненных нуждой, и береги их доверие. У тебя, Яно, хорошее сердце, набери силу разума, оно тебе подскажет, что делать».

— Ваши матери похожи на наших матерей. Они нам тоже пишут: «Лучше жизнь отдай за Родину, но не позорь себя».

— Ну як? Нашел, браток, правду на земле? — спрашивает Рева.

— За нее надо драться.

— Вы можете рассказать о себе подробнее? — прошу я Налепку.

— Конечно! — Он снова задумывается на минуту. Затем начинает рассказывать спокойно, ровно.— Мне и двадцати лет не было, когда мамочка провожала меня учительствовать. Прибыл я тогда в село Мариково. Стоит оно меж высоких гор в широкой долине. Маленькие домики разбросаны один там, другой здесь. Люди голодные, всегда усталые. Дети бледные, босые, полураздетые. Школа с одним классом. Мы вдвоем с коллегой принялись за дело. Один учил в классе, другой — на дворе, если погода позволяла. В непогоду вечерами по домам ходим. Я мечтал настоящим учителем для народа быть. Бывало, соберем стариков, дискуссии до утра разводим. Масариковская демократия голову кружила. Думаю, стоит только народу стать грамотным — сразу сбросит он с себя всю беду.

Но тут на меня навалилась церковь. Фарары, то есть, по-вашему, попы, призывали, чтобы учитель был их слугой и набивал им файку табаком. Рассказываю народу, пишу статьи против опекунства церкви над школами... Тут государственные органы, в которых справедливость также церковь контролирует, выступили на защиту фараров. Под суд меня отдают. Я решил к партиям обратиться — социалистам и крестьян. Поддержат, думаю. Бегу, как мальчишка, за помощью, кричу. Оказывается, все

→ На партизанском собрании выступает танкист Мартин Корбеля.

члены обеих партий — рабы своих вождей, а грехи вождей замаливает церковь. Но я продолжаю верить в масариковскую демократию. Пишу воззвание. Чтобы школы стали государственными. Лишить церковь права опекать школы. А инспекторам образования пора бы стать образованными в демократии. И не стараться, чтобы у детей были гнутые позвоночники перед фарарами...

Налепка уже не рассказывает, а как будто читает книгу, написанную им самим, но не о себе, а о каком-то искателе правды...

— Мое воззвание никто не печатает. Боятся, как черта. Снова один. Встретилась девочка, учителка. Мы с ней еще в детстве дружили. «Брось,— говорит,— Яну, их не переборешь. Давай поженимся с тобой и заживем спокойной жизнью»...

— Ну и шо, женився? — весело спрашивает Рева.

— Нет. Мне не нужна манжелка для того, чтобы носить в тюрьму передачу... А я уже добре видел, как ту правду искать, то тюрьмы не миновать...

— А что же получилось с воззванием? — напомнил я.

— Дошло про то мое воззвание до нашего прогрессивного деятеля учительства и школ Зденека Неедлы. На одном сборе учителей говорит он: «Вы мне нравитесь, Налепка, давайте ваше воззвание, мы его напечатаем в своей газете». И напечатал. И тогда не одна, не две, а все церкви Словакии набросились на меня. И вся государственная служба. Оказалось, что вся демократия Масарика — под куполом католических церквей...

Нас интересовало, чем же закончились эти поиски правды.

— Воззвание нашло поддержку в народе?

— За это воззвание меня еще больше начали преследовать...— И он стал загибать пальцы.— Преследовали государственные каратели, преследовало католическое общество, преследовало ремесленно-торговое общество, преследовала «народная» реакция. А всем таким учителям, каким был я, сократили зарплату. Наконец подобрали меня рабочие. Говорю «подобрали» потому, что я всеми партиями стал гонимый, никому не нужный. Коммунисты помогли мне определиться в Ступаве, недалеко от Братиславы, вспомогательным учителем на подмену штатным. Вышли мне навстречу коммунисты Ступавы. Кое-что читать давали. Маркса давали и Ленина. Но и в Ступаве долго не пришлось пожить. В тридцать восьмом, осенью это было, однажды перед зданием школы выстроили глинковскую полицию — гарду. Схватили меня, порвали на мне одежду, избили, выгнали из школы. Сожгли мои книги, в окно выбросили пустой портфель... И вот на улице стоит одинокий, оскорбленный учитель, а рядом в луже плавает его пустой портфель... Первые ко мне с цветами пришли дети. Никогда не забуду. Они сказали: «Не поддавайтесь им. Вы же сильный. Мы вырастем, вам поможем».

Налепка замолчал. Снял очки, вынул платок, потер стекла.

— Скажите, каким образом вы попали в армию? — спросил я.

Налепка рассказывает, что, когда объявили мобилизацию, в Смижанах призывники объявили забастовку.

— Пришли коммунисты, сказали: «Не время. Идите в армию. А при случае обязательно переходите на сторону Красной Армии». Я оставил матери письмо, что если не будет писем, значит, все хорошо, я в Красной Армии. А если буду писать, что радио не играет, значит, плохие дела. Но я на фронт не попал. Дивизию сделали охранной. Я поставил перед собой задачу, чтобы мои солдаты и офицеры не лишили жизни ни одного советского человека. Говорил им так: «Вы славяне. Кто историю знает, тот понимает, что надо делать».

Налепка вспоминает, как из толченого стекла они делали таблетки «красного стрептоцида», закладывали их в масленки, из которых смазывают подшипники. Если бы даже нашли такое «лекарство» у человека, не придерешься: на вид это настоящий красный стрептоцид.

— Перемолотая в порошок бутылка может пережевать стальные оси целого эшелона.— И, улыбаясь, Налепка добавляет: — Один эсэсовский офицер даже принимал эти таблетки от поганой болезни...

Ян Налепка.

Мы еще, что называется, не отреагировали на последние слова Налепки, а он уже снова заговорил серьезным тоном:

— То были наши первые малые дела, наша первая малая вам помощь. Потом мы связались с партизанами Белоруссии. Я имел встречание с Василием Ивановичем Козловым. Мы имели с ним добрый контакт, а потом нас перебросили в Ельск, за Припять, и я пока связи с ним не имею... Хорошо, что мы с вами встретились. Думаю, будет новый контакт, чтобы между нами нигде и никогда не пролилась кровь.

— Ваш командир полка относится к числу твердых тиссовцев? — спрашиваю я.

— Полковник Чани придумал себе особенный нейтралитет. Он говорит так: «Делай, Яну, все, что хочешь. Я знаю, ты русских любишь. Если союзные войска придут в Чехословакию, я не скажу, что ты здесь связан с коммунистами. Если на нашу родину придет Красная Армия, тогда ты не забудь сказать, что я про все знал, но тебе не мешал... Одно прошу тебя: делай все так, чтобы меня с тобой в тюрьму не посадили. И не повесили...»

— О, це коммерческий нейтралитет! — комментирует Рева.

Налепка встал, прошелся по комнате.

— У нашего народа бесхитростное сердце, и я хотел бы, чтобы вы поняли и полюбили нас. При удобном случае мы перейдем к вам. Давайте нам больше листовок. Пусть наши солдаты читают, как борются русские партизаны. Мы хотим, чтобы Красная Армия шла до Берлина. Пусть тогда наше эмиграционное правительство возвращается домой через Советский Союз. А мы на своей границе скажем: «Вы бывшие, и ваши акции не котируются». Они из Лондона говорят нам: «Не вступать в связи с советскими партизанами. Беречь силы для решающего удара».

— Из Лондона? Каким образом? — интересуется Костя.

— Каждому командиру полка дан ключ радиостанции Лондона. Наша радиостанция работает с Братиславой и с Лондоном. Также в штабе дивизии. Глинковцы тоже имеют связь с Лондоном. На случай, если английские войска придут. Тогда сегодняшние фашисты будут нами управлять и после войны. Вот почему надо сберечь нашу дивизию. Она еще даст бой...

Мы тщательно уточняем, какие задания идут из Лондона. Потом расстилаем на столе карту и вчетвером обсуждаем технику взаимодействия. Договариваемся, что Налепка будет заблаговременно переправлять к нам всякого, кому будет грозить арест. Намечаем связных. Налепка требует, чтобы главной связной была Галя.

— Она есть бесстрашная девочка,— говорит он. Встает, смотрит на часы.— Мое время кончилось. Мне пора уходить... Сегодня я по-настоящему счастлив. Хотя мы и остаемся на каком-то расстоянии, в разных условиях, но позвольте мне считать себя и моих друзей верными членами вашей большой партизанской семьи.

И мы крепко жмем друг другу руки.

ЭПИЛОГ

На этом, собственно, и закончилась история таинственной записки.

Фашисты действительно осуществили против нас крупную акцию, но в двухдневном сражении мы сумели здорово пощипать шесть фашистских батальонов, сами же понесли совсем небольшие потери.

В операцию против нас был брошен и 101-й словацкий полк, которым тогда временно командовал его начальник штаба капитан Налепка,— Чани был болен.

В один из решающих моментов боя словацкая артиллерия подвергла жестокому обстрелу позиции нашего врага.

Ян Налепка сумел объяснить взбешенному командованию фашистских войск, что произошло недоразумение во взаимодействиях. Командир словацкой артиллерии, не найдя достаточных оправданий и желая отвлечь неминуемую кару от своих товарищей, после боя застрелился.

Чтобы рассказать подробно о том, что произошло дальше с людьми, которые так или иначе участвовали в истории наших поисков Репкина, понадобилось бы писать целую повесть.

Я изложу это вкратце.

Роль Чембалыка и его поведение окончательно стали нам понятны, когда в наши руки попали точные сведения о том, что в словацкой дивизии вела усиленную работу английская разведка. Чембалык старался делать все возможное, чтобы не допустить сближения словаков с советскими партизанами.

Он не остановился даже перед убийством. Он застрелил Рудольфа Мечинца, нашего замечательного товарища. Случилось, что отправившегося в разведку Рудольфа схватили в Буйновичах гитлеровцы. Чембалыку удалось устроить так, что конвоировать Рудольфа в Ельск должны были солдаты из чембалыковского батальона. Чембалык перед отправкой машины велел привести Рудольфа к нему в кабинет. О чем у них шел разговор, никто не знает. Точкой в этой беседе был пистолетный выстрел.

Позже Чембалык распустил подлую версию, что он вынужден был «убрать» Рудольфа, так как боялся, что Рудольф, много знавший о связях словаков с партизанами, не выдержит на допросах и погубит всех...

Чембалык остался верен себе до конца. После войны он бежал на Запад и сейчас подвизается на службе у врагов своей родины.

Беговцев погиб от пули своих бывших хозяев. Спустившийся на парашюте английский разведчик через ксендза в Остроге нашел его. После этого Беговцева обнаружили мертвым. Видно, посланец с неба сумел раскусить, что Беговцев потерян для английской разведки.

Ян Налепка разработал план перехода 101-го полка к нам. План этот сорвался в основном из-за предательских действий Чембалыка. В ту ночь, когда полк собирался выступать из Ельска, Чембалык затеял ссору, обвинил Налепку в измене, поднялся страшный шум. Гитлеровцы окружили полк. Всему личному составу полка гитлеровское командование срочно предоставило внеочередной отпуск на родину. Полк сдал оружие, солдат посадили в эшелон и увезли... в Италию, где заключили в концлагерь. Спасаясь от справедливого возмездия товарищей, Чембалык повредил себе ногу и отбыл в госпиталь.

Уйти из Ельска в лес сумели только сам Налепка и офицер Катин. Да еще бежал к партизанам на танке сержант Мартин Корбеля. Танк гитлеровцы накрыли артиллерийским огнем, он застрял в болоте, но Мартин успел вылезти и прийти в наш штаб.

Это было в мае 1943 года.

К тому времени у нас в соединении насчитывалось уже несколько десятков словацких солдат, с оружием перешедших к партизанам.

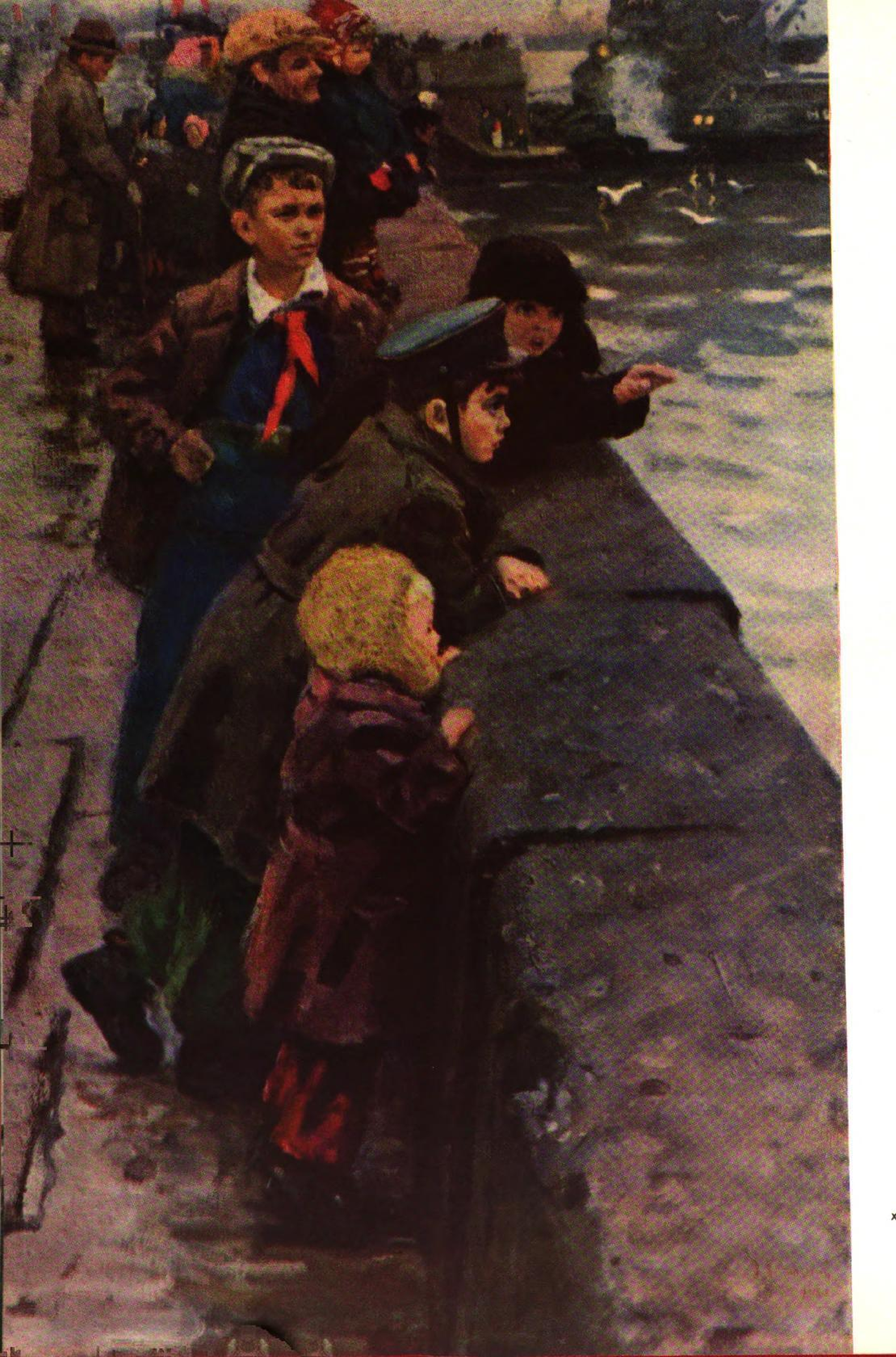
Когда пришел Налепка, мы создали словацкий отряд, и командиром его стал Ян.

Он геройски погиб в Овруче во время боя за город. Погиб коммунистом. Жизнь и смерть этого горячего сердцем и верного до последней капли крови сына чехословацкого народа достойна песни. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Чехословацкий и советский народы чтят его память.

П. Сулименко. СЕВАСТОПОЛЬ НАШ!

Художественная выставка «Советская Украина».

Э. Хороший.

ЗАВТРА
ПРАЗДНИК.

Художественная выставка «Советская Россия».

На горизонте — Чили

Юрий ВАНЬЯТ

...Близится тот январский день 1962 года, когда в Цюрихе, в резиденции ФИФА (Международная федерация футбола), состоится жеребьевка шестнадцати участников финальных состязаний VIII чемпионата мира. Пока же в Чили усиливается подготовка этих грандиозных соревнований, обсуждаются принципы будущей жеребьевки, а футбольные команды продолжают борьбу за выход в финальную группу.

Вот об этих-то событиях, а также о подготовке некоторых сильных команд к чилийским баталиям я и хочу рассказать читателям «Огонька».

Как же обстоят сейчас, за восемь месяцев до первых финальных встреч, дела в далекой латиноамериканской стране?

Специальная комиссия ФИФА после проверки деятельности чилийского оргкомитета заявила, что она удовлетворена ходом работ на главном стадионе в Сант-Яго. Комиссия уверена в том, что все необходимые меры для проведения чемпионата будут приняты. Утверждены также кандидатуры городов Винья-дель-Мар, Ранкагуа и Арика, где состоятся предварительные матчи финального турнира.

Покамест же в центре чилийской столицы Сант-Яго на улице Уерфанос, 1533, где находится оргкомитет чемпионата мира, кипит бурная жизнь.

Руководители комитета Карлос Дитборн и Педро Форназари заявили, что подготовка идет точно по утвержденному плану. В частности, было сообщено и о перспективах работы пресс-центра. Бюллетени этого центра мы получаем уже третий год. Журналисты смогут узнать в любое время подробные сведения о ходе игр во всех городах страны. Им выделяются двадцать радиотелефонных линий, десять радиотелеграфных, а также восемь телеканалов. Достигнута договоренность с компаниями «Евровизия» о трансляции всех матчей чемпионата. Ожидается приезд 2 тысяч специальных корреспондентов агентств, телевидения, газет, журналов и радио.

Большое внимание уделено приему туристов. Подсчитано, что отели, пансионы (в том числе 14-этажная «Каррера»), специально сооружаемая для гостей «футбольная деревня» вместят до 35 тысяч человек.

Чем меньше времени остается до жеребьевки в Цюрихе, тем настойчивей спортивная пресса требует, чтобы в Чили не повторился «шведский вариант» жеребьевки, когда в одной из подгрупп встретились по крайней мере три претендента на мировую футбольную корону: команды Бразилии, СССР и Англии. Такой футбольный авторитет, как швейцарец Томмен, считает, что команды, возглавляющие мировой футбол после шведского турнира, должны быть рассредоточены по группам.

Немаловажную роль в чемпионате, как всегда, сыграет качество судейства. В связи с этим ФИФА недавно провела во Флоренции международный семинар лучших футбольных арбитров 30 стран. Дело в том, что еще в Швеции мы были свидетелями грубых ошибок ряда судей (Эллис, Жолт). В условиях чилийских стадионов, где экспансивность зрителей часто принимает угрожающий характер, судейство должно быть особенно квалифицированным. Нельзя не учитывать и того, что у европейских (а их будет большинство) и латиноамериканских судей существует различное толкование пределов «жесткой» силовой игры. Уже турне команды ФРГ, известной своей силовой манерой, вызвало в Чили бурю на трибунах и на футбольных полосах газет.

Немцы считают чилийцев «бестелесными игроками», а те, в свою очередь, назвали гостей «регбистами худшего пошиба». Если же какой-нибудь судья в Чили допустит ошибку, похожую на промах англичанина Эллиса в матче ФРГ—ЧССР, когда чехословацкого вратаря попросту втолкнули в ворота, а Эллис, ничтоже сумняшеся, засчитал гол, то это вызовет новое землетрясение. Учитывая все это, судейская комиссия ФИФА уже начала отбор судей. На год отстранен от судейства португалец Суарес, плохо проведший отборочный матч Швеция — Швейцария.

А между тем круг претендентов на поездку в Чили продолжает сокращаться. Из 16 финалистов к половине августа были определены уже пять команд. И все они из Латинской Америки. Это чемпион мира Бразилия, организатор турнира Чили, а также победители отборочных состязаний в группах — Аргентина, Уругвай и Колумбия.

После летнего затишья наступает футбольный «час пик»: за предстоящие 90 дней должны быть выявлены остальные одиннадцать неизвестных, которые поедут в Чили. Основной месяц встреч — октябрь, когда состоятся основные отборочные встречи. В сентябре же их было лишь четыре: Шотландия—ЧССР, Франция — Финляндия, Венгрия — ГДР, а также Англия — Люксембург. Шесть матчей (в том числе, встреча Турция — СССР в Стамбуле) должны состояться в ноябре. По замыслу организаторов состязаний, период с 23 ноября (когда в Мадриде состоится последний отборочный матч Испания — Марокко) до 31 декабря остается для дополнительных встреч на нейтральных полях.

И все же рискнем уже сейчас указать на наиболее вероятных участников финальных встреч в Чили. Анализ турнирных таблиц и предстоящих встреч говорит о том, что наилучшие шансы в подгруппах имеют команды ФРГ, Швеции, Франции, Венгрии, СССР, Англии, Италии, Чехословакии, Испании, Югославии и Парагвая.

К 15 марта 1962 года ФИФА получит предварительные списки и фотографии игроков, а к 22 мая — окончательную заявку на 22 человека в каждой команде, после чего никакие изменения уже не будут допущены. А пока во всех футбольных коллективах идет тщательный отбор спортсменов, в разгаре напряженные тренировки.

Даже чемпионы мира бразильцы, все еще смакующие свою победу в Швеции — в музей страны сданы гипсовые слепки «золотых ног» Пеле и его партнеров, объявлен конкурс на монумент в честь победы бразильского футбола,— не забывают о будущем. Вот почему КБД (Бразильская спортивная конфедерация) запретила продажу игроков в зарубежные клубы до окончания предстоящего чемпионата, а новый тренер бразильской команды, Айморе Морейра, и лейб-медик д-р Гёслинг потребовали увеличения списка кандидатов в национальную сборную до 33 человек вместо 22 (это решение принято, и два варианта бразильской сборной уже провели контрольные встречи в Парагвае и Чили).

Если так страхуются аборигены континента и чемпионы мира, то можно понять тревоги руководителей европейского футбола. Теперь уже точно установлено, что европейцам в Чили необходима длительная физиологическая и психологическая акклиматизация. Правда, синоптики уже предсказывают, что с 30 мая по 17 июня будущего года, то есть на период розыгрыша, будет 15 градусов тепла, но оставим это на их совести. Напомним лишь, что чемпионат пройдет в условиях чилийской «зимы», когда ртуть в термометре обычно не поднимается выше 11—15 делений.

Так или иначе европейские команды должны менять сроки национальных чемпионатов, а ряд команд, в частности венгры, намерены в декабре провести «пристрелочные турне» по Латинской Америке.

Весьма встревожена спортивная общественность Англии. Успешные выступления реконструированной сборной вселили надежды в сердца британских болельщиков. И вдруг все эти радужные факты померкли перед суровой действительностью: зарубежные бизнесмены от футбола начали охоту за лучшими английскими игроками. За последние три месяца английские профессиональные клубы продали ряд лучших игроков на 2 миллиона 800 тысяч долларов. Так, Джимми Гривс из «Челси» теперь в «Милане», Джерри Хитченс из «Астон Вилла» — в «Интернационале», Денис Ло и Джо Бэйкер — в «Торино». А ведь это лучшие молодые форварды британского футбола!

Подобные же заботы грызут руководителей шведского футбола. Наступает период, когда все лучшие силы национального футбола в каждой стране, претендующей на чилийскую «визу», должны быть сконцентрированы в сборных командах. Скоро мы узнаем полный список 16 финалистов — тех, которые в мае будущего года начнут захватывающее состязание за «Золотую богиню».

Будем надеяться, что среди них мы увидим и сборную команду Советского Союза.

Первая встреча сборных команд Турция — СССР состоялась в Москве и закончилась, как известно, победой советских спортсменов. На этом снимке вы видите, как Н. Маношин прорывается сквозь заслон турецких защитников. Скоро вторая, решающая встреча, на этот раз в Стамбуле.

Фото А. Бочинина.

Жизнь

Рассказ

Юрий ЯКОВЛЕВ

Рисунки А. ЛУРЬЕ.

В большом сером доме умер человек.

Говорили, что он умер во сне: вечером уснул, а утром не проснулся.

Но постовой милиционер видел, как около трех часов ночи к дому подъехала машина «неотложной помощи» и расторопный врач скрылся во втором подъезде.

Шофер заглушил мотор и закурил сигарету. Потом он пробовал задремать. Но из этого ничего не вышло, и он снова закурил. Он сидел вполоборота в низкой кабине маленького «Москвича» и время от времени поглядывал на двери, куда вбежал врач.

Постовой не торопясь приблизился к санитарной машине и выжидающе остановился перед вторым подъездом. Казалось, его перевели на другой пост, и он без особого приказа не покинет его.

Ночь была тихой и спокойной, как неглубокая вода. Где-то пропел паровозный гудок; он вынырнул из тишины и погрузился в нее обратно. Из открытого окна донесся плач ребенка, маленький человек плакал призывно, взахлеб. И вдруг он сразу притих, словно заплакал по ошибке.

Врач не возвращался.

Шофер закурил третью сигарету. Постовой потоптался на месте и провел рукой по глазам. Он был некурящим и неразговорчивым.

Начало светать. Растаяли звезды. Бессмысленно, будто по привычке, горели фонари. На улице послышались гулкие шаги. Шел парень с огромным веником черемухи. Черемуха была мокрая и пахучая. А ботинки у парня были в глине. Он шел по вымершему городу подчеркнуто громко, словно хотел разбудить всех спящих.

Парень поравнялся с «неотложной помощью» и сконфуженно остановился. Вместе с шофером и постовым он уставился на темную дверь второго подъезда.

Врач не шел. И трем незнакомым людям начинало казаться, что он вообще никогда не придет.

Наконец он появился в дверях, растерянный, с опущенными руками. Он был бледен. От него пахло эфиром.

Три человека вопросительно смотрели на врача: с кем он расстался — с живым или с мертвым?

Но врач, не обращая внимания на людей, ожидавших его возвращения, зябко поежился и хриплым голосом спросил шофера:

— У тебя есть закурить?

— Вы же не курите,— отозвался шофер, однако протянул ему пачку сигарет.

Врач закурил. Глубоко затянулся. Выпустил дым. И наконец выдавил из себя слово:

— Умер.

Он не торопился уезжать. У него неожиданно появилась потребность говорить.

— Я никогда не видал такой смерти,— сказал он.— Он не поддавался... Мне казалось, что умирает не старик, а молодой человек. Молодой, но очень усталый.

Врач курил и смотрел в землю. Казалось, он разговаривает сам с собой... Но его слушали и шофер, и постовой, и парень с черемухой.

— Между прочим, перед смертью он попросил похоронить его в красном гробу... Зачем ему красный гроб?

Доктор поднял глаза и обвел взглядом присутствующих. Он словно только что заметил их. И сразу заторопился.

— Пора ехать,— пробормотал он.

Отбросил окурок и сел в машину.

«Неотложная помощь» медленно покатила по улице. Постовой вздохнул и зашагал к своему посту на перекресток. Парень с черемухой двинулся дальше. Он удалился тихой походкой, какой ходят в комнате, где спит человек.

Когда человек умирает, то оказывается, что даже малознакомые люди знают о нем массу подробностей. Будто при его жизни они только и делали, что наблюдали за ним. А еще вчера даже самые бдительные дворовые кумушки не обращали на него никакого внимания.

Высокий, прямой, он шел по улице, тяжело опуская кленовую палку. Морщин на его лице было мало, но они были глубокими. А зачесанная набок челка совсем побелела. Но годам не удалось согнуть старика, он оставался прямым и статным.

Люди говорили, что когда-то старик был женат, а в дом въехал уже вдовым. И что у него был сын. И что сын погиб на войне. Сам он уже два года был на пенсии, но каждое утро в определенный час он выходил из дома. А возвращался под вечер. Иногда по воскресеньям он сидел в дворовом скверике. Но в разговоры вступал неохотно.

Никто не помнит, чтобы к нему заходили гости. Если не считать пионеров, которые частенько забегали во второй подъезд. Может быть, они напоминали ему сына? А может быть, старик, которому так и не довелось стать дедом, смотрел на них, как на внуков?..

Молодых людей мало занимает, что где-то кто-то умер. Старики отзывчивей к смерти. В дворовом скверике они вели свои тихие разговоры.

— Кто хоронить-то его будет? Ведь у покойника нет родных,— сокрушалась розовощекая старушка, не переставая зорко поглядывать за маленькой внучкой.

— Может, с места работы придут представители? — откликалась ей соседка, как автомат, работая спицами.

— Надо бы наших пенсионеров привлечь.

— Да чего их зря расстраивать.

Жители дома были очень удивлены, когда в вечерней газете в черной рамке появился некролог, сообщавший о смерти члена партии с 1924 года Алексея Сергеевича Серпокрылова.

Вечером привезли гроб. Он был обтянут красным шелком и казался объятым пламенем.

Старушки качали головами.

— Теперь даже партийных в обычных хоронят. А ему красный привезли.

— Это потому, что с завода,— объяснила розовощекая старушка,— родные бы не стали в красном гробу хоронить.

Некролог в газете и красный гроб привели в смятение старожилов большого серого дома. Еще утром им все казалось ясным и естественным. Теперь они не знали, что и думать. И были огорчены, что их житейской мудрости не хватило на то, чтобы разобраться в жизни и смерти этого человека.

Поздно вечером у второго подъезда стояла легковая машина. А в окне на третьем этаже далеко за полночь горел свет. Он горел, как вечный огонь на могиле Неизвестного солдата. Машина уехала, а огонь все не гас.

Говорили, что у Серпокрылова объявился какой-то старый друг, который всю ночь провел у изголовья.

У смерти есть свои излюбленные часы: она охотнее всего приходит на рассвете. Она навсегда смежает глаза человеку, когда весь мир начинает пробуждаться. И еще смерть любит весну. Не морозную зиму, не темную глухую осень, а время распускающихся почек и цветения садов. Именно когда больше всего хочется жить, смерть дает подножку.

В большом сером доме, как и во всех домах, люди рождались и умирали. Смерть даже малознакомых людей краешком печали задевала всех жильцов. Как-никак, а умер человек «из нашего дома».

И вот Алексей Сергеевич Серпокрылов лежит в красном уголке дома. Он такой же прямой, как и при жизни. И короткая седая прядь зачесана набок. Лицо спокойное. Борьба со смертью не оставила на нем следов. Руки скрещены на груди. Их почти не видно из-за длинных рукавов нового пиджака. Чувствуется, что эта смиренная поза навязана ему уже после смерти. Его фигуре даже теперь недостает тяжелой кленовой палки. Но смерть разлучила палку с хозяином.

Напрасно беспокоились сердобольные старушки, что старика некому будет проводить в последний путь. В красном уголке было людно. А народ все подходил и подходил. Большинство людей были между собой незнакомы. Вероятно, с умершим их свели разные дороги. Пожилые и молодежь, военные и пионеры по очереди надевали на рукав красную повязку с черным крепом и вставали в почетный караул.

А Серпокрылов лежал в красном гробу. И казалось, что он лежит на красном знамени.

На улице под окнами играет оркестр. Он играет неторопливо, растягивая каждую ноту. Трубы роняют свои медные слезы. А что стоят медные по сравнению с живыми?

Уже в красном уголке не хватает места. И люди стоят на лестнице, приподнимаясь на цыпочки, чтобы через головы впереди стоящих разглядеть Серпокрылова.

коммунара

Потом оркестру велели замолчать. Начался траурный митинг.

Первым к изголовью подошел тучный человек в пиджаке, застегнутом на все пуговицы. Голова его была обрита, а густые черные брови тяжело нависали над глазами, фамилия его была Трофимов. Это он провел ночь у изголовья Серпокрылова.

Он волновался, говорил сбивчиво:

— Я знаю Алешу... Алексея Сергеевича Серпокрылова с одна тысяча девятьсот восемнадцатого года... Мы были молодыми парнями...

Трофимов говорил и все время смотрел на Серпокрылова, будто призывал мертвого друга в свидетели.

Это было в глухом сибирском городке. В восемнадцатом году. Уже отгремел Октябрь, а весть о новой власти все шла и шла до городка, будто везли ее сюда малой скоростью. Тогда в город приехал Серпокрылов. Вероятно, в губкоме не нашлось солидного человека — прислали совсем молодого парня. Он приехал устанавливать Советскую власть. Он знал, что надо гнать буржуев и вывешивать красные флаги. И еще он знал про Парижскую коммуну.

Худой, долговязый, он носился по митингам и везде говорил:

— Мы коммунары! Мы будем строить коммуну!.. Мы не дадим генералу Галифе потопить нашу коммуну в крови!

Друзья называли его «Алеша-коммунар», враги — «гражданин коммунар».

Он говорил:

— У нас в коммуне денег не будет. Будем работать бесплатно!

В зале шумели.

— А на что хлеб покупать будем?

«Коммунар» осекался. И вправду, «на что покупать хлеб»? Но раздумывать было некогда.

— Чем будут кормить, то и будешь есть! Голодным не оставим. Ясно? — И, не давая опомниться спорщикам, звонким голосом провозглашал: — Да здравствует мировая революция! Да здравствует коммуна! Смерть генералу Галифе!

Палач революции Галифе давно уже приказал долго жить и покоился под могильной плитой, а Серпокрылов говорил о нем так, будто французский генерал представлял прямую угрозу для будущей коммуны.

Но у коммунаров глухого сибирского городка нашлись другие враги. Вспыхнуло восстание. Вот тогда в бою кулацкая пуля свалила коммунара Алексея. Он упал на землю, все еще не выпуская из рук старую охотничью берданку. Он прощался с жизнью. Когда товарищи склонились к нему, он прохрипел:

— Помру — похороните в красном гробу...

Может быть, в его представлении так хоронили коммунаров в далеком городе Париже на кладбище Пер-Лашез?

— Он умирал у меня на руках,— говорил Трофимов, глядя на мертвого товарища своей юности.— Нас теснили. Я вынес его из боя, зашел в дом учителя и попросил его предать прах Серпокрылова земле. Не хотел, чтобы враги надругались над трупом товарища. Я был уверен, что он мертв.

Трофимов замолчал. Он никак не мог продолжить свою речь. То ли волнение перехватило дыхание, то ли не приходили на ум нужные слова. И люди в красном уголке терпеливо ждали.

— Все эти годы,— вдруг заговорил Трофимов,— я считал, что мой друг Алеша давно погиб. Мне и в голову не приходило, что он мог выкарабкаться... Я рассказывал о нем молодежи. Я приводил его в пример, как надо служить революции... И вот теперь, случайно очутившись в вашем городе, я узнал, что Серпокрылов жив... вернее, жил все эти годы. Значит, не умер тогда наш коммунар. И вот судьба снова свела меня с ним и снова с мертвым.

Трофимов опять замолчал. Его широкое лицо залила краска. Густые брови опустились так низко, что совсем не стало видно глаз. Он тяжело дышал. У него хватило сил еще на три слова:

— Прощай, дорогой товарищ!..

Он отошел и повернулся к стене.

К Серпокрылову подошла сухонькая женщина с гладко зачесанными волосами. Черты лица ее были немного заострены, что придавало ее облику решительность. Старость не сгладила эту остроту. Годы не сделали ее старухой.

— Вот как получилось, Алеша,— сказала она просто и тихо, будто в комнате было всего два человека: она и Серпокрылов. И будто Серпокрылов слышал ее голос.— Вот как получилось. Провожаем тебя в последний путь. А ведь я хорошо помню, как ты пришел к нам на фабрику, худой, обросший. Прямо из госпиталя. От твоей жиденькой шинели пахло карболкой. Тебя шатало от слабости, а ты все крепился. Все просил дела. А какой ты был работник!..

Женщина бросила на Серпокрылова укоризненный взгляд. И продолжала:

— Но ты ведь двужильный... Падал, а шел к станку. Тебя бы тогда подкормить немного. Да нечем было. Ты помнишь, как, оставшись без хлеба, рабочие побросали работу. Требовали хлеба. А где его было взять? Ты остался у станка.

Полдня ты работал один. А ребята стояли у стенки и курили. Они смотрели на тебя час, другой. Наконец не выдержали.

Вот один включил станок... Потом еще один... Вот уже работает полцеха... Когда ты свалился, вся фабрика работала.

Ты называл себя коммунаром, но в партии не состоял. Ты все говорил: «Рано. Мало сделал. Придет время».

В партию ты вступил по ленинскому призыву. Когда умер Ильич... Ты добрался до Москвы и сутки простоял в очереди, чтобы проститься с Лениным... Вернулся ты с листком бумаги, сложенным вчетверо. Это было заявление в партию. Ты написал его в очереди к Ильичу. Окоченевшими пальцами. Карандашом.

Я помню, что было написано на этом листке. «Нет такого человека, который смог бы заменить родного Ильича. Пусть его сердце живет в сердцах тысяч новых коммунистов. Прошу принять меня в партию РКП(б). Если сочтете достойным».

На собрании ты сказал: «Пошлите меня ту-

да, где потрудней». И тебя послали... И так ты жил всю свою жизнь, славный коммунар Алексей Серпокрылов.

Женщина окинула взглядом всех, кто молча стоял вокруг, и спросила:

— Разве это не так, товарищи?

Все молчали. Не потому, что не соглашались с маленькой женщиной, а просто считали неловким произносить слова в этой печальной, торжественной тишине. И только один голос сказал:

— Конечно, так!

Это сказал мальчик. Веснушчатый, крутолобый мальчик, с бровями, сросшимися на переносице, с пухлыми губами. Все обернулись к нему, но мальчик, вероятно, почувствовал в себе такой прилив сил, когда смущение становится бессильным. Он не сдвинулся с места. Он заговорил оттуда, где стоял:

— Наш отряд знаком с Алексеем Сергеевичем два года. Мы знаем все о его жизни... Вернее, о себе он рассказывал мало, все говорил о своих товарищах. Он говорил нам, что в душе каждый человек должен быть коммунаром, иначе не будет построена Коммуна. Он говорил нам: «Вы доживете до Коммуны, вам надо как следует готовиться к этому. Вы будете работать без денег».

Мальчик остановился, набрал в себя побольше воздуха и продолжал:

— Но сам он уже работал без денег. Честное пионерское. Он вышел на пенсию, а на завод ходил и работал... Он говорил нам: «Пусть хоть кусочек жизни поработаю без денег, как коммунар». Он работал, как все. Ни одного дня не пропустил работу...

Мальчик запнулся. Он выговорил все, что подпирало к самому сердцу, и остановился. Потом он шагнул вперед, вскинул руку для салюта и другим голосом сказал:

— Клянемся быть похожими на Алексея Сергеевича Серпокрылова!

Митинг начался под вечер, когда все вернулись с работы. И те, кто знал Серпокрылова или услышал о нем теперь, пришли к большому серому дому. В красном уголке уже давно не было места, и люди собрались группами во дворе, и все, что говорилось там, доносилось до них, как эхо.

Казалось, что в последние минуты прощания вспыхнул какой-то особый свет, который осветил сразу всю жизнь старого коммунара, и она стала видна всем незнакомым людям.

Митинг заканчивался, когда в дверях появился пожилой военный. Он снял фуражку и, слегка оттесняя людей, медленно стал прокладывать себе дорогу. Люди расступались, вероятно, решив, что нашелся еще один друг Серпокрылова. Но военный не был другом.

— Я военком города,— сказал он,— а старики, как известно, не стоят на военном учете. Поэтому разыскать их трудно.

Люди непонимающе смотрели на полковника, а он, желая поскорее объяснить им свое появление у Серпокрылова, торопился и поэтому говорил несвязно.

— Мы разыскивали товарища Серпокрылова. И только сегодня я случайно прочел некролог. Правда, с опозданием... Тут у нас его неполученный орден. За войну... Разрешите зачитать Указ Президиума Верховного Совета СССР: «За вывод из окружения значительного подразделения наших войск и проявленное при этом мужество наградить рядового Серпокрылова Алексея Сергеевича орденом Отечественной войны I степени».

Дрожащей от волнения рукой полковник открыл алую коробочку, достал оттуда новенький орден и положил его на грудь Серпокрылову.

Спустя много лет орден наконец разыскал своего владельца. Правда, нашел он его слишком поздно... Но казалось, что эта металлическая звезда в золотых лучах была свидетелем того, как солдат ополчения объединил вокруг себя растерянных, почти обреченных на смерть людей. Как он разделил свою волю на всех и каждому досталось ровно столько, сколько было необходимо, чтобы вернуться к жизни, к борьбе. Уже на выходе из боя пуля нагнала солдата ополчения Серпокрылова, и он упал на руки товарищей. А потом машины и поезда с красными крестами увезли его на другой конец света. В какой госпиталь занесла судьба раненого солдата?.. Орден ждал своего владельца, а старый солдат и не знал, что ему полагается орден.

Военком сказал:

— По положению, орден передается на хранение родным. Есть у товарища Серпокрылова жена, дети?

Все молчали. Родственников у мертвого коммунара не было. И вдруг кто-то сказал:

— Есть у него дети!

Все повернулись на голос. О детях говорил пожилой человек, учитель.

— Его дети здесь,— продолжал он,— вот они.

Он указал на пионеров, которые белой стайкой теснились в сторонке и внимательно наблюдали за всем происходящим. Один из них держал красное знамя. К знамени были прикреплены черные ленты. В знак траура.

Военком посмотрел на пионеров и задумался. Вероятно, он решал сам с собой, можно ли отдать орден пионерам. И, вероятно, по положению, этого нельзя было делать. Но стоявшие вокруг старые люди так выжидающе смотрели ему в глаза, что он почувствовал, что должен дать свое согласие. И он сказал:

— Согласен.

Из красного уголка гроб вынесли на плечах. Его несли друзья Серпокрылова — Трофимов, и худенькая пожилая женщина, и еще кто-то из участников митинга, и полковник-военком. Сзади шли пионеры с опущенным знаменем. На шелковом полотнище возле самого древка поблескивал орден Отечественной войны I степени.

Люди стояли во дворе нестройной толпой. Когда вынесли гроб, люди, не сговариваясь, без команды начали строиться в колонну. Они сами становились в ряды и принимали равнение. Словно мертвый коммунар организовал их, построил, спаял этих незнакомых людей единством.

Музыканты привели трубы в боевое положение — надели их на плечи. Они вобрали в себя воздух, словно собирались вздохнуть. Но вместо этого заиграли.

Они играли медленно, будто очень устали. И люди тоже шли не спеша, словно проделали огромный путь...

Как часто годы меняют людей! Одни разочаровываются, другие приходят к новым идеалам. Старые перестают понимать молодость... А седой Серпокрылов оставался таким же, каким начинал свою жизнь. Он ни разу не простился со своей юношеской мечтой — построить Коммуну. И он строил ее для всех до тех пор, пока сердце не остановилось.

Его хоронили, как он завещал товарищам, когда кулацкая пуля чуть было не оборвала его жизнь. И сам он был удивительно похож на далекого Алешу-коммунара. Нет, даже мертвым он не был стариком! Он оставался молод. Просто он очень устал...

Его несли на руках через город. Когда уставали одни, другие подставляли свое плечо. И казалось, что этот большой человеческий строй идет за знаменем. За красным знаменем навстречу новому штурму.

МНЕНИЕ ГОСПОЖИ ИТОН

Американская газета «Экрон бикон джорнел» под заголовком «Пропаганда Соединенных Штатов ведет нас к войне» опубликовала интервью с супругой известного промышленника и общественного деятеля Сайруса Итона, г-жой Сайрус Итон. Корреспондентка газеты пишет:

«Г-жа Сайрус Итон не питает большой симпатии к политике Соединенных Штатов на международной арене...

Я задала несколько вопросов жене кливлендского промышленника, имя которого вызывает много споров и который заявляет, что он поддерживает дружеские отношения с Никитой Хрущевым, чтобы содействовать мирному сосуществованию.

«Что вы думаете о возобновлении Россией испытаний атомных бомб?» — спросила я.

Она ответила быстро, без колебаний: «Я была разочарована, но я, конечно, могу понять причину. Я думаю, что после всех этих лет, которые Россия провела за столом переговоров о разоружении в Женеве, она решила, что мягкие доводы не действуют, и произвела испытания».

«Вы думаете, что вина за провал этих переговоров лежит на Соединенных Штатах?»

«Тут нет сомнений, — это наша вина. Был ли сделан Соединенными Штатами хоть один здравый искренний шаг к разоружению, с которым Россия могла бы согласиться?»

Я перешла к другому большому вопросу наших дней, к Дагу Хаммаршельду и Объединенным Нациям.

«Я думаю,— сказала она,— что Даг Хаммаршельд был великим человеком. Я восхищалась им. Но разногласия между великими державами никогда нельзя будет решить в Организации Объединенных Наций, пока пост генерального секретаря занимает представитель Запада, каковым был Даг Хаммаршельд».

«Что вы думаете о «тройке» — плане Хрущева поделить пост генерального секретаря между представителем советского блока, представителем Запада и представителем нейтральных стран?»

«Я думаю, что это очень разумная идея», — заявила она. «Этот метод, тройное представительство, широко используется в других отделах ООН, и я думаю, что он окажется действенным и на посту генерального секретаря».

«А не низведет ли это ООН просто к обществу для дебатов?» — спросила я.

Г-жа Итон пожала плечами. «А чем еще является ООН сейчас?» — сказала она. Она помолчала и потом продолжала о том же: «ООН должна меняться вместе с тем, как меняется мир. Она должна быть форумом, представляющим мир, каков он сегодня. А ООН, построенная так, как сейчас, не отражает сегодняшнего мира».

...Г-жа С. Итон считает, что наша пропаганда ведет нас к войне, которая оставит после себя «мертвую пустую планету, вращающуюся вокруг солнца». Эту пропаганду распространяют американские газеты, журналы, телевидение, радио и лидеры общественного мнения. Причем «лидерами» являются руководители промышленности, главы университетов и церковники, все те, кто боится обидеть правительство или потерять правительственные контракты, субсидии для университетов, а что касается церкви, то она боится обидеть богатых прихожан, которые могли бы пожертвовать деньги церкви.

Она сказала, что все женщины Восточной Германии больше боятся перевооруженной Западной Германии, чем России. Она хотела бы видеть всю центральную Германию демилитаризованной.

После выступления «Огонька»

«ОТРЕЧЕНИЕ»

В журнале «Огонек» (№ 17 за 1961 год) был напечатан очерк писательницы И. Ирошниковой «Отречение», вызвавший много откликов. Мы печатаем обзор писем, поступивших в адрес героя очерка Б. Звейсалниекса.

...Письма, письма... Они пестрым разнообразием конвертов ложатся на стол Звейсалниекса. Стоит проследить географию почтовых штемпелей: Владивосток, Ашхабад, Таллин, Бухара, Краков, Ярославль, Ленинград, Чили, Днепропетровск, Прага... Всего и не перечислишь. Люди поздравляют, приветствуют, одобряют. Мужские письма отличаются сдержанной краткостью: «...Спасибо за честный, смелый поступок... И. Семенов, Москва».

«...С волнением читал о Вашем подвиге... Вы настоящий человек... Иван Левков, с. Лозоватое, Винницкого района».

Женские письма лиричнее, эмоциональнее.

«...Я была так поражена и взволнована до глубины души этим рассказом, что до сих пор не могу успокоиться. Когда я читала этот рассказ, то думала только о герое, чтобы только остался он жив. Я так боялась, что с героем что-то будет. Но все обошлось хорошо...

Самарина Нина, Бухара».

«...Пишу вечером, малыша уложила спать, и ничто не мешает отдаться впечатлению о прочитанном. А впечатление огромное...

...Я ученикам рассказывала о Вас, рассказала кδротко, но они засыпали меня вопросами, и я прочла им о Вас... Я сама историк. И мне на уроках часто приходится затрагивать вопросы, касающиеся религии, а тут сама жизнь пришла к нам на урок...

Бондакова М. И., Днепропетровск, Средняя школа № 2».

«...Ваш поступок стал для меня в какой-то мере образцом решительности, твердости, мужества...

Решетилова Зина, Свердловск».

Письма приветствуют, одобряют, тревожат, расспрашивают о пережитом. Письма настойчиво требуют ответа.

А человек растерян. Человек не привык к такому. Годы он прожил в глухом одиночестве. Думал: его борьба — это только его борьба. Думал: его победа будет только его победой. А получилось так, что его поступок взволновал и затронул многих, что его сомнениями люди проверяют свои сомнения, его решимостью — собственные поступки. Опытом его жизни меряют свою жизнь.

«...Сегодня я прочитала в журнале «Огонек» статью «Отречение». Я прочитала и растерялась: что же мне делать?

Я верю в бога, обстоятельства жизни моей сложились так, что я начала искать успокоение у бога, я верила, что он поможет мне... Я прочитала несколько книг, и мне показалось, что я нашла истину бытия. И вот я прочитала о Вашей жизни...

...Вы сказали, что бога нет, но кому же тогда верить? Книгам божиим или Вам? Я в смятении.

Я еще молода и не знаю, что делать. Посоветуйте, что мне почитать, чтобы укрепить веру или чтобы убить эту веру. Совета я ни у кого не решаюсь просить, да и не у кого. Мои родные умерли, и я осталась без них.

Скажите, как мне жить дальше?»

Подпись полная. Указан и адрес.

«...Большое спасибо, что многим Вы исцелили души, но скажите, как помочь моей маме выйти из омута. Как сделать, чтобы мы были не врагами, а друзьями...»

Но вот и другого рода письмо. Похоже, что автор его чувствует себя во всеоружии «доказательств». Судите сами:

«...Вы публично отреклись от бога. А я публично кричу: «Неправда! Бог есть!»

Если бы действительно не было ничего, не вызывали бы «духов», как их называют в народе. А я хорошо помню, как бабушка вызывала покойного дедушку и по тарелке с буквами на столе могла читать ответы на свои вопросы. Кто это к ней приходил, скажите!

...Меня поразило то, что Вы прямо на амвоне перед верующими сказали, что бога нет, не пожалели даже свою мать.

...Можно было просто написать об увольнении и уйти с работы священника... а не обязательно с тем, что все это неправда... Мне кажется, в эту минуту в Вас что-то вселилось. Вы видите, как меня это возмутило, что я лежу больная в кровати и пишу...

Нина Коваль, Львов».

Письма разные, так же как и люди, писавшие их. Письма сдержанные. Чистосердечные. Недоумевающие: «...читаешь строки очерка и не веришь, что так действительно может быть, что опиум религии так силен...»

И гневные: «...почему существуют духовные семинарии? Ведь туда идут здоровые молодые ребята — это ведь ужасно...»

И исполненные тревожных раздумий, грустного осмысления: «...Я с детства тоже росла в окружении икон, ладана, божественных песнопений. Мне отец перечитал все книги для детей про Иисуса Христа и деву Марию. Я соблюдала все посты и праздники, ходила на всенощные, святила пасху... Втайне так молилась, бывало, что сознание теряла и забывала, где нахожусь. А в войну моя вера дала трещину большую.

...Шли мы с отцом по улице, и ручьи были красны от крови убитых фашистами детей и женщин. Я не плакала. Только стон кругом стоял, а я кричала: «Где же бог? Что же это он делает?..» У фашистов на ремне было написано: «Gott mit uns». Это — «С нами бог»...

К. С., г. Смела, УССР».

«...Многоуважаемый гражданин Болеслав Звейсалниекс! Будучи постоянной подписчицей «Огонька», я прочла Ваше отречение от бога и анафему церкви.

Была я воспитана в семье очень верующей, католической и сама во все веровала, что церковь приказывала... Также была «песчинкой» и во всем была... «воля бога». И я верила, и молилась, и ждала чуда во время болезни моих детей. Для меня мои дети были земным счастьем. Но они один за другим умерли, и осталась я одинокой на свете и перестала верить, молиться, ходить в церковь.

Прочла много книг, что значатся на индексе, а также западных философов и стала атеисткой. Конечно, это была моя личная драма и личное отречение...

Михалина Банасевич, Краков».

Есть и письма-раскрытия, письма-исповеди. Эти Звейсалниекс откладывает совсем или показывает лишь выдержки. Эти письма адресованы только ему.

...Разные почерки на конвертах, и письма разные. И, однако, чем-то похожи они, похожи в главном, впрочем, как и люди, писавшие их,— люди нашего строя, нашего времени.

Но... бывают и исключения.

«...Неужели Вам не стыдно и не больно было отрекаться перед Вашей паствой?.. Вы могли уйти и оставить сан без этого. Мне жаль Вас по день Вашей смерти... Плачу над Вами и сожалею.

...Лучше бы Вы опустились в ту реку, куда так долго смотрели, и люди не узнали бы этого позора...»

На конверте крупно: «Ксендзу-отступнику». И помельче: «Ныне научному работнику». Почерк четкий, твердый, решительный. Орфография, синтаксис — все на высоком уровне. Подписи и адреса, разумеется, нет. На почтовом штемпеле: Ленинград.

«...Сожалею и плачу...» Только ли? Или... глядя по обстоятельствам?!

Видно, недаром считает нужным предостеречь Звейсалниекса Иван Левков из с. Лозоватое:

«...Надо быть осторожным. Церковь и ее «божьи» слуги запятнали себя кровавыми злодеяниями...»

И Елена Никульшина из Днепропетровска о том же думает:

«...Они Вас пугают? Не бойтесь. То, что очерк о Вас прочла вся Россия, является лучшей защитой Вашей жизни...»

...Письма, письма, разноцветное обилие конвертов в ящиках рабочего стола Звейсалниекса и в музее и дома. А они все идут и идут. Их количество давно исчисляется трехзначными числами. И человек теряется перед этим вдруг нахлынувшим на него в почтовых конвертах потоком мыслей, чувств, раздумий и жизненных обстоятельств. А человек не столь уж свободно владеет русским языком; ему иногда не хватает слов и времени. Поэтому ответы его — а пока их немного — примерно начинаются так: «Простите, что я задержался с ответом...»

РЕБЯТА С ОСТРОВА БОРОДАЧЕЙ

К. ЧЕРЕВКОВ, М. ЯХОНТОВА

С Финского залива дует сырой осенний ветер; пассажиры и встречающие сидят в зале аэропорта. А ленинградские школьники с цветами — на перроне. Самолет прибывает из Симферополя через двадцать минут, но ребятам не терпится, они хотят увидеть его, когда он покажется еще на горизонте крохотной точкой и станет описывать круг над аэропортом. Ведь летят такие гости!

Вот наконец показался «ТУ-104». Идет на посадку. К лайнеру помчались маленькие вагончики. Спущен трап.

Один, два, три... Черные береты. Короткие пальто, похожие на морские бушлаты. Четыре, пять... Алые пилотки. Шесть... Он! Высокий, длинноногий мальчик идет чуть вразвалку — совсем как отец.

Фидель! Фидель Кастро Диас — сын героя Кубы. Все шестеро — посланцы детей Республики Куба, смуглые, веселые, жизнерадостные. Рядом с двенадцатилетним Фиделем шагает наш старый знакомый — Буэнавентура Брин Родригес, тот самый кубинский мальчик, которого мы видели в фильме «Пылающий остров». Все смешалось: объятия, звонкие, голосистые приветы: «Вива Куба! Вива Куба!» В ответ на ломаном русском языке: «Здравствуйте, пионеры!»

Смех. Радость на детских лицах. В тесном окружении детворы шестеро маленьких кубинцев идут к машинам. С ними ни одного взрослого. Самый старший — Педро Эрнандес Диас. Ему шестнадцать. Но уже в такие годы на его плечи легла огромная забота: Педро — администратор детского кооператива, возникшего в прошлом году вблизи Гаваны по инициативе Фиделя Кастро. С Педро приехали и члены кооператива, конечно, самые лучшие: трактористы Луис Менендес Санчес — ему одиннадцать, Хорхе Гутьеррес Манганельес — двумя годами старше, и однокашник Хорхе — счетовод кооператива Роландо Вега Сото.

Настежь открыты двери 157-й средней школы; коридор, заполненный ребятами, шумит, волнуется. Люда Васильева, председатель совета дружины, рассказывает о жизни школьной пионерской организации.

Фидель встает, краснеет от смущения. Чуть сутулясь, он опирается о край стола и начинает рассказ о кубинских пионерах:

— Апрель этого года был грозным: интервенты высадились на острове. Наши ребята не прекратили занятий в школах. Мы были на посту. Тогда, в те дни, мы решили объединиться. 26 апреля возникла пионерская организация Кубы. На майском параде первые колонны пионеров шли за отрядами народной милиции...

Полчаса длится речь маленького Фиделя Кастро.

— Мы будем помогать революции всеми своими силами, так же как и взрослые,— говорит Фидель.

Что значит помогать всеми силами революции?

Педро еще в прошлом году был неграмотным. Он жил с родителями в провинции Орьенте. С семи лет обрабатывал землю. Когда началась революция, его старший брат ушел к повстанцам в горы. Педро тоже хотел уйти с ним, но отец не пустил: мал, да и помогать семье надо. И все-таки Педро помогал повстанцам как мог; ходил в разведку, был посыльным... Его брата убили враги. Тогда-то Педро и стал жить в доме Фиделя Кастро вместе с другими детьми, перед которыми, по словам Фиделя, революция была в долгу.

Ребята начали учиться... Но вот их стало сорок. Правительство отвело им земельный участок в несколько десятков гектаров: живите, работайте самостоятельно. Так возник первый детский кооператив. Ребята все делают сами: пашут, сеют, убирают урожай. Работа организована посменно, чтобы можно было учиться. За прошедший год Педро успел пройти курс четырех классов: надо догнать ровесников.

Для юных строителей Кубы в 157-й школе оказалось много интересного. Станки в кабинете труда. В комнате домоводства — все, что нужно в хозяйстве: швейная машина, посуда.

— Здесь уголок девочек,— объясняют хозяева.

Но гости не согласны. В школьном городке Камило Сьенфуэгоса Буэнавентура помогает шить одежду для малышей, а Педро с десяти лет варил обеды и, крадучись, относил их в горы повстанцам. Сейчас каждый член кооператива дежурит на кухне.

К сожалению, из школы пора уезжать. В город на Неве они приехали из Артека, где провели трое суток. А теперь за полтора дня в Ленинграде надо увидеть еще многое.

...«Аврора». Делегатов встречают командование и старый краснофлотец Вощук. Фидель смотрит на небо — серое, низкое,— на стальные невские волны.

— Наверно, так было и в октябре семнадцатого года!

— Где стояла «Аврора»? Матросы тоже штурмовали Зимний? Стреляли ли пушки крейсера в Отечественную войну по фашистам? — Обо всем расспрашивают кубинцы. С Вощука они не спускают глаз, им нравится в нем все, вплоть до усов.

— Настоящие усы революционера, все равно что борода у наших повстанцев,— с восхищением перешептываются трактористы.

Вощук с улыбкой обнимает их за плечи. «Боевые хлопчики!»

...И снова торопят. В синем здании напротив «Авроры» уже ждут сверстники в морских костюмах.

Прощаются на улице. Гости садятся в машины, но тут выяснилось, что через несколько минут на «Аврору» прибудет Президент Кубы Освальдо Дортикос.

— Я хочу его увидеть,— сказал младший Фидель.— Я должен передать привет отцу.

Остальные пятеро молчат. Но глаза их говорят ясно: «Мы тоже хотим!»

На корабле в честь высокого гостя готовятся к поднятию флага Республики Куба. Фиделю поручили поднять знамя родины на революционном советском крейсере.

Ребята выстраиваются в шеренгу рядом с советскими моряками. В куртках-бушлатах, в морских бескозырках, красных галстуках — настоящие боевые юнги. Руки подняты для воинского салюта. Звучит марш. Лица ребят стали бледными от волнения. Левофланговый Буэнавентура даже приподнялся на цыпочки...

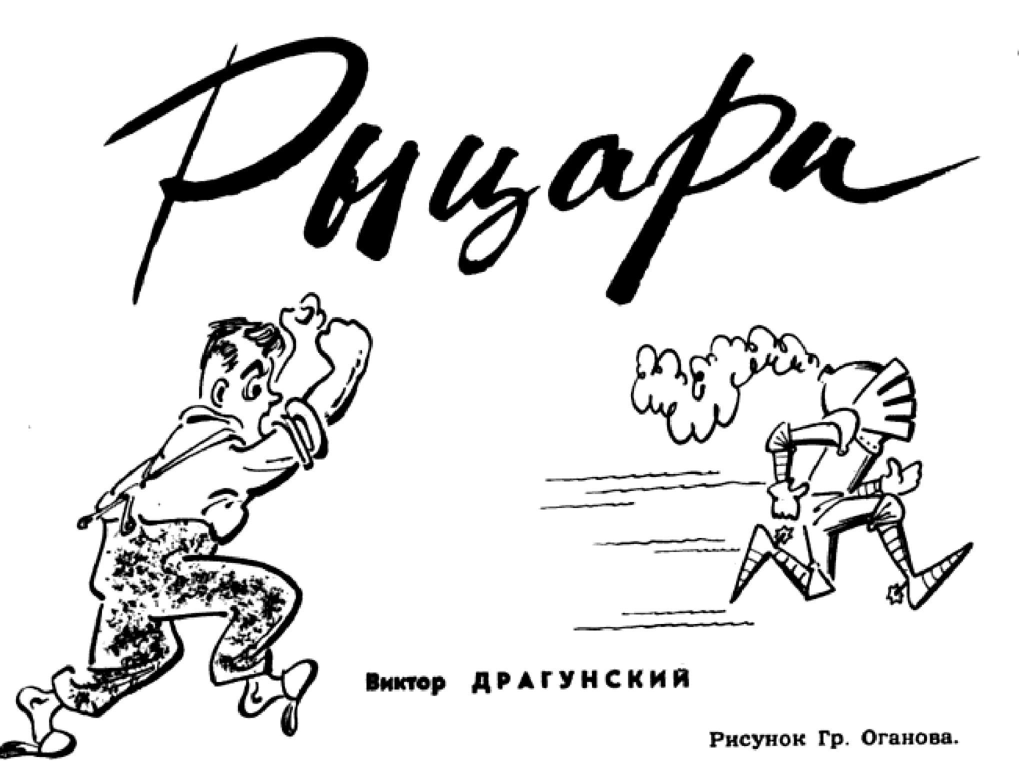
Освальдо Дортикос поздоровался с матросами, повернулся направо и тут увидел детей своей родины.

— Здравствуйте! Как идет путешествие?

— Очень интересно! — хором ответила делегация.

Впереди долгий путь: Китай, ГДР, Польша,— всего в программе двенадцать социалистических стран. Но то, что увидено в Ленинграде, ребята с острова бородачей никогда не забудут.

Рыцари

Виктор ДРАГУНСКИЙ

Рисунок Гр. Оганова.

Когда мы спели все песни, наш учитель пения Борис Сергеевич сказал:

— Мальчики, останьтесь! А девочки могут быть свободны.

И все мы, мальчишки, столпились вокруг Бориса Сергеевича. Он подождал, пока девчонки вышли из класса, и сказал:

— Мальчишки, а вы знаете, какой скоро праздник?

Мы все заорали:

— Знаем! Седьмое ноября!

— Правильно,— сказал Борис Сергеевич.— Значит, каждый из вас приготовил подарок своей маме?

— Конечно,— закричали мы,— а как же?

А я сказал:

— Я маме сшил подушечку для иголок. Красивую! На лягушку похожа. Три дня шил. Все пальцы исколол. Я две такие сшил.

А Мишка добавил:

— Да, да! Мы все по две подушечки сшили. Маме одну и Раисе Ивановне другую.

— Это почему же? — сказал Борис Сергеевич.— Вы что, сговорились, что ли, все шить подушечки?

— Да нет,— сказал Валерка,— это у нас в кружке «Умелые руки» мы подушечки проходим. Сперва проходили чертиков, а теперь подушечки...

— Каких еще там чертиков? — спросил Борис Сергеевич.

Я сказал:

— Пластилиновых. Наши руководители Володя и Толя из девятого класса полгода с нами чертиков проходили. Как придут, так сейчас: «Лепите чертиков!» Ну, мы лепим, а они в шахматы играют.

— С ума сойти! — сказал Борис Сергеевич сердито.— Подушечки... Придется разобраться! И маме и Раисе Ивановне... Стойте! — И он вдруг весело рассмеялся: — А сколько же вас, мальчишек, во втором «В»?

Мишка сказал:

— Пятнадцать. А девочек двадцать пять!

Тут Борис Сергеевич прямо покатился со смеху, а мы смотрели на него во все глаза. Что же тут смешного, что мальчишек пятнадцать, а девчонок двадцать пять?

Я сказал:

— У нас в стране вообще женского населения больше, чем мужского. Это по переписи известно.

Но Борис Сергеевич отмахнулся от меня:

— Я не про то. Просто мне интересно посмотреть, как Раиса Ивановна получит пятнадцать подушечек. Ну, ладно, теперь слушайте: кто из вас собирается поздравить девочек из своего класса с праздником?

Тут пришла наша очередь смеяться.

— Еще чего!

— Вы, Борис Сергеевич, наверное, шутите, да? Не хватало еще девчонок поздравлять!

Но Борис Сергеевич перестал смеяться.

— А вот и неправильно! Именно необходимо поздравить ваших одноклассниц. Это будет с вашей стороны очень по-рыцарски. Кто знает, что такое рыцарь?

Я сказал:

— Он на лошади и в железном костюме.

Борис Сергеевич кивнул.

— Да, так было давно. И вы, когда подрастете, прочтете множество интересных книжек про рыцарские приключения. Но знайте: и сейчас, если про кого-нибудь говорят «он рыцарь», то это значит, что перед вами самоотверженный, великодушный и благородный человек. И вот я хочу, чтобы вы были рыцарями и хорошо относились к девочкам. Я думаю, что каждый мальчишка, пионер или октябренок, должен обязательно быть рыцарем. Нука, подымите руки, кто хочет быть рыцарем?

Мы все подняли руки.

— Я так и знал,— сказал Борис Сергеевич.— Идите, рыцари, и подумайте, как вы поздравите девочек вашего класса.

И мы пошли по домам. А по дороге Мишка сказал:

— Ладно уж, я Катюшке Точилиной конфет куплю. У меня деньги есть.

И я ему ответил:

— А я Тоне Максимовой куплю.

И вот я пришел домой, а дома никого нет. А мне очень хотелось бежать и сейчас же купить подарок. Но у меня не было денег. Меня даже досада взяла. Вот в кои-то веки захотелось быть рыцарем, а денег нет! А тут, как на-

Юные кубинцы на «Авроре». Крайний слева — Педро Эрнандес Диас, второй — Фидель Кастро Диас, крайний справа — Буэнавентура Брин Родригес.

Фото В. Маркелова.

зло, Мишка прибежал, запыхавшись, в руках — нарядная коробочка, и на ней надпись: «С праздником!»

Мишка говорит:

— Готово! Я купил подарок. Теперь я рыцарь! За двадцать две копейки! А ты что сидишь?

Я говорю:

— Мишка, ты рыцарь?

— Рыцарь!

— Тогда дай взаймы! А то мамы дома нет, не у кого попросить.

Мишка огорчился:

— Я все истратил до копейки. Все-все!

Я говорю:

— Что же делать?

А Мишка:

— Поискать. Ведь это маленькая монетка — двадцать копеек, может завалиться куда-нибудь хоть одна! Давай поищем!

И вот мы стали искать деньги. Мы всю комнату облазили: и за шкаф глядели, и под диваном шарили, и я все мамины туфли перетряхивал, и даже в пудре у нее пальцем поковырял. Нету нигде. И тут дело дошло до буфета. Я во все чайники заглянул — а вдруг туда завалилась монетка,— но ничего не было.

Вдруг Мишка говорит:

— Стой! А это что такое?

Я говорю:

— Где? Ах, это? Это бутылки! Здесь два вина! Видишь, в одной бутылке такое, почти черное, а в другой — желтое. Это для гостей. К нам сегодня гости придут.

Мишка говорит:

— Всегда так! Когда надо, гости не приходят, а когда не надо, тут как тут. Вот пришли бы ваши гости вчера, и были бы у тебя деньги!

— Это как?

— А бутылки! Да за пустые бутылки хоть от боржома, хоть от чего всегда деньги дают. На углу. Называется «Прием стеклотары». Сам видел.

— Что же ты раньше молчал? — говорю я.— Сейчас мы это дело уладим. Давай банку из-под компота. Вот она, на окне стоит.

Мишка протянул мне банку, а я открыл бутылку и вылил черно-красное вино в банку.

— Правильно,— сказал Мишка,— что ему сделается...

— Ну, конечно,— сказал я,— а куда же вторую выливать?

— Да сюда же,— говорит Мишка,— не все равно! И это вино, и то вино!

— Ну да,— сказал я.— Если бы одно было вино, а другое керосин, тогда нельзя, а так, пожалуйста, еще лучше! Держи банку! Не дрожи руками!

И мы вылили туда и вторую бутылку.

За эти две пустые бутылки нам дали двадцать четыре копейки, и я купил конфет, как у Мишки. Еще две копейки сдачи дали. И я пришел домой веселый, потому что стал рыцарем. Как только вошли мама с папой, я сказал:

— Мама, у нас в классе все теперь рыцари. Нас Борис Сергеевич научил. И я тоже теперь рыцарь.

Мама сказала:

— Ну-ка, расскажи!

И папа тоже стал слушать. И я им рассказал, что мы девочкам делаем подарки и будем рыцари.

И я сказал:

— А что я тебе, мама, подарю, это секрет. А Тоне Максимовой я конфет купил!

Мама сказала:

— Молодец! А где же ты денег-то достал?

— Я, мам, пустую посуду сдал. Вот две копейки сдачи.

Тут и папа сказал:

— Молодец! Давай-ка мне эти две копейки на автомат.

И мы сели обедать. Потом папа откинулся на спинку стула и сказал:

— Компотику бы!

Мама улыбнулась.

— Извините, я сегодня не успела.

Но папа подмигнул ей хитро-прехитро:

— Шутите над человеком, да? А это что? Я уже давно заметил!

И он подошел к окну, снял блюдечко и хлебнул прямо из банки!

Ну, тут что было! Бедный папа кашлял так, будто он проглотил стакан гвоздей. Он закричал не своим голосом:

— Что это такое? Что это за отрава?

Я сказал:

— Папа, не пугайся! Это не отрава! Это вино! Это два твоих вина!

Тут папа немножечко пошатнулся и побледнел.

— Какие два вина? — закричал он еще громче.

— Черное и желтое,— сказал я,— что стояли в буфете. Ты, главное, не пугайся!

Папа подбежал к буфету и распахнул дверцы. Потом он заморгал глазами и стал растирать себе грудь. Он смотрел на меня так, будто я был не обыкновенный мальчик, а какой-нибудь удивительный: синенький или в крапинку.

Я сказал:

— Ты что, папа, удивляешься? Я слил твои два вина в банку, а то где я взял бы пустую посуду? Сам подумай!

Мама вскрикнула:

— Ой!

И упала на диван. Она стала смеяться, да так сильно, что я думал, ей плохо станет. Я ничего не мог понять. А папа как хлопнет дверцей буфета изо всех сил,— там вся посуда зазвякала. Папа прошелся по комнате и зарычал.

— Хохочете? — сказал он.— Что ж, хохочите! А между прочим, этот рыцарь скоро сведет меня с ума! Но лучше я его выдеру, чтобы он забыл раз и навсегда свои рыцарские манеры!

И папа стал делать вид, что ищет ремень.

— Где он? — кричал папа.— Подайте мне сюда этого Айвенго! Куда он провалился?

А я был за книжным шкафом. Я уже давно был там, на всякий случай. А то папа что-то очень сильно волновался. Он кричал:

— Слыханное ли дело выливать в банку коллекционный черный мускат урожая 1954 года и разбавлять его жигулевским пивом?!

А мама прямо кисла от смеха! Она еле-еле проговорила:

— Ведь это он... из лучших... побуждений... Ведь он же... рыцарь... Я умру... от смеха...

И она продолжала смеяться.

А папа еще немного пометался по комнате, а потом ни с того ни с сего подошел к маме и сказал:

— Как я люблю твой смех...

И наклонился и поцеловал маму.

И я тогда спокойно вылез из-за шкафа.

Летопись в миниатюрах

К XXII съезду КПСС Министерство связи СССР выпустило красочную серию из пяти марок. Их темы: партия и народ, новая Программа КПСС, научно-техническая мощь Советского государства, оснащенная передовой техникой промышленность, высокоразвитое механизированное сельское хозяйство. Над созданием этой интересной серии работали художники В. Завьялов, В. Пименов и И. Тоидзе.

Пятьдесят миллиардов марок выпущено за годы Советской власти. Четыреста марок посвящено создателю Коммунистической партии, руководителю первого в мире социалистического государства Владимиру Ильичу Ленину. В честь полувекового юбилея партии в 1953 году вышли в свет две марки, обе с барельефным изображением В. И. Ленина. Образ В. И. Ленина запечатлен на марках, отметивших знаменательные для страны события — XX и XXI съезды партии.

На одной из марок, вышедших в первые дни семилетки, мы видим Волжскую ГЭС имени Ленина. Венчает эту серию марка, посвященная освоению космоса. На ней изображены три советских спутника и космический корабль. Тогда еще звездный корабль был мечтой, сегодня он — реальность.

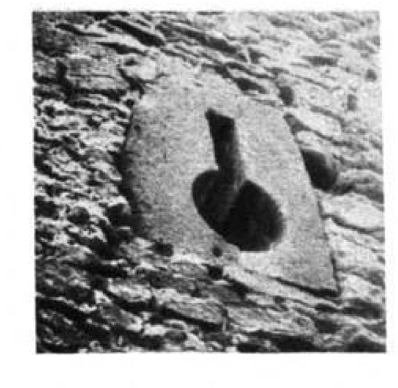
М. МИЛЬКИН

У НАС В ГОСТЯХ

В творческом клубе журнала «Огонек» выступил один из крупнейших советских ученых в области космической медицины, профессор Владимир Иванович Яздовский. Он рассказал о проблемах космических рейсов, о подготовке к полетам космонавтов Юрия Гагарина и Германа Титова.

Немые бойницы

Это не замочная скважина. Давно молчат бойницы старинного Невицкого замка близ Ужгорода. Сейчас около старой крепости строится здание турбазы.

А. МИХАЛКОВ

«Судьба человека» на оперной сцене

В 1935 году впервые увидела свет рампы моя первая юношеская опера — «Тихий Дон»; в ту пору вышел из печати роман М. Шолохова. На меня эта книга произвела тогда огромное впечатление. Она-то и легла в основу либретто оперы (либретто написал мой старший брат — Леонид Дзержинский).

Впервые опера «Тихий Дон» была поставлена в Ленинградском Малом оперном театре; она имела успех. «И так судьба моя была уж решена». С того самого времени и по нынешний день опера как жанр стала для меня основным и любимым видом музыкального творчества.

Современность всегда привлекает мое особенное внимание, а в современности наиболее любимыми стали темы, связанные с творчеством Михаила Александровича Шолохова. Неповторимые, самобытные образы «Тихого Дона», «Поднятой целины» и, наконец, «Судьбы человека» получили воплощение на оперной сцене, и я счастлив, если мне удалось выразить средствами музыки необычайную честность, искренность, правдивость этих изумительных, подлинно народных образов.

Творчество Шолохова вообще очень напевно; оно музыкально, как песня... Но если первые две оперы были написаны мною по мотивам огромных романов, то «Судьбу человека» пришлось основывать на рассказе, совсем небольшом по размеру. Мне помогло то, что смысл, человеческое содержание, идейная полнота и глубина этого маленького рассказа столь велики, что вполне отвечают требованиям оперного жанра.

Главный герой моей оперы, конечно, Андрей Соколов. Я рад, что его полюбил замечательный коллектив Большого театра, работавший над постановкой «Судьбы человека». И я буду счастлив, если оперу полюбят слушатели.

Ив. ДЗЕРЖИНСКИЙ, композитор

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Аэронавигационный прибор. 10. Соленое озеро в Заволжье. 11. Луковичное растение. 13. Планета. 14. Приток Северного Донца. 15. Морской рак. 18. Меховая шапка. 20. Место уборки сена. 22. Исправление изображений на снимке. 24. Восточнославянское племя. 25. Одно из пяти чувств. 27. Положительно заряженная частица. 30. Советский писатель-сатирик. 31. Столица Кубы. 34. Автор серии романов «Ругон-Маккары». 35. Плод бобового растения. 38. Начало дня. 41. Сельскохозяйственная машина. 42. Сосна, растущая на Дальнем Востоке и в Сибири. 43. Картина И. Н. Крамского.

По вертикали:

1. Вид изделия из керамики. 2. Струнный инструмент. 3. Актер и режиссер МХАТа. 4. Южноамериканский страус. 6. Горизонтальное перекрытие в корпусе судна. 7. Поэтическая строфа из восьми строк. 8. Размер листа бумаги. 9. Сорт льна. 12. Вид репетиции пьесы. 16. Лососевая рыба. 17. Подставка геодезического инструмента. 19. Динамический оттенок в музыке. 20. Кабардинский народный поэт. 21. Горный массив Северного Урала. 23. Часть города, поселка. 26. Старинная новгородская ладья. 28. Пьеса Б. А. Лавренева. 29. Ластоногое животное. 32. Произведение из симфонического цикла Б. Сметаны «Моя Родина». 33. Редкоземельный элемент. 36. Город на юге Франции. 37. Персонаж балета «Лебединое озеро» П. И. Чайковского. 39. Вертикальный склон. 40. Гуцульский танец.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 40

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Самарин. 5. Спирометр. 8. «Шурале». 9. Неолит. 12. Береза. 13. Марсо. 14. Ремарк. 18. Левинсон. 19. Нагасаки. 20. Насырова. 22. Рубероид. 26. Анналы. 27. «Антар». 28. Сомали. 31. Кемери. 32. Италия. 33. Лукоморье. 34. Алабама.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Сапсан. 2. Мармелад. 3. Романист. 4. Нитрон. 6. Гудзон. 7. Литера. 10. Древесина. 11. Мадаполам. 12. Болонка. 15. Куинджи. 16. Почва. 17. «Парус». 21. Рельеф. 23. Ежовик. 24. Антилопа. 25. Манитоба. 29. Медуза. 30. «Мальва».

На первой странице обложки: Делегат XXII съезда КПСС вальцовщик Ленинградского сталепрокатного завода В. В. Иванов.

Фото Г. Копосова.

На последней странице обложки: Серебряные нити Братска.

Фото Д. Ухтомского.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Михайлина.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05282. Подписано к печати 4/X 1961 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 3,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 850 000. Изд. № 1925 Заказ № 2424.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Сцены из оперы И. Дзержинского «Судьба человека» в Государственном академическом Большом театре Союза ССР. В роли Андрея Соколова артист Виктор Нечипайло.

Фото Е. Умнова.

Цена номера 30 коп.

